ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Е. Зюлковский

Через несколько дней тетка Виктория узнала от своей знакомой, живущей в одном доме с Гурницкой, подробности событий на Хотимской. На квартиру Гелены пришли гестаповцы. Никого не застав, они устроили внизу, в квартире дворника, засаду. Под угрозой расстрела всей семьи фашисты заставили дворника показать в окно, когда пойдет Янек Мейер. Прождали несколько часов. Появился Янек с Геленой и ее сыном.

Гестаповцы по знаку дворника выскочили на лестницу и бросились на Янека. Вспыхнула короткая перестрелка. Янек убил двоих из них и упал, прошитый пулями. Гелену увезли в Павяк.

ГРУППА „МИХАЛ" РАДИРУЕТ II

МУЖЕСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть «Группа «Михал» радирует» рассказывает о событиях, происходивших на территории оккупированной немцами Польши в период с июля 1941 года по июнь 1942-го. Она знакомит читателей с еще одной страницей славной летописи великой освободительной войны против фашизма. Автор был заместителем командира группы «Михал».

- Группа «Михал» радирует
  -
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
  - Я НАДЕВАЮ ВОЕННУЮ ФОРМУ
  - ДОРОГИ ВОЙНЫ
  - АРЦИШЕВСКИЙ
  - ПАРТИЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
  - ПАРАШЮТЫ НАД ЗОФЬЮВКОЙ
  - ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ
  - НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ
  - КУРЬЕР
  - ЗАСАДА
  - ВИЗИТ ГЕСТАПО
  - НОВЫЕ КОНТАКТЫ
  - НЕМЦЫ ГОТОВЯТ НАСТУПЛЕНИЕ
  - НАЧАЛО ТРАГЕДИИ
  - ЭПИЛОГ
  - ПОДВИГ ПРОЗРЕВШИХ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Группа «Михал» радирует

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

ЕЖИ ЗЮЛКОВСКИЙ

ГРУППА "МИХАЛ" РАДИРУЕТ

Сокращенный перевод с польского
В. КИСЕЛЕВА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Чем дальше в прошлое уходят огненные годы второй мировой войны, становясь достоянием истории, тем чаще появляются произведения разных жанров о действиях в тылах и на фронтах военных разведчиков. Эта книга тоже о военных разведчиках, хотя главные герои книги — пять офицеров польской армии — не были профессиональными разведчиками, не имели ни специальной подготовки, ни соответствующего опыта, но тем не менее работали в глубоком тылу врага более года, выполняя ответственные задания советского командования. Они стали разведчиками, движимые чувством патриотизма, жгучей ненависти к врагу, стремлением внести свой посильный вклад в дело борьбы с нацизмом, в дело освобождения и возрождения своей родины.

Немало жизненных невзгод и тяжких психологических потрясений довелось пережить героям повести, прежде чем с глаз их спала пелена прежних ложных представлений и заблуждений. Обманутые буржуазно-националистической пропагандой правящей клики предвоенной Польши, не сразу сумели они разобраться в политической обстановке кануна второй мировой войны.

Политика установившейся в 1926 году в Польше диктатуры Пилсудского и его преемников, так называемой «санации», была направлена на разжигание ненависти к Советскому Союзу и заигрывание с гитлеровской Германией. Эта преступная политика дорого стоила польскому народу и в сентябре 1939 года привела страну к краху. Оставленная на произвол судьбы западными союзниками, брошенная своими горе-правителями, Польша, несмотря на героическое сопротивление народа, оказалась захваченной гитлеровцами. Это был тяжелый удар, заставивший многих истинных польских патриотов по-новому взглянуть на действительность. Тяжелой ценой далось прозрение — миллионы поляков, мужчин и женщин, стариков и детей, погибли под бомбами, на полях сражений, в тюрьмах и концентрационных лагерях. Но польский народ не сдавался, продолжая вести героическую борьбу с гитлеровскими захватчиками. Верного союзника в этой борьбе он нашел в лице советского народа.

Логика всего хода исторических событий того периода привела героев повести на путь добровольного сотрудничества с советской стратегической разведкой. Им пришлось работать на территории оккупированной Польши в крайне сложной не только военной, но и политической обстановке, когда в рядах польского

движения Сопротивления еще четко не оформились и окончательно не сложились политические течения и группировки, и потому расстановка сил в стране была недостаточно ясной. Герои книги были в то время сравнительно молоды, малоопытны, недостаточно идейно закалены и воспитаны в основном на классической литературе польских романтиков. Их представления о классовой сущности грандиозной битвы с фашизмом, ареной которой стал чуть ли не весь земной шар, были довольно наивны. Им казалось, что любой из их соотечественников — вне зависимости от классовой принадлежности и политических убеждений, — борющийся за освобождение Польши от гитлеровских оккупантов, только поэтому уже стоит по одну сторону баррикады с ними, людьми, избравшими путь сотрудничества с Советской Армией, в которой они видели единственную силу, реально способную противостоять фашистской военной машине.

Именно в силу этого они были порой излишне доверчивы, недостаточно осторожны и осмотрительны, что в сочетании с отсутствием у них опыта конспирации приводило к ошибкам, которые нынешний читатель, просвещенный разного рода детективной литературой, без особого труда обнаружит в книге.

Пребывание в глубоком тылу врага, оторванность от Центра не давали им в то время возможности с достаточной полнотой судить о ценности передаваемой ими информации и эффективности ее использования, а потому в повествовании результаты их работы могут показаться довольно скромными. Однако теперь можно смело сказать: в тяжелейший период 1941—1942 годов эти люди делали все, что было в их силах, а порой даже больше.

Лишь теперь, листая в архивах страницы отчетов и донесений, начинаешь в полной мере понимать, сколь нужной и важной была в то время их работа. И быть может, особенно очевидным это становится, когда знакомишься с оценками их действий бывшими врагами. Вот отрывки из двух книг, появившихся после войны в Западной Германии. Некто Пауль Карелл (а фактически Пауль Шмидт — бывший шеф одного из отделов гитлеровской пропаганды) в книге «Сгоревший мир» (Франкфурт-на-Майне, 1966 г.) пишет:

> «Трудно себе представить, что им (Арцишевскому и Мейеру) удалось собрать в тылу немецкого фронта такую информацию военного характера. Радиограммы их давали полную картину перегруппировок немецких войск перед летним наступлением 1942 года. И не

только перегруппировок. Оказались также подробно и правильно вскрыты цели, планы использования и передислокации корпусов и дивизий. На основе информации обоих польских радиоагентов генеральный штаб красных без труда мог определить направление главных ударов весеннего наступления немцев».

Карелл подчеркивает, что известие о деятельности группы «Михал» вызвало в кругах абвера полную растерянность и генерал Эрих Феллгебельх предпочел даже не докладывать о нем Гитлеру, поскольку оно было «слишком тревожным» и «могло лишь сильно взволновать фюрера».

В другой книге под названием «Агенты радируют в Москву», изданной в Вельс-Мюнхене в 1957 году бывшим офицером абвера Вильгельмом Ф. Флике, отмечается:

> «…оказалось, что радиограммы образуют безошибочную картину всей перегруппировки немецких войск к летнему наступлению 1942 года… (Арцишевский) в середине марта 1942 года на каждом железнодорожном узле, перевалочной базе и в управлениях дорог имел своих людей — мужчин и женщин, — которые регулярно снабжали его текущей информацией».

И далее:

> «Советы делали с достойной удивления быстротой выводы из поступающих донесений. 12 мая армии Тимошенко нанесли удар по войскам фон Бока… Немецкое наступление на Кавказ не могло начаться в установленный срок — Тимошенко нанес слишком чувствительный удар по нашим исходным позициям. Ему удалось этого добиться только и исключительно благодаря данным, сообщенным Арцишевским и другими антифашистскими разведгруппами во Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии. Вместо 25 мая немецкие армии смогли начать наступление только 4 июля, т. е. на полтора месяца позже».

Эти признания бывших гитлеровцев не нуждаются в комментариях.

Издание книги Е. Зюлковского на русском языке даст возможность советскому читателю, и прежде всего молодежи, познакомиться с еще одной страницей в славной летописи

великой освободительной борьбы советского и польского народов против германского нацизма.

Предлагаемая книга не роман, это документальная повесть. В ней нет вымышленных имен и вымышленных событий. Автор посвятил ее памяти товарищей по борьбе, и в первую очередь светлой памяти замечательного человека, истинного патриота своей родины, видевшего ее расцвет и счастье в дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, — светлой памяти Миколая Арцишевского.

Владимир КИСЕЛЕВ

Я НАДЕВАЮ ВОЕННУЮ ФОРМУ

Шел 1936 год. Снег уже почти стаял, но по улицам Варшавы весело бежали еще говорливые ручьи, смывая с асфальта зимнюю грязь. Приближалась горячая предэкзаменационная пора.

Весной в наш институт (он назывался тогда Государственное высшее техническое училище авиации, автотранспорта и судостроения) приехал начальник военной авиационно-технической школы подхоронжих[1] и обратился к нам с горячей речью, призывая поступать в эту школу. Он красочно расписывал перспективы продолжения учебы в заграничных учебных заведениях, рассказывал о предстоящем в самом недалеком будущем небывалом расцвете авиации, об острой нехватке квалифицированных кадров. В заключение он коснулся вопроса, который не мог не будоражить воображения любого юноши моего поколения, вопроса о возможности летать. Оказывается, программа обучения в школе предусматривала и прохождение курса пилотирования. Одним словом, открывалась перспектива и завершить образование, и получить возможность летать.

Результат этого визита был таков, что трое из нас, Когут,

Буршевский и я, подали заявления в военную авиационно-техническую школу. После успешной сдачи всех экзаменов нас направили в Устяновую для прохождения курса планеризма.

С затаенным дыханием следили мы за акробатическими номерами наших выдающихся планеристов, их высотными полетами и рекордами, часами обсуждали каждый свой вылет, успех или неудачу. Когда однажды в одном из испытательных полетов высоко в небе развалился планер и на землю с треском рухнул фюзеляж, за ним, несуразно вертясь в воздухе, крылья, а потом приземлился и планерист на парашюте, ни у кого из наших я не заметил на лицах страха. Напротив, каждый сожалел, что не он стал героем столь захватывающего события. Трудно передать то чувство восторга, с которым мы поднимались в воздух, и, хотя немало приходилось работать также на земле, время бежало незаметно.

Увы, радости полетов длились недолго. После прохождения курса планеризма все мы были направлены в Ружаны на трехмесячные пехотные курсы. Здесь из нас, штатских увальней, предполагалось сделать браво козыряющих и лихо щелкающих каблуками подтянутых строевиков.

Наш отделенный командир сержант Баста родом из-под Кракова знал свое дело и умел допечь подчиненных. Взялся он за нас довольно энергично. Для начала построил всех по ранжиру, указал каждому его койку и тумбочку, а затем несколько часов кряду муштровал, обучая заправлять койки, укладывать обмундирование «в конверт» и устанавливать сапоги по стойке «смирно». А дабы нам не наскучило монотонное повторение одних и тех же упражнений, разнообразил их другими: «Под кровать ложись!», «По казарме вприсядку, марш!» и т. д.

С первого взгляда Басте «не показался» мой сосед и товарищ Юрек Маринж. Обладая мягким характером и философским складом ума, Юрек не был убежден в необходимости идеально расправлять простыню на койке с помощью табуретки, а поскольку еще и талантом в этой области не блистал, сержант при виде его койки нередко впадал в бешенство. Он назначал Юрека на самые тяжелые и неприятные работы, раскидывал его постель, выбрасывал содержимое из тумбочки, допекал где и как только мог. Тайком я стал помогать Юреку в заправке непокладистого ложа, но Баста прихватил меня как-то на месте преступления, и с этих пор жизнь наша в отделении стала тяжкой. Так продолжалось до первых учебных стрельб.

Торжественность, с какой обставлялся первый выход на стрельбище, и присутствие давно не виденного нами командира роты свидетельствовали о том, что за всем этим что-то кроется. И

действительно, позже мы узнали, что на этих пехотных курсах существует традиция выдвигать по службе и награждать командиров отделений и рот за лучшие показатели в стрельбе подчиненных им солдат.

Результаты стрельбы явились для Басты полной неожиданностью. Наша «парочка», подвергавшаяся гонениям и муштре как материал, малопригодный для военной службы, выбила одни десятки, его же любимцы, лихо щелкавшие каблуками и заправляющие по струнке койки, сплоховали.

Со стрельбища по ритуалу мы с Юреком возвращались в первой шеренге. По месту в строю возвращающегося подразделения можно было сразу определить, кто как стрелял. Во главе отделения шествовали подхоронжие с отличными оценками, за ними — с хорошими, с удовлетворительными несли масленки, ветошь, документацию, а с неудовлетворительными сгибались под тяжестью дощатых щитов, ящиков с патронами, столов, скамеек и т. п. По возвращении в казармы получившие неудовлетворительные оценки попали под «особую опеку» отделенного. Они назначались на самые трудные и особо нелюбимые работы: мыть полы, подметать казармы, чистить умывальники и уборные. Зато отношение к нам Баста изменил в корне. Он делал вид, что не замечает не слишком опрятной койки Юрека или неровно поставленных сапог. По-прежнему не делал он нам исключения лишь при самом тяжком преступлении, каковым почитался мусор в казарме. Заметив на полу окурок, Баста багровел, обращал на нас грозный взор и хриплым голосом ревел:

— Тревога-а-а!

По этому сигналу надлежало мгновенно уложить вещмешок, скатать в скатку одеяло, надеть шинель и фуражку, застегнуть ремень с саперной лопаткой и подсумками, разобрать винтовки и встать в строй. Затем следовали несколько приседаний и команда: «Разойдись, приготовиться к отбою». Когда мы оставались уже в одном белье, снова звучала резкая команда: «В две шеренги становись!» Четыре человека выделялись к одеялу, остальные — приседать. Далее следовала церемония водружения окурка на одеяло, а потом прыжками вприсядку все отделение препровождало «пожароопасный предмет» на помойку. Минуту спустя снова тревога и выход на плац. И вот уж тут-то Баста выдавал нам концерт: «Бегом марш!», «Ложись!», «Встать!», «Бегом марш!», «Становись!» и т. д. Через час, когда, задыхаясь, мы из последних сил едва волочили ноги, он возвращал отделение в казарму. Так в нас вколачивалась любовь к порядку и дисциплине.

Но подлинного Басту, настоящего солдата и командира, мы узнали несколько позже, во время тактических учений. Несмотря на застарелую рану в ноге, этот немолодой уже человек никогда не использовал преимуществ своего командирского положения. Вместе с нами он бегал, показывал, как нужно ползать по-пластунски, находить укрытие, как ложиться, окапываться, идти в атаку. После занятий, как и мы, он возвращался запыленный, усталый, страдая от боли в ноге, но довольный, что чему-то нас научил.

Окончание общевойсковых курсов завершилось торжественно — парадом, наградами и речами. Всем предоставлен был краткосрочный отпуск, после которого мы опять явились в свою школу.

Авиационно-техническая школа подхоронжих размещалась на площади Унии Любельской. Под школу переоборудовали бывшие цехи авиационного завода, разместив в них мастерские и лаборатории, а в административных корпусах — аудитории, кафедры и спальные помещения. Уровень обучения был высоким. Во всяком случае, так оценивала его техническая печать того времени, подчеркивая удачное сочетание теоретического курса с практическими занятиями. Преподавали нам известные авиаконструкторы и инженеры авиационных заводов.

Весь учебный день до отказа был заполнен занятиями. В шесть утра — подъем, физзарядка, фехтование, уборка помещения и завтрак. После завтрака восемь часов лекций, потом обед и короткий отдых. После обеда ни одной свободной минуты: летом — два часа занятий легкой атлетикой, спортивные игры: баскетбол, волейбол, зимой — гимнастические снаряды, бокс, игры в зале. После ужина обязательная самоподготовка. В десять часов отбой, но не для всех: неуспевающие до поздней ночи занимались самоподготовкой.

Все мы, за исключением Юрека Маринжа, его двоюродного брата Карнковского и сына врача из Малкина Сербея, происходили из семей малосостоятельных и в армию пошли в основном с целью бесплатно завершить образование. Учились охотно, жадно, самозабвенно. Большинство из нас, воспитанные на поэзии Мицкевича и Словацкого, имели весьма смутное представление о социальных проблемах и политических течениях того времени. Наша авиационная школа, провозглашавшая принцип: армия вне политики, такого рода знаний не углубляла. Другой, пусть менее существенной причиной нашего политического невежества была тупая воинская муштра, поглощавшая все наши физические и духовные силы. Бесконечные построения, незаслуженные взыскания, унижающие

человеческое достоинство: «Ложись!», «Встать!», «Бегом!», «Под кровать ложись!», даже нам представлялись анахронизмом и являлись порой причиной конфликтов и различных столкновений.

…После месяца тяжелой экзаменационной сессии все рады были получить наконец долгожданное увольнение и хоть ненадолго забыть об уравнениях, строении атома, энтальпиях и прочих достижениях XX века. Как назло, в этот день дежурил особенно нелюбимый и крайне ограниченный начальник первого курса. В часы, предназначенные для подготовки к увольнению, он устроил чистку оружия и продержал нас три часа. Наконец он разрешил нам переодеваться, но, как оказалось, для того лишь, чтобы тут же заметить, что сапоги у нас плохо вычищены, и потому в город никто не пойдет. Однако и этого ему показалось мало. Построив нас на плацу и приказав отрабатывать приемы штыкового боя, он нашел, что мы «сонные тетери» и нас надо расшевелить. И тут началось: «Ложись!», «Встать!», «Бегом марш!», «Ложись!», «По-пластунски в казарму марш!» и т. д. После такой разминки не могло быть и речи о веселье. А тут же следует его команда: «Запевай!» Все мы знали, что он терпеть не может песни «Ходил я по полю…», и, разумеется, запели именно ее.

Подпоручник гаркнул: «Отставить!», прогнал нас бегом вокруг плаца и снова скомандовал:

— Запевай!

Во все глотки мы грянули: «Ходил я по полю…».

— Отставить! Запевай другую!

Мы опять: «Ходил я по полю…»

— Отставить! — взбешенный воспитатель без передышки сыплет команды: «Ложись! Встать! Бегом марш!» И еще одна попытка сломить нас:

— Запевай другую!

Мы не поддались и громче прежнего гаркнули «Ходил я по полю…».

— Ах так? Бунтовать! Бегом марш!

Действительно взбунтовавшись, с криком «ура!», заглушающим его команды, мы помчались вперед через спортивный городок, через все мокотовское летное поле и остановились только на проспекте Жвирки и Вигуры возле здания штаба морского флота.

Через четверть часа прибежал, запыхавшись, и наш мучитель.

— Вы слышали мою команду «стой»?! Я вас научу! В две шеренги становись! Бегом марш!

Громовое «ура» снова заглушило его последующие команды. Мы припустили обратно на территорию казарм, зная, что ему нас

не догнать.

Минут через двадцать он наконец появился и решил, что проще справиться с нами в казарме. Начались построения то с полной выкладкой и вещмешками, то в одном белье. В заключение, чтобы окончательно нас доконать, раздалось ненавистное:

— Под койки ложись!

И тут чаша нашего терпения переполнилась. В ответ на новую команду: «В две шеренги становись!» — все мы с кроватями на спинах двинулись на подпоручника. Началось невообразимое столпотворение железа, одеял, подушек, матрацев и людей. Каждый норовил зацепить офицера койкой. Взвинченный, изрядно помятый, он бросился к телефону докладывать начальнику школы о бунте на втором курсе. Мы тем временем спешно привели в порядок казарму и стали ждать дальнейшего развития событий.

Начальник приехал тут же. Энергичным шагом вошел он в казарму, окинул взглядом возбужденные лица и спокойным тоном спросил:

— Что вы имеете мне сообщить?

Из строя выступил наш признанный оратор подхоронжий Петр Климан и произнес пламенную речь об издевательствах над подхоронжими, об унижении достоинства подчиненных, о методах воспитания, напоминающих прусскую муштру и противоречащих требованиям и принципам современной дисциплины.

Начальник внимательно все выслушал, на минуту задумался, затем приказал нам разойтись и отправляться в увольнение.

Подпоручника в школе мы больше не видели. Он был переведен в другую часть.

Событие это получило широкий резонанс. Нами никто не пытался больше понукать. На наш курс был назначен новый, очень выдержанный и тактичный воспитатель. Собираясь по субботам в увольнение, мы нередко наблюдали в окна, как подхоронжие с других курсов в одном белье с койками на плечах маршировали на строевой плац, что, по разумению их воспитателей, оказывало благотворное влияние на поддержание высокого уровня воинской дисциплины.

С так называемым понуканием мы старались бороться всеми средствами и «темную» устроили даже одному из наших сокурсников, который пытался помыкать младшекурсниками.

…В начале третьего курса, в октябре 1938 года, стало известно, что в связи с напряженной международной обстановкой количество занятий будет увеличено, а срок обучения сокращен.

Известие это мы восприняли спокойно, усматривая в таком решении прозорливость военного командования, стремящегося ускорить подготовку кадров военных специалистов. Успокаивали нас и ежедневные заверения печати о прочном международном положении нашего государства, достигнутом благодаря мудрой политике нашего правительства, сумевшего еще в 1934 году добиться заключения с Германией пакта о ненападении, что обезопасило нас от угрозы с запада. Критические же голоса по поводу этой политики до нас не доходили. Мы восхищались развитием нашей оборонной промышленности, слыша о производстве противотанковых и зенитных пушек по лицензиям Бофорса. Не умолкали восторги по поводу блестящих боевых качеств бомбардировщика «Лось», помещенного к нам в ангар в учебных целях (с производством этих бомбардировщиков мы знакомились на авиационном заводе в Палюхе). Самолеты «Карась» и П-24 казались нам уже устаревшими — мы ждали результатов испытаний и массового производства истребителя «Ястреб», который мог развивать головокружительную по тем временам скорость — 500 километров в час. Мы знали, что осуществляется дальнейшая модернизация «Лося» — «Мись», а в процессе производства находятся и более современные и скоростные машины. Одним словом, Польша-де в состоянии не только удовлетворить свои собственные потребности, но еще и экспортировать военные самолеты в Грецию, Болгарию, Турцию и Румынию. Нам мерещилось, что создание Центрального промышленного округа поставит нашу промышленность на один уровень с промышленностью мощнейших держав мира. Все это позволяло с оптимизмом взирать на будущее страны. Многим из нас представлялось, что так же легко, как в Чалленджe[2], дастся нам победа и в военном столкновении с Германией.

На более глубокий анализ международного положения у нас недоставало ни времени, ни знаний. Весь день от зари до зари был заполнен лекциями, лабораторными работами, учениями. Даже для спорта, предусмотренного учебными программами, времени теперь почти не оставалось.

Лишь изредка, да и то, как правило, самовольно, наведывались мы в город, чтобы хоть ненадолго отвлечься от военных будней. Выбирался иногда и я повидаться со своей пассией. Во время одной из таких недозволенных вылазок мы с ней отправились в кино. По окончании сеанса, когда зажегся свет, я увидел сзади нас начальника курса. Он делал вид, что нас не замечает. Мне пришлось быстро распрощаться с девушкой и поспешить, чтобы до его прихода пробраться в казарму. На моей койке лежала под одеялом свернутая из шинели кукла. Ее надо

было любой ценой успеть устранить, чтобы не раскрыть широко применявшуюся нами уловку.

Едва я успел вскочить под одеяло, как дверь открылась. Мигнул карманный фонарь. Начальник курса шел вдоль ряда коек и проверял, все ли спят. Остановившись возле меня, он шепотом произнес:

— А девушка у вас очень славная!

«Рапорт по команде и неувольнение из казармы обеспечены», — подумал я. Однако начальник курса придумал мне другое наказание — поручил украсить наш огромный банкетный зал.

В этом занятии мне помогал Игорь Мицкевич, наказанный за довольно необычную провинность. Игорь, невысокий, но крепкий и хорошо тренированный парень, состоял в третьем отделении, которое мы шутливо прозвали за низкий рост курсантов отделением «усеченных конусов». Это отделение очень болезненно реагировало на шутки в свой адрес и часто устраивало словесные баталии с верзилами из первого. Однажды Игорь, проходя через спальню «верзил», услышал особенно едкую остроту в адрес своего отделения. Он подошел к остряку и спросил, не хочет ли тот, если уж он так велик, помериться с ним силами. Второй остроты об «усеченных конусах» верзила докончить не успел — сильный удар в челюсть заставил его умолкнуть.

В завязавшейся стычке юркий и подвижный боксер быстро расправился с неуклюжим великаном. Товарищи по отделению, видя, что Голиаф попал в переделку, поспешили ему на помощь. Игорь, обычно спокойный и уравновешенный, на этот раз выведенный из терпения, сильными ударами и приемами дзю-до раскидывал нападавших. Трещали перевернутые койки и тумбочки. На подмогу Игорю прибежали курсанты из его отделения, но при виде разгрома, учиненного Мицкевичем, покатились со смеху. Этот непроизвольный взрыв веселья разоружил, распетушившихся противников. С триумфом толпа «конусов» на руках вынесла своего героя из комнаты.

Мы знали, что Игорь прекрасный гимнаст и хороший боксер. Сложнейшие упражнения на перекладине он выполнял так виртуозно, изящно и чисто, что на целую голову превосходил самых лучших из нас. На ринге он одерживал победы над противниками значительно большей весовой категории. Но то, что он прекрасно владел еще и дзю-до, никто из нас не знал. Он никогда никого не трогал, отличался мягкостью и спокойствием. Я не помню случая, чтобы он хоть раз подшутил над более слабым товарищем.

В ответ на наше любопытство, где он научился так замечательно драться, Игорь с явной неохотой стал рассказывать о своем детстве и юности.

Родился он в России. Дед его был сослан в Сибирь после восстания 1863 года. Родители умерли рано: сначала мать, потом отец. Воспитывала его мачеха, которая после смерти мужа вторично вышла замуж. После революции они выехали в Харбин. Тяжелые условия жизни на чужбине приучили его с детства рассчитывать только на собственные силы. Невзирая на изнурительный труд, он стал учиться. В квартале, где он жил, образовались два мальчишеских лагеря: русской белогвардейской эмиграции и польской колонии. Часто вспыхивали ссоры и драки. Чтобы противостоять нападениям по дороге в школу, поляки ходили группами, но их было меньше, и нередко им крепко доставалось. Тогда они стали заниматься боксом и дзю-до. Жить стало легче.

Но в гимназии, где поляков было совсем немного, хулиганы не церемонились с выбором средств — в ход порой шли кастеты, а то и ножи. Постоянные занятия гимнастикой, дзю-до и боксом порождали чувство силы, вырабатывали быстроту реакции, учили специфической тактике побеждать более сильного противника. Драки не стихали годами и волей-неволей давали хорошую закалку.

В польской гимназии Игорь познакомился с историей своей страны, с ее литературой, стал зачитываться произведениями Адама Мицкевича — повезло же! — своего однофамильца. Он стал тосковать по неведомой ему стране, родине своих предков, и в конце концов решил пробраться в Польшу. Осуществить эту мечту было непросто — стоимость далекого путешествия превышала его материальные возможности. Чтобы скопить деньги для этой поездки, он окончил курсы радиотелеграфистов и поступил на английский корабль. После полутора лет плавания ему удалось скопить наконец нужную сумму и приехать в Польшу. Здесь он поступил в авиационного техническую школу. Несмотря на трудности с польским языком и слабую общеобразовательную подготовку, он в учебе не отставал от товарищей. И все это благодаря своему упорству и трудолюбию. В школе его прозвали «железный Игорь».

На третьем году обучения начался наконец курс основ пилотажа. Будить на занятия теперь никого не приходилось. Мы вскакивали в четыре утра и строем отправлялись ца мокотовский аэродром, где нас уже ждал руководитель занятий капитан Виршилло, командир базировавшейся здесь учебной эскадрильи и он же воспитатель нашего курса. После краткого рапорта и

тщательного осмотра самолетов взвывали запускаемые двигатели. Клубы дыма укрывали на миг поле и постепенно рассеивались по мере прогревания моторов. Подхоронжие занимали места в кабинах, застегивали ремни. Машины поочередно выруливали на старт.

Первый полет с инструктором был ознакомительным. Когда я сел в самолет, меня так ошеломили гул двигателя, вибрация машины и воздушный вихрь, поднятый винтом, что я с трудом узнавал знакомые мне прежде приборы. Спидометр, высотомер, вариометр, буссоль — вся приборная бортовая доска мерцала передо мной словно в тумане, и только горизонт светился ровной линией над капотом двигателя. Инструктор выполнил несколько показательных разворотов и разрешил мне взять управление на себя. Послушная до того машина стала вдруг проявлять какую-то нервозность, беспрестанно выскакивая то над, то под линию горизонта, шарик угломера то и дело выкатывался за ограничительные риски.

— Уважаемый коллега, — донесся до меня голос инструктора, — это не пожарный насос, а самолет. Движения должны быть плавными, точными. С машиной нужно обращаться нежно.

И действительно, чем мягче становились мои движения, тем плавнее пересекал горизонт капот машины.

— Заходить на посадку! — Команда инструктора оторвала мой напряженный взгляд от приборов.

Я озираюсь, отыскивая аэродром, который куда-то запропастился. Под нами поле, вдалеке вырисовывается лес, горизонт прикрыт утренней мглой. Слева замечаю пути пригородной узкоколейки и шоссе. Приближаюсь к каким-то строениям. Ага, вот Пыри! Ну теперь все ясно. Вот Пулавская. Отчетливо вижу мокотовский аэродром и рядом поле ипподрома. Сбавляю газ и начинаю снижаться. На зеленом фоне травы маячат

крохотные фигурки моих товарищей, белеет буква Т — знак места и направления посадки. Разворачиваюсь над беговым полем и захожу со стороны военного госпиталя. Инструктор принимает у меня рули, переводит машину в пологое пике, выравнивает и сажает точно у знака Т.

«Вот это расчет, научусь ли я когда-нибудь так садиться?!»

После ознакомительных полетов мы начинаем отрабатывать старт и посадку. На первых порах не все получается гладко, то и дело приходится вмешиваться инструкторам. Но понемногу мы начинаем понимать машину. Движения становятся увереннее, мы спокойнее, стрелки и цифры приборов отчетливее. Начинает зарождаться вера в собственные силы. Постепенно овладеваем виражами, пике, «штопором» — всей азбукой летного искусства.

Ежедневные подъемы на рассвете очень изматывали, но радость полетов компенсировала все трудности, и никто не жаловался на усталость. Все вечера напролет мы обсуждали события на аэродроме, а капитан Виршилло и инструкторы были в нашем представлении чуть ли не полубогами.

После овладения азбукой пилотажа состоялось так называемое «посвящение». Состояло оно в проверке руководителем занятий готовности курсанта к самостоятельным полетам. Если экзамен проходил успешно, курсанту давалась возможность выполнять полет самостоятельно, без инструктора на борту. Это было как бы посвящение в рыцари поднебесных дорог.

Последующие дни совершенствования в самостоятельных полетах, исполненные незабываемых впечатлений, удачных и неудачных посадок, стартов, более или менее правильно выполненных бочек, полетов с выключенным двигателем, мчались незаметно.

Большое удовольствие и радость доставил нам первый самостоятельный перелет на чужой аэродром. Здесь проверялась способность ориентироваться, читать карту и находить правильные решения в непредвиденных ситуациях.

Нам определен был маршрут до Плоцка и обратно. Трасса хотя и легкая, но возможность сбиться с направления по невнимательности или из-за недостатка опыта отнюдь не исключалась. Выпускали нас через значительные промежутки времени так, чтобы один не видел другого, и полет действительно явился проверкой навигационных навыков. К счастью, погода в тот день выдалась чудная. Отчетливо видимый Кампиновский лес, Висла, Червинек и Вышогруд облегчали ориентировку. Не нужна была даже карта. Красив был сверху Плоцк с характерным силуэтом собора, прилепившийся на

высоком берегу Вислы. Издалека виднелась изумрудная зелень громадного поля аэродрома — цель нашего первого самостоятельного перелета. Единственной неожиданностью явился глубокий ров на краю летного поля, но, к счастью, никто не приземлился ближе намеченной точки, и после подписания документов — свидетельств о выполнении задания — все мы благополучно вылетели обратно.

Обучение шло все интенсивнее. Несмотря на беспрерывные полеты, увеличивалось и число аудиторных часов. Вскоре начался курс обучения вождению мотоциклов, грузовых и легковых автомобилей. Сроки учебы сокращались с таким расчетом, чтобы к сентябрю завершить всю программу обучения и разослать нас по авиационным частям.

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Занятые учебой, глядя с присущим юности оптимизмом на политические события в Европе, мы не замечали черных туч, собиравшихся над нашей страной. Непрерывное наращивание темпов вооружения западным соседом после прихода к власти Гитлера свидетельствовало о неизбежности конфликта. Однако официальная пропаганда стремилась приуменьшить назревающую опасность. В течение долгого времени формировалось мнение, что достаточно нашему народу сплотиться вокруг Верховного вождя[3], как Гитлер испугается и не нападет на Польшу.

Первым ушатом холодной воды на горячие головы юных подхоронжих, уповавших на авиацию, явились притязания Германии на Гданьск и экстерриториальность автострады через Поможе. Аннексия Чехословакии и захват наших границ в клещи с юга поначалу лишь у немногих стали вызывать тревогу и озабоченность. Определенную роль при этом сыграли предпринятые Беком в Лондоне шаги относительно военной помощи нам в случае немецко-польского конфликта. Декларация Чемберлена, сулящая британскую помощь оказавшейся в изоляции Польше, рекламировалась как великое достижение внешней политики правительства и порождала в нашей среде чувство уверенности и способности противостоять вооруженному нападению гитлеровской Германии. Еще более утешала нас доброжелательная позиция Франции.

Поэтому разрыв Гитлером в апреле 1938 года польско-немецкого пакта о ненападении представлялся нам не более как дешевым фарсом, которому никто не придавал сколько-нибудь серьезного значения.

Изменение ориентации правительства и его твердая позиция в отношении гитлеровских территориальных притязаний, выраженные в словах Бека: «Польша не даст столкнуть себя с берегов Балтийского моря» и «Мы в Польше не приемлем понятия — мир любой ценой», — вызвали повсеместный энтузиазм, в том числе и в среде военной молодежи. Угодничество и политика уступок представлялись нам политическим и национальным самоубийством.

Мы все чаще стали обсуждать проблемы нашей обороноспособности. Большинство из нас, как и прежде, полагало, что наша промышленность развивается исключительно гармонично, а Центральный промышленный округ позволит оснастить нашу армию самым современным оружием. Правда,

скептики, находившие время читать специальную экономическую и военную литературу, утверждали, что мы не можем соперничать с немцами, с их огромным военным опытом, дисциплиной и уже развитой до колоссальных масштабов военной промышленностью. Они доказывали, что в области военной техники мы безнадежно отстали вследствие недооценки покойным маршалом Пилсудским ее значения в будущей войне. Все знали, что он «не любил» авиацию, считал ее неспособной к каким-либо действиям на фронте, игнорировал значение танковых войск как непригодных, по его мнению, для использования на пересеченной местности, особенно в условиях нашего бездорожья. Зато чрезмерной симпатией у него пользовались пехота и кавалерия, призванные якобы самостоятельно решать судьбы войны. Единственным выходом из создавшегося положения наши скептики считали ориентацию на союз с промышленно развитыми Англией и Францией, гарантированные поставки ими для нас современного оружия и техники. О союзе с Советской страной в то время мало кто из нас думал.

Угроза войны становилась все очевиднее. Из запаса частично призвали в армию моих сверстников. Мы поспешно завершали и без того ускоренный курс обучения и ожидали выпуска, намеченного на начало сентября. К этому торжеству нам выдали новое офицерское обмундирование: шинели, сапоги, снаряжение — словом, все, что положено при производстве в офицеры. Выплатили даже денежное содержание и летную надбавку за период пребывания в школе.

Еще вечером 31 августа мы иронизировали над запугиваниями нас внезапным нападением со стороны Германии, а уже на следующий день, 1 сентября 1939 года, на Варшаву обрушились первые бомбы.

Война началась.

Мы не знали еще, какие ужасы и разрушения она несла, и определяли время, необходимое для того, чтобы разгромленная нами и западными союзниками Германия отступила в глубь своей территории, всего в каких-нибудь несколько месяцев…

Днем 1 сентября нам сообщили, что после подписания министром военных дел приказа о нашем производстве в подпоручники нас немедленно разошлют по авиационным полкам для принятия новых самолетов, которые вот-вот должны якобы поступить в войска. Покидать казармы было категорически запрещено, и нам не оставалось ничего другого, как коротать часы вынужденного бездействия у репродукторов, слушая сводки с фронта. В клубе постоянно толпились группы подхоронжих, и

все мгновенно замирали, прерывая на полуслове разговоры, едва диктор начинал очередное сообщение. Когда в репродукторе снова раздавались бравурные военные марши, все закуривали и продолжали дебаты на одну и ту же тему: сколько месяцев продлится война. В одну из таких радиопауз в дверях появился таинственно улыбающийся капитан Виршилло. Все разговоры мгновенно стихли, воцарилась напряженная тишина.

— Подхоронжие! Нам поручено перебазировать учебные самолеты на полевой аэродром и укрыть их там от авиации противника. Мокотовский аэродром в любой момент может подвергнуться бомбардировке. Знаю, что все вы готовы к выполнению этого задания, но мне нужно всего десять человек, и я отберу их сам.

Мне посчастливилось — я попал в число избранников и был горд, что получил возможность выполнить свое первое боевое задание.

Мы отправились в штаб учебной эскадрильи, где нам показали карту с обозначенным местом посадки неподалеку от Повсина. После краткого инструктажа все разошлись по самолетам, укрытым под деревьями в северо-восточной части аэродрома. Механики уже запускали и прогревали двигатели.

Занять места в кабинах, пристегнуть ремни, проверить рули было делом нескольких минут, и вот уже первая машина стронулась с места. Подрагивая крыльями и раскачиваясь, как утка, на неровностях поля, она покатилась, лавируя между противовоздушными рвами, вырулила на старт, на мгновение замерла, потом, взревев двигателями и все убыстряя бег, помчалась по траве, чтобы через минуту исчезнуть за крышами домов. Вслед за ней стали взлетать остальные.

Перед самым стартом моей машины раздается пронзительный вой сирен — воздушная тревога.

Безоружный учебный самолет — легкая добыча не только для истребителя, но даже и для оснащенного пулеметами бомбардировщика.

Однако раздумывать не приходилось. До упора выжимаю педаль газа. Рев двигателя заглушает звуки сирен. Самолет вздрагивает и постепенно набирает скорость. Под колесами проносятся бугры и ямки, трава сливается в сплошной зеленый ковер. Отрываю самолет от земли и кладу в глубокий вираж. Крыло словно опирается о заборы фруктовых садов. Капот ровно скользит по горизонту. Слева вижу барашки разрывов зенитных снарядов, а на фоне неба темные силуэты немецких бомбардировщиков. Идут не меняя высоты. Сбавляю газ, проскальзываю над самыми крышами домов улицы Пулавской.

«Надо держаться ближе к земле, авось проскочу незамеченным…» На душе горько и тоскливо — не такого участия в войне я ждал. Исполненные энтузиазма, молодые подхоронжие, воспитанные на историко-героических романах, в которых польские войска неизменно побеждали многократно превосходящего противника, мы рвались вступить в противоборство с врагом. Как же далеки были эти юношеские мечтания от реальной действительности! На учебном самолете я был беспомощен и бессилен.

Пролетаю над окраинными домами пригорода столицы. Подо мной расстилаются тихие мирные ржаные поля, окаймленные придорожными деревьями и лесами. Опасность миновала. Немецкие бомбардировщики ушли.

Без труда нахожу обозначенное на карте место посадки, вижу внизу контур самолета, стартовавшего передо мной. Поле крохотное, по краям стога хлеба. Захожу на посадку под крутым углом и сразу же за межой касаюсь колесами земли, подруливаю к придорожным деревьям, здесь механики маскируют самолет ветвями.

Вечером мы на грузовике возвращаемся в Варшаву.

Снова нестерпимо медленно тянутся часы у репродукторов. Сообщение об объявлении Англией и Францией войны Германии подтверждают громкие восторженные клики толпы, долетавшие от английского посольства даже до наших казарм.

Наконец 6 сентября пришел приказ об откомандировании нас в полки. Приказ о производстве в офицеры должен был поступить непосредственно в части. С радостью бросились мы укладывать чемоданы и доставать билеты на ближайшие поезда.

Несмотря на старания получить назначение в Варшаву, я был направлен в 5-й авиационный полк в Лиду. Ближайший поезд в этом направлении отходил только вечером, и я отправился в город повидаться с находившейся здесь на лечении сестрой, а потом в Беляны — проститься со своей девушкой. Еще совсем недавно было столько мечтаний, строились такие грандиозные планы дальнейшей жизни, и вот одно слово «война» сразу перечеркнуло все… Слезы в прекрасных девичьих глазах, последнее рукопожатие, последний взгляд… Как сейчас помню свои прощальные слова:

— Не горюй, Ядя. Через два-три месяца прогоним немцев, я вернусь, и мы снова будем вместе.

Возле казарм группа выпускников, получивших назначение в Вильно, с чемоданами в руках ожидала извозчика. Я схватил свои вещи и тоже присоединился к ним. Мы поехали на вокзал, и здесь узнали, что поезда ходят нерегулярно, а некоторые вообще не прибыли в Варшаву. Что делать, садимся в первый попавшийся

поезд, идущий в направлении Бреста. Там, кажется, железнодорожное сообщение еще не нарушено. Поезд отправился с опозданием на несколько часов и тащился как черепаха. Под Минском-Мазовецким нас захватил первый налет. Машинист остановил поезд, люди в панике стали выскакивать из вагонов через двери и окна и убегать в поле. Кое-кто тащил за собой вещи.

Подтрунивая над штатскими паникерами, мы остались в купе. Но вот появились первые раненые, и нашей самоуверенности сразу поубавилось. При втором заходе немецких бомбардировщиков вместе с другими бросились в поле и мы. Вой пикирующих самолетов сливался со звоном стекол и треском очередей бортовых пулеметов.

Самолеты пролетали на бреющем полете над самым поездом так низко, что можно было рассмотреть лица летчиков. Будь у нас хоть один пулемет!.. Полное бессилие… Большее, на что мы были способны, — погрозить кулаком.

Когда мы вернулись в купе, глазам нашим представилось жалкое зрелище: изрешеченная пулями крыша, пробитые насквозь чемоданы. Оказали помощь раненым, и поезд двинулся дальше. До Бреста гитлеровцы обстреляли его еще три раза. Ночь прошла относительно спокойно. С непредвиденными пересадками мы кое-как добрались до Черемхи. Здесь дороги наши расходились — поезд с моими друзьями, не доходя до станции, свернул и кружным путем двинулся на Гродно, а я зашагал пешком к вокзалу, куда должны были якобы подать состав на Лиду.

По мере того как я подходил к зданию вокзала, занимавшийся рассвет открывал передо мной удручающую картину: всюду воронки после сильной бомбардировки, поваленные телеграфные столбы в паутине порванных проводов, развороченные рельсы. Чувство жути усиливали могильная тишина и полное безлюдье на станции.

Перед развалинами вокзального здания я остановился в раздумье, что же делать дальше. Вдруг откуда-то сверху донеслось нарастающее гудение, и тут же в небе появились немецкие бомбардировщики, идущие прямо на станцию. Сотрясшие воздух взрывы бомб не оставляли сомнений, что война подобралась даже сюда, в такой заброшенный угол, каким была Черемха. Я спрыгнул в яму, выкопанную, очевидно, под картофель, и здесь переждал эту первую в своей жизни массированную бомбардировку. Когда самолеты улетели, появился какой-то железнодорожник, сказавший мне, что поезд на Лиду стоит в нескольких километрах от станции.

Но не прошло и нескольких минут, как налетела новая волна

самолетов. Мы спрыгнули опять в ту же яму. Земля осыпалась от сильных взрывов, пыль забивалась в легкие, слепила глаза. Казалось уже, что это не просто бомбардировка, а настоящее землетрясение. Время словно остановилось. Взрывы бомб сливались в один мощный гул. Внезапно все стихло. Мне даже показалось, что я оглох. Мы выбрались из укрытия. Рядом со старыми, заполненными уже водой дымились новые громадные воронки, торчали скрученные рельсы, расщепленные шпалы. Бомбили прицельно, с небольшой высоты.

Следующий налет застал меня уже по дороге к поезду. Самолеты шли на небольшой высоте и безнаказанно сбрасывали свой смертоносный груз на совершенно беззащитную станцию.

Дальнейшее путешествие проходило словно совсем в ином мире — тишина и покой сопутствовали мне до самой Лиды.

Сразу же по приезде я отправился в часть. Здесь уже находилось несколько моих сокурсников. Техник полка майор Гурский был удивлен приездом нашей группы, поскольку никаких новых самолетов он не ожидал. Линейные эскадрильи в полном составе убыли на фронт. В Лиде остались только вспомогательные службы, группа призывников, с которыми майор не знал, что делать, и несколько самолетов противовоздушной обороны. Аэродром был разрушен бомбардировкой, и нас, в конце концов, отправили на сборный пункт за город. Здесь время тянулось нестерпимо медленно. Шла война. Мы были довольно хорошо подготовленными военными специалистами и тем не менее не принимали фактически никакого участия в боевых действиях. Нас загнали в тыл, и мы сидели в ожидании сами не зная чего.

После долгих настояний дать нам какое-нибудь дело майор Гурский решил создать техническую базу для ремонта поврежденных на фронте самолетов.

Аэродромную роту, в состав которой входила механическая мастерская и отряд аэродромного обслуживания, взвод охраны и другие вспомогательные службы, разместили в здании ремесленной школы. Командиром роты был капитан запаса Шторм. Я стал его заместителем и начальником мастерской, а Збигнев Романовский и Игорь Мицкевич — командирами других подразделений.

К нам стали прибывать призванные из запаса, преимущественно механики, различных авиационных специальностей.

Вечерами мы слушали скупые радиосводки о положении на фронте. Порой до нас доходили неофициальные вести о разгроме нашей армии, но мы воспринимали их как панические слухи,

распространяемые агентами «пятой колонны». Воздушные налеты теперь стали совсем редкими, а одиночные бомбардировщики, появлявшиеся время от времени над городом, не причиняли нам особого вреда. Единственного сбитого в воздухе «карася» следовало скорее всего записать на счет нашей же зенитной артиллерии.

Прошло всего несколько дней нашей работы на базе, как вдруг наступили неожиданные перемены. Возвращаясь однажды с обхода караульных постов, я увидел бегущего мне навстречу дежурного подофицера. Еле переводя дыхание, он доложил, что командир роты только что уехал, а мне приказал принять командование ротой, оборудование мастерской сдать администрации ремесленной школы и после этого немедленно направиться с личным составом в Вильно. В штабе полка ему якобы обещали выделить для нас грузовые автомобили.

Не поняв еще толком, что случилось, я тут же приступил к выполнению приказа. В штабе полка, как и следовало ожидать, никаких грузовиков не оказалось, и мы двинулись пешком. Впереди предстояло сто километров пути по шоссе, ведущему на Вильно. Мне было жаль людей — только что пришедшие из запаса, в большинстве уже немолодые, они не были подготовлены к трудным маршам. Единственный мой служебный мотоцикл не мог, конечно, решить проблемы, и я отправился на нем в полк, чтобы попытаться лично выколотить грузовики. Навстречу мне пронеслись грузовики с солдатами и подразделения зенитной артиллерии. В помещениях штаба, казармах, ангарах — пусто и тихо. Нигде никого: ни командования, ни грузовиков. Я терялся в догадках, с чем связан приказ об эвакуации и как объяснить всю эту панику.

…Своих я догнал уже за городом. Они шли, растянувшись в длинную колонну.

Вскоре нас стали обгонять пустые автомашины, будто не замечая сигналов солдат. Тогда я поставил свой мотоцикл поперек шоссе, вытащил пистолет и под угрозой оружия задержал несколько машин. Мы быстро погрузились и благополучно добрались до расположения авиационного полка в Вильно. Только ночью я наконец разыскал своих сослуживцев — Романовского и Мицкевича. Они сообщили мне, что в пять часов утра все офицеры должны явиться к майору Домбровскому.

Ровно в пять мы были на месте. Майор кратко ознакомил нас с тяжелым положением на фронте и сообщил, что все летчики, и кадровые, и призванные из запаса, не имеющие сейчас машин, незамедлительно будут отправлены поездом в Латвию, а оттуда во Францию, где и примут участие в боевых действиях против

Германии. Неявка к поезду будет расцениваться как дезертирство.

Мы разошлись по казармам, наскоро собрались и строем отправились на вокзал. Здесь нас ждал уже вагон, прицепленный к паровозу под парами. Майор Домбровский втолковывал машинисту, что тот должен ехать до самой границы с предельно возможной скоростью и не останавливаться ни на одной станции. В беседе с нами он объяснил наконец, что эвакуация полка из Лиды осуществлена в связи с переходом 17 сентября советскими войсками польской границы. Через буржуазную Латвию, с которой достигнуто соглашение о пропуске польских войск на запад, мы направимся во Францию, где и получим новые самолеты. Однако и на этот раз, как показало ближайшее будущее, планы нашего военного руководства оказались несостоятельными, а мы вскоре очутились за колючей проволокой.

…На первых порах латышская администрация приняла нас очень сердечно. Разместили нас близ границы, в летнем военном лагере, и неплохо кормили. За нами сохранялась и полная свобода перемещения.

Однако так продолжалось недолго.

Вскоре территорию лагеря обнесли колючей проволокой, выставили часовых, ограничили возможность выходить в город. Было объявлено, что мы интернированы, и небольшими группами нас начали высылать в глубь страны. Подхоронжих (приказ о нашем производстве в офицеры все еще не поступил) с офицерскими мундирами в чемоданах направили в конце сентября вместе с подофицерами и рядовыми в Литен — лагерь, расположенный в двухстах километрах восточнее Риги. Только уже здесь узнали мы о масштабах разрушений и жесточайшем терроре на оккупированных Германией территориях. Потрясение было огромным. Жгучая горечь поражения заставляла глубже вдуматься в его причины, но одно было ясно и бесспорно: нужно продолжать борьбу за свободу родины всюду, где только представится возможность. Такая возможность, невзирая на непонятную для нас пассивность союзников, имелась во Франции и Англии. В Париже генерал Сикорский образовал польское эмигрантское правительство и приступил к формированию Войска Польского. Туда устремлялись и наши помыслы.

Оптимисты среди нас полагали, что к весне французские войска из-за линии Мажино, поддержанные английской авиацией, разгромят гитлеровскую армию.

В ноябре нас известили, что все выпускники школ подхоронжих произведены в офицеры с присвоением воинского звания «подпоручник». Примерно в это же время стало известно,

что латышские власти под нажимом немецкого посольства потребовали ликвидации в Латвии польских дипломатических представительств. Однако неофициальная эвакуация польских военнослужащих, находившихся в трех лагерях: Литене, Лиласте и Ульброке, все-таки продолжалась. Часть летчиков уже выехала на запад.

В декабре 1939 года с молчаливого согласия латышских властей нас перевезли в лагерь Лиласте, живописную местность на берегу моря неподалеку от Риги. Отсюда в штатском платье нам предстояло переправиться на самолетах в Швецию.

Но этим планам не суждено было сбыться — активное противодействие немецкого посольства, ссоры и склоки среди польских офицеров, отсутствие необходимых финансовых средств помешали эвакуации польских военнослужащих на запад.

В конце февраля нас взбудоражила сенсация: распространились слухи, что британское посольство начало переговоры с латышскими властями об эвакуации польских летчиков в Стокгольм. Признаться, мы встретили эти слухи с недоверием. И действительно, дело вскоре прояснилось. Оказывается, речь шла о вербовке в авиационные отряды, создаваемые западными союзниками в Финляндии для оказания помощи финской армии в войне против Советского Союза. Оставалось только поражаться той энергии, с какой Англия и Франция взялись за осуществление этой акции. Ведь те же самые державы во время сентябрьских событий не оказали нам никакой поддержки. Несмотря на подписанные соглашения, вся их помощь ограничилась одними обещаниями. Вербовку в наемные отряды мы бойкотировали, считая, что главная наша цель — борьба с гитлеризмом. 12 марта 1940 года Финляндия подписала мирный договор с Советским Союзом, и давление на нас в этом плане прекратилось.

Рассчитывать на выезд из Латвии при помощи бывших сотрудников нашей дипломатической службы, вступавших в контакты только со старшим офицерством, не приходилось. Мы были обмануты и оставлены на произвол судьбы. Между молодыми офицерами и военной элитой назрел и все углублялся конфликт, особенно когда мы ближе присмотрелись к взаимоотношениям в среде старшего офицерства. Нам претили постоянные ссоры, мелочные склоки, скандалы, чванство и угодничество.

Мы все чаще стали задумываться над проблемами международной политики и анализировать причины столь быстрой катастрофы нашего государства. Невольно возникал вопрос: почему Запад оставил нас в одиночестве в сентябре 1939

года? Зрели антипатии к своим политическим деятелям и политикам западных держав.

Поражение Франции натолкнуло нас на новые размышления. Наши союзники оказались не так сильны, а победа не так близка, как рисовалось в нашем воображении. Будет ли в состоянии одна Англия решить судьбы войны? Стали раздаваться голоса, что противостоять гитлеровской агрессии можно лишь в союзе с СССР.

Весной 1940 года в Латвии начала меняться политическая обстановка. Жившие здесь немецкие меньшинства, так называемые балтийские немцы, стали выезжать в рейх. Среди латышей ширились просоветские настроения.

После бегства немецкого населения влияние фашиствующих и пронемецки настроенных элементов и организаций значительно ослабло. Левые силы начинали приобретать все больший авторитет и укрепляли свои позиции. В августе 1940 года вновь избранный парламент принял решение о присоединении Латвии к СССР на правах союзной республики. Мы оказались на территории Советского Союза.

Вскоре нас известили о переводе из пограничного района в глубь территории СССР. А через несколько дней эшелон уже увозил нас на восток.

Утром 5 сентября поезд остановился где-то на запасных путях. На станции мы увидели надпись: «Козельск». Построились в колонну и зашагали по дороге. За час миновали городок с широкой главной улицей сплошь из деревянных домов. Потом перешли мост и вдали, на холме, увидели старинный монастырь. Когда голова колонны приблизилась к воротам, на стены монастыря высыпали люди в польских мундирах. Это были интернированные из литовских и латышских лагерей, прибывшие незадолго перед нами. Посыпались вопросы о друзьях, о родственниках. Выкрикивались имена — искали знакомых.

Раскрылись ворота. Перед нами широкая улица, по сторонам переулки, вдоль них небольшие деревянные строения — целый город. На главной улице несколько двухэтажных домов, тут же каменное здание, как выяснилось позже, — больница, чуть дальше дом с большими окнами — клуб.

Нам выдали чистое белье, матрацы и развели по комнатам. Летчиков, от подпоручника до капитана, расквартировали в двухэтажном деревянном здании напротив церкви.

На моем этаже собрались парни моего года призыва — Збышек Романовский, Игорь Мицкевич, Сербей и Куровицкий, а также Герич и Ясинский из демблинской школы подхоронжих, Медард Конечный и Лопацинский из 5-го полка, Тадек Юскевич и

несколько подхоронжих, призванных из запаса.

Устроившись в комнате, мы пошли осматривать лагерь, разыскивать знакомых.

Старшие офицеры, от майора и выше, получили в свое распоряжение целое крыло больничного здания. В одном из одноэтажных домов находился пункт бытовых услуг: сапожники, портные и парикмахерская. Немного в стороне стояла баня, а у ворот — склады и госпиталь. У одного из блоков была расчищена площадка со столбами для волейбола и турником. Мицкевич тут же несколько раз крутанул «солнце». На обратном пути мы обнаружили еще и кухню, откуда вкусно тянуло щами.

Вскоре устроили собрание, на которое прибыл представитель из Москвы. В своем выступлении он подчеркнул, что мы по-прежнему считаемся офицерами, интернированными в нейтральной стране, чем и определяются наши бытовые условия. Внутри лагеря у нас будет соблюдаться самоуправление. Комендатура принимает на себя заботу о провианте, лекарствах, помещениях и отоплении, мы же должны поддерживать порядок на территории лагеря. Довольствие будем получать по нормам Красной Армии. Кроме соблюдения порядка, единственная наша обязанность — непременное присутствие на вечерней поверке.

Кормили нас — для лагерных условий — неплохо. Шеф-повар Марек Витковский, в прошлом инженер, выказал большие кулинарные способности — готовил очень вкусно.

Госпиталь у нас был весьма прилично оборудован. Работали в нем интернированные польские врачи и только главврач была русская, очень внимательная и отзывчивая женщина. Врачам помогали местные медсестры. За общей гигиеной в лагере следил фельдшер. Благодаря санитарному надзору и прививкам в нашем лагере не случилось ни единой эпидемии.

В скором времени заработали сапожная и пошивочная мастерские, прачечная, баня и средоточие лагерных сплетен — парикмахерская. Все эти услуги предоставлялись бесплатно.

В середине сентября жизнь в лагере полностью упорядочилась. Правда, обострились дискуссии на политические и идеологические темы. Избыток свободного времени позволял каждому заниматься своим хобби. При этом открылось немало талантов. Молодежь увлекалась спортом. Большую часть дня мы отдавали волейболу. А когда пришли морозы, засели за изучение языков, английского и русского, за книги по экономике и политике.

Наладилось культобслуживание. Стал работать клуб, он же служил кинозалом. Помещалось в нем до трехсот человек. Показывали советские и западные фильмы, в том числе «Сто

мужчин и одна девушка» с Диной Дурбин в главной роли и «Большой вальс».

В клубе часто устраивались беседы. Приезжали политработники и делали обзор международного положения, читали лекции на политические, экономические и исторические темы. Обычно после лекции проводилось обсуждение. Все это было направлено на более глубокое наше знакомство с достижениями Страны Советов. Но при этом никогда нам не навязывали своего мнения, стараясь лишь информировать. Такой подход невольно вызывал уважение. Несмотря на запреты со стороны наших старших офицеров, число участников таких обсуждений и дискуссий постоянно росло.

Порой политработники приходили побеседовать с нами и в казармы. Разговор начинался обычно несколько скованно. Сначала речь заходила о бытовых условиях, о наших пожеланиях, потом переключалась на жизнь советских людей, на достижения в промышленности, науке, культуре. Не утаивались и отдельные недостатки. Говорили о трудностях, об успехах пятилеток, о том, что царская Россия была очень отсталой, и теперь приходилось многое наверстывать. Все постепенно втягивались в дискуссию.

Начальство лагеря фактически не вмешивалось в наши дела. Единственное, что вменялось нам в обязанность, кроме присутствия на поверке, это, стыдно признаться, посещение бани. Каждому неукоснительно полагалось раз в неделю мыться в бане и менять белье.

В ноябре большой подъем среди нас вызвало известие о том, что будет организована переписка с родиной. Естественно, все воспользовались возможностью связаться с родными и друзьями, узнать, живы ли они и как идут у них дела.

Через некоторое время прибыли первые ответы. Одним они принесли радость, другим — весть об утрате родных и близких. Несмотря на строгую немецкую цензуру, дошли до нас сведения о фашистском терроре, царившем в Польше. Мне пришло лишь одно письмо от сестры.

АРЦИШЕВСКИЙ

В Козельске чаще прежнего разгорались споры о политике. Поначалу наибольшую активность проявляли старшие офицеры, связанные с санацией. Они, стремясь вернуть себе утраченное влияние, стали преследовать всех, у кого были иные, чем у них, взгляды на политические проблемы. Применялись любые средства, чтобы «уломать» инакомыслящих, — от вежливых уговоров до угроз. К этим офицерам примыкала группа, которую мы прозвали «пятой колонной» — группа крайне правых. Идейной платформой их было враждебное отношение к Советскому Союзу, бойкот всего хоть сколько-нибудь связанного с социализмом. Большинство интернированных смотрело весьма равнодушно на эти потуги сторонников санации.

Группа коммунистов объединилась вокруг Анджея Адриана.

Поначалу их деятельность ограничивалась изучением марксизма-ленинизма, критической оценкой деятельности санации и правых кругов, занятиями русским языком. Они не оказывали заметного влияния на основную массу находившихся в лагере, выходцев по большей части из военно-чиновничьей среды и воспитанных в духе антикоммунистической пропаганды.

Довольно долго я не принимал участия в политических спорах. Мне казалось бессмысленным твердить одни и те же избитые фразы, когда на главный мучивший нас вопрос: почему мы проиграли войну и что делать дальше, никто не мог достаточно четко ответить. И я занялся спортом, усердно учил языки.

Из нашей комнаты больше всех политикой интересовался Збышек Романовский. Он чаще других бывал на всяких дискуссиях, и обычно именно он приносил первым лагерные новости. Как-то однажды он вернулся очень возбужденным и стал рассказывать о споре, в котором группа приверженцев санации не смогла устоять перед аргументами одного из офицеров, доказавшего их вину в сентябрьском поражении.

— Это не тот ли высокий капитан? — спросил Тадек Юскевич.

— Да, да! Ты знаешь его?

— Слышал однажды, как он в полемике с каким-то эндеком[4] начисто его разгромил, цитируя Дмовского, главного их идеолога. Любопытно было послушать — разделал оппонента под орех. Эрудит. Постой, как его зовут…

— Арцишевский?

— Точно, Миколай Арцишевский. Из запаса, бывший

журналист.

— Мне кто-то рассказывал об Арцишевском, — вмешался Игорь, — и всячески его поносил.

— Наверно, тот эндек, — засмеялся Тадек.

— Нет, нет, офицер из нашего полка, начальник техслужбы.

— А, майор Гурский. Значит, Арцишевский и штабистам правду в глаза резанул.

— Давайте пригласим его к себе?

— Збышек его знает, пусть и приведет. На том и порешили.

В тот же день — мы, помнится, как раз играли в волейбол — подошел Романовский и сказал, что договорился с Арцишевским о встрече. Тот придет к нам в комнату. Мы были несколько заинтригованы рассказами товарищей об этом человеке и, бросив игру, сразу же направились к себе.

Гость в мундире капитана уже ждал нас. У него были большие карие глаза, круглое лицо и высокий, с глубокими залысинами лоб. Весь вид его, каждое его движение выявляли человека энергичного и волевого. Мы поздоровались, поболтали о спорте, о том о сем, потом расположились поудобнее, а он сел напротив на стул и начал говорить.

Говорил Арцишевский убедительно, ярко, остроумно. Факты, которые он приводил, собирались в логически стройное целое, опиравшееся на железную конструкцию его убежденности. Давно, казалось бы, известные политические и экономические события в его интерпретации представлялись с неожиданной и непривычной стороны. Его неопровержимые доводы рушили наши прежние понятия о международной политике и расстановке сил.

— Главный враг Польши, — говорил Арцишевский, — германский империализм. Его кредо — «Дранг нах Остен». Наиболее агрессивная разновидность этого империализма — гитлеризм в особо неприкрытой форме стремится к захвату и ограблению восточных земель, педантично осуществляя свои планы. И сейчас фашизм готов истребить полностью население захваченных стран. Конечно, в 1939 году немцы превосходили Польшу в экономическом, военном и организационном отношении, имея к тому же вдвое большее население. — Арцишевский говорил увлеченно, подкрепляя свои мысли энергичными жестами. — Было ясно, что без союзников мы обречены на проигрыш в войне. Но при правильной политике можно было этого избежать. Следовало вступить в союз, который уравнял бы перевес противника. В союз мы вступили, но с кем? С Англией и Францией, а они в этом союзе искали только корысть для себя. Действительно, немецкая экспансия, стремящаяся к переделу мира и опирающаяся на развитую промышленность и на

военную силу, ставила под угрозу жизненные интересы обеих западных держав, их позиции в Европе и их колониальные владения. Согласно старому английскому принципу равновесия сил на Европейском континенте государство, нарушающее это равновесие, автоматически становится врагом Великобритании.

Вы видите, Англия и Франция пока не собираются непосредственно участвовать в борьбе с гитлеризмом, — продолжал Арцишевский. — Их планы сводятся к тому, чтобы толкнуть немцев на восток, против СССР и таким образом освободиться сразу и от коммунизма, и от германского конкурента. Малые государства Юго-Восточной Европы отданы западными политиками на откуп германскому фашизму. Мюнхенский договор — первый шаг в осуществлении этого плана.

— Почему же тогда они объявили все-таки войну? — спросил кто-то.

— Они вступили, по определению известного военного теоретика Клаузевица, в «вынужденную войну», вытекающую из принятых обязательств, и ведут ее лишь для создания видимости своей верности союзу. Теперь вам ясно, как мы ошибались в своих надеждах на помощь со стороны Франции и Англии? Что же касается санации, то она вообще предпочла бы бороться с большевизмом на стороне Германии. Союзники обещали Польше многое. При подписании договора генерал Гамелен уверял военного министра генерала Касприцкого, что французская авиация начнет боевые действия немедленно в день нападения Гитлера на Польшу, а главные силы завяжут наступательные бои на пятнадцатый день войны. Англичане обещали меньше, но и того не выполнили.

С давних лет, — Арцишевский встал со стула, — независимость Польши была лишь предметом торга западноевропейских держав при обеспечении ими своих собственных государственных интересов. Наполеон в 1801 году, заключая мир, ни словом не упомянул о Польше, польских легионеров послал погибать на Сан-Доминго, дабы они не раздражали монархов стран-захватчиков. В 1807 году после битвы под Илавой и Пултуском, добиваясь мира с прусским королем, он вообще отказался от герцогства Варшавского. В последующем Франция не интересовалась нашими делами, боясь восстановить против себя Россию. Равнодушная к далекой Польше Великобритания устами английского премьера Асквита объяснила Падеревскому[5] за несколько лет до первой мировой войны свое отношение к нам: «Для вашей отчизны нет никакой надежды». Полякам, — продолжал Арцишевский, — и не следует оглядываться на дальних друзей на Западе, а надо искать

союзника среди соседей, интересы которых близки интересам Польши. Такой союзник СССР, поскольку и ему и нам одинаково угрожает германская экспансия. Война между гитлеризмом и коммунизмом неизбежна, — говорил наш гость, — а победа в ней Советского Союза — единственная надежда на то, что удастся не допустить истребления или германизации населения Польши. Наш долг — преодолевать все препятствия, взаимонепонимание и ошибки, стремиться к заключению союза с СССР и вместе с ним, рука об руку бороться против гитлеризма. Свободу нашей стране может принести только Красная Армия. В конкретной расстановке сил это сейчас единственная армия, способная противостоять гитлеровской. Франция как военный соперник уже разбита, Англия судорожно обороняет свои разбросанные колонии и не располагает достаточно мощными сухопутными войсками.

Как довод в пользу поддержки со стороны СССР стремления Польши к независимости Арцишевский привел ленинский принцип права народов на самоопределение, исходя из которого, Совет рабочих и солдатских депутатов, как известно, провозгласил в 1917 году право всех народов на самоопределение вплоть до отделения, а годом позже Совет Народных Комиссаров аннулировал прежние договоры России, касавшиеся раздела Польши.

Арцишевский убеждал нас, что трезвая политика должна опираться на поиск путей к взаимопониманию с Советским Союзом, к заключению договора, выгодного для обеих сторон, и на этом реально зиждется будущее Польши.

— Нынешние германо-советские отношения, — сказал он в заключение, — пусть никого не вводят в заблуждение. Для Гитлера все пакты и договоры лишь клочки бумаги, и рано или поздно в этом убедится весь мир.

После ухода Арцишевского мы проспорили до поздней ночи. С того дня наши встречи стали частыми. Неуемная энергия, смелость суждений, живость мысли и знание истории, международных отношений и расстановки политических сил — все это привлекало к нему истинных польских патриотов, особенно из числа молодежи.

Санационная группировка, ощутив реальную угрозу своим позициям, стала преследовать Арцишевского. Решено было изолировать его от податливого на новые идеи младшего офицерства — «особо взрывоопасного материала». Чтобы подорвать его авторитет, фабриковались разного рода измышления. С вновь обретенными сторонниками Арцишевского санационисты стали проводить индивидуальные беседы, запугивая их всякими карами вплоть до лишения пенсии и даже судом после

войны. Кое-кто потрусливее начал отказываться от своих взглядов.

Я довольно долго стоял в стороне от всего этого. Но одна из попыток очернить Арцишевского, обвинив его в отсутствии патриотизма, возмутила меня настолько, что я несколько раз открыто выступил в его защиту и тем самым вызвал огонь на себя. Не поддавшись, однако, угрозам и интригам, я продолжал защищать Арцишевского и в конце концов на меня, как и на других его приверженцев, навесили ярлык ярого коммуниста, хотя это отнюдь не соответствовало действительности, поскольку ни я, ни Арцишевский коммунистами не были — мы просто любили свою родину.

Арцишевский был очень колоритной фигурой, хотя и прожил сравнительно небольшую жизнь.

С некоторой долей гордости он рассказывал, что происходит по прямой линии от Кшиштофа Арцишевского, знаменитого путешественника. Мать его, урожденная Герард, была дочерью наместника в Финляндии, который подал в отставку, когда царь Николай II намерился ограничить автономию и конституционные свободы этой страны. Отец Миколая происходил из познанских помещиков.

Окончив гимназию, Миколай два года учился на юридическом факультете Познанского университета, но учебу бросил, поскольку его увлекла журналистика. После первой пробы пера в «Дне Поморском» в Быдгоще он перебрался в Гдыню. Здесь попробовал свои силы как издатель и журналист, основав еженедельник «Торпеда». Увы, отсутствие денежных средств вынудило закрыть журнал. Тогда началась работа в «Курьеже Балтыцком», где Арцишевский выступал как публицист и карикатурист. Арцишевский был одаренным карикатуристом. Его рисунки, всегда остроумные, а часто колкие и злые, тонко изобличали недостатки и слабости тех, кого он рисовал. Накануне войны он выставлялся на венской выставке и имел там большой успех.

В первый же день объявления войны Арцишевский сменил перо на винтовку. Боевое крещение получил во втором стрелковом батальоне в Тчеве, а после того как эта часть была разбита, попал в стрелковый батальон в Гдыне, затем защищал подступы к Варшаве. После поражения польской армии, пережив немало злоключений, Арцишевский с группой офицеров сумел пробиться в Литву. Здесь он, переезжая из лагеря в лагерь, проводил беседы, поднимал дух солдат. В Козельске эту работу он продолжил, выпуская сатирические листки, подкрепляя, так сказать, свои слова наглядной агитацией.

Надо отметить, что весной 1941 года пропагандистская работа в лагере вообще оживилась. Нам был прочитан цикл лекций о Красной Армии, о роли и организации разных родов ее войск, в том числе воздушно-десантных, танковых и авиации, особый упор делался на артиллерию. В беседах о международном положении постоянно подчеркивалось, что Советский Союз проводит политику мира и не намерен ни на кого нападать. Этот официальный курс на сохранение мира с Германией использовали наши противники в лагере. Они донесли администрации лагеря, что мы-де, Арцишевский и его единомышленники, рассчитывая на германо-советскую войну, выступаем против пакта о ненападении.

Удар был прицельный. Вскоре нас стали вызывать и проводить с нами беседы как с «противниками советской политики мира». Мы отстаивали свою точку зрения, стараясь убедить наших собеседников в неотвратимости гитлеровской угрозы, ссылаясь, в частности, на то, что главари рейха не выполнили своих обязательств еще ни по одному заключенному ими пакту о ненападении. Особенно часто вызывали Арцишевского как нашего идеолога. В конце концов, обо всем этом деле стало известно центральным властям. Вскоре к нам прибыл представитель из Москвы. В откровенной дискуссии о развитии событий на международной арене, проанализировав наши взгляды и соображения, он признал, что в наших рассуждениях есть рациональное зерно. После этой беседы нас оставили в покое.

Нападки представителей санации на Арцишевского и его сторонников вызвали к нам интерес со стороны группы польских коммунистов. Их заинтересовала смелость открыто высказываемых нами взглядов и трезвые оценки международных явлений. Они познакомились с нами, изложили свои взгляды, снабдили книгами по общественным и экономическим вопросам.

В беседах с коммунистами мы убедились, что у нас много общего во взглядах. Чаще всего мы дискутировали с их руководителем капитаном Анджеем Адрианом. Он выделялся глубоким знанием марксизма, твердостью идейных позиций и своей убежденностью. В лагере он завоевал большой авторитет, и к нему с уважением относились даже политические противники.

Чтобы успешнее противостоять оголтелой кампании нападок со стороны лагерной реакции, Арцишевский и Адриан договорились выступить совместно, сплотив воедино всех сторонников прогрессивного направления. В результате идейно сформировалось течение, которое мы назвали «Левица демократычна».

А тем временем внимание наше приковали к себе новые события на международной арене. Гитлеровские войска, разбив регулярную югославскую армию и сломив сопротивление греческого народа, героически сражавшегося с итальянцами, полностью овладели Балканским полуостровом, ликвидировав последний плацдарм английских войск в Европе. Парашютный десант Германии захватил Крит. Становилось ясным, что Англия не в силах противостоять гитлеровской Германии. Единственным утешением было пока известие о полном разгроме итальянской армии в Абиссинии и возвращении короля Хайле Селассие в Аддис-Абебу. Крайне всех озадачил побег Гесса на Британские острова. Многие опасались, что его направил сам Гитлер с предложениями мира, которые Англия может и принять.

Наступило 22 июня 1941 года. Утром вбежал взволнованный Медард Конечный: «Гитлер напал на СССР!» Мы с Игорем Мицкевичем бросились к Арцишевскому сообщить ему об этом потрясающем известии.

Мы и все истинные польские патриоты понимали, что теперь сможем принять участие в борьбе с захватчиками. Противники же нашей группы рассчитывали на сокрушительные удары гитлеровцев по «оплоту большевизма». Ослепленные ненавистью к СССР, они не отдавали себе отчета в том, что победа Гитлера повлекла бы за собой длительную неволю для порабощенных народов Европы. Их злобное тупоумие точно выразил Адриан: «Ничему они не научились и никогда не научатся. Увидите, большинство из них останется за кордоном. На родину они не вернутся. Это будет, так сказать, польская белая эмиграция».

Конечно, «Левица демократычна» на созванном ее активом собрании высказалась за необходимость вместе с Красной Армией вести борьбу с общим врагом, угрожающим нашим народам. В резолюции, направленной Советскому правительству, мы изложили свое мнение о насущной потребности объединить усилия для борьбы с гитлеризмом и положить начало новым польско-советским отношениям. Многие в личных заявлениях выразили желание непосредственно участвовать в войне, а почти все коммунисты решили немедленно вступить в ряды Красной Армии.

ПАРТИЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Истек июнь. С фронта приходили известия одно другого тревожнее. Красная Армия отходила. Было ясно, что срабатывает фактор внезапности нападения.

По лагерю разнесся слух о предстоящем нашем переезде из Козельска, и действительно, в первых числах августа нас известили об эвакуации из прифронтовой полосы, а через три дня мы уже были на станции Грязовец под Вологдой. Обладая уже изрядным опытом, мы довольно быстро наладили нормальную жизнь и на новом месте.

А тем временем сообщения с фронта становились все хуже. Немецкие танковые клинья врезались в глубь советской территории. С севера наступали финны, с юга — румынские войска и ударный кулак немецких частей. Моторизованные корпуса переправились через Березину и достигли Днепра. Завязались бои под Киевом…

Через несколько дней к нам приехали представители Генерального штаба Красной Армии и предложили принять участие в борьбе с врагом. Добровольцы будут переброшены в Польшу в целях проведения операций в тылу противника. Нас заранее предупреждали, конечно, об опасном и ответственном характере этой работы, подчеркивая при этом важность ее для хода войны.

«Левица демократычна» поддержала это предложение, тогда как санационные деятели пытались воспрепятствовать его осуществлению. Штабисты всякими путями стали оказывать сильное давление на добровольцев, пытаясь удержать их от такого шага. Арцишевскому сулили блистательную будущность в послевоенной Польше, возрожденной с помощью Англии и Америки, если он откажется от переброски нашей группы. Збышека Романовского уверяли, что нет смысла спешить и идти на подобный риск, когда есть другой, прекрасный выход из положения: генерал Сикорский подпишет соглашение и включит нас в состав войск, сформированных на Западе. А пока мы будем три месяца ехать до Владивостока, да потом еще три плыть через океан, затем три месяца подготовки… смотришь — кончится и война. Сташека Винского обхаживал майор Недзельский, уговаривая подождать приказа польского главнокомандования. А такая, мол, борьба, которую предлагают нам, малоэффективна. Не гнушался он при этом и ссылками на давнюю свою дружбу с его родителями. С Игорем Мицкевичем и со мной постоянно затевал «душеспасительные» беседы Петр Климан, наш

однополчанин. Нам готовы были великодушно простить левые взгляды, лишь бы мы отказались от переброски в Польшу.

Нажим, уговоры и угрозы делали свое — ряды «Левицы демократычной» заметно поредели. Наша группа, однако, твердо стояла на своем, заявляя, что мы хотим сражаться на территории своей страны, а не отсиживаться на печи.

Вскоре наше согласие на переброску было оформлено официальными документами. Подписавшись под ними «подпоручник Войска Польского», я, как и Арцишевский, подчеркнул тем самым, что и в дальнейшем мы остаемся военнослужащими польской армии и исходим из принципа нашей государственной самостоятельности. Мы считали, что, как польские подданные, не можем вступать ни в какую другую армию: ни в советскую, ни в английскую, но должны оказывать посильную помощь всем, кто сражается с нашим общим врагом. Такая постановка вопроса была встречена советскими представителями с полным пониманием.

Арцишевский, дав согласие на переброску в Польшу, написал генералу Сикорскому большое письмо, в котором отмечал, в частности, благоприятные условия для возобновления переговоров с советской стороной. Одновременно он уведомлял о принятом нашей группой решении начать борьбу с гитлеровцами на оккупированной польской территории.

Известие о том, что мы со дня на день будем переброшены на территорию Польши, распространилось по лагерю молниеносно. Приходили товарищи, поздравляли, давали советы, как лучше организовать конспиративную работу. Были, конечно, скептики, пытавшиеся нас запугать: там-де всюду немцы, служба безопасности у них поставлена так, что и мышь не проскочит, и мы, дескать, идем на верную смерть.

Однако мы оставались непреклонны и ждали лишь транспорт. И вот 20 июля в сопровождении молоденького лейтенанта мы отправились в путь. В поезде нас ждали забронированные места. Проводница принесла подушки, одеяла, простыни. Заснули быстро. Через несколько часов нас разбудили какой-то шум, крики, плач. Мы выглянули в окно. На станции огромная толпа — это родные прощались с мобилизованными солдатами. И до сих пор в моих ушах незабываемые и волнующие слова:

— Ванюша, воюй за нашу родину, только возвращайся живой. Хоть без рук, без ног, но живой. Я всегда с тобой буду, буду за тобой ходить, жалеть, холить…

В Москве перроны запружены народом. Все куда-то спешат. Несмотря на неутешительные сведения с фронтов, нет и

признаков паники. Хорошо поев в ресторане, мы вышли на площадь в ожидании машины. Скоро прибыл грузовик, который отвез нас в подмосковную дачную местность. Остановились мы в небольшом доме отдыха.

Полнейшая тишина позволяет полностью расслабиться. Отличное питание в прекрасной столовой, ванна — все эти роскошества приводят нас в прекрасное расположение духа. Силы восстанавливаются не по дням, а по часам. Врачи дотошно исследуют состояние нашего здоровья, расспрашивают, что нас беспокоит. Зубной врач ставит пломбы, залечивает каждую щелку.

Постепенно мы втягиваемся в атмосферу конспирации. О нашем присутствии здесь никто не должен знать. Нельзя говорить, кто мы и зачем прибыли.

После нескольких дней отдыха нас перевезли в учебный лагерь для партизан. В глубине леса, на краю большой поляны, мы увидели множество палаток, в которых жили готовившиеся к выполнению специальных заданий, в основном молодежь. Все одеты в штатское, но вооружены с головы до ног пистолетами, автоматами.

Дежурный офицер показал нам наши палатки, а затем отвел на обед. После обеда пришел другой офицер, который в общих чертах ознакомил нас с программой обучения и отвел на занятия.

В этот день нас кратко познакомили с видами взрывчатых веществ и способами минирования. Вечером Сташек Винский, единственный в группе сапер, дополнительно повышал нашу квалификацию подрывников. На следующий день мы удивили инструкторов успехами в стрельбе из разных видов оружия. Несмотря на длительный перерыв и отсутствие тренировки, результаты были отличные. Увидев, что у нас достаточно хорошая военная подготовка, и без того до предела сжатую программу еще более сократили.

После занятий мы встретились с поляками, размещенными по соседству. Эта была группа коммунистов, человек около десяти, тоже готовившихся к переброске в Польшу. Совместно мы обсуждали актуальные международные проблемы и будущее нашей страны. И коммунисты и Арцишевский приходили к единому мнению, что освобождение от немецкой оккупации требует объединенных усилий всех партий и людей доброй воли в борьбе за свободную и независимую Польшу.

…Вскоре мы приступили к практическим занятиям по прыжкам с парашютом. Курс был сравнительно небольшим, но, надо признаться, весьма эмоционально насыщенным, особенно для тех, кому прежде не приходилось летать. Занятия шли своим

чередом и близились к концу.

В ночь на 22 июля мы услышали канонаду зенитной артиллерии. Это был первый массированный налет на Москву. По черному небу метались, скрещиваясь и расходясь, лучи прожекторов. Вот в перекрестии их сверкнула яркая точка. Ослепленный самолет пытался юркнуть в ночь, на мгновение скрылся, но его вновь поймали уже соседние прожекторы. Вдруг он вспыхнул и тут же исчез. До нас донесся вой падающей машины и сразу же затем мощный взрыв. Через минуту снопы света выхватили из тьмы другого стервятника. Прожекторы долго вели его, не выпуская из своих лучей. И вот снова вспышка — значит, и его постигла та же участь.

В небе вспухают тысячи белых барашков — это зенитная артиллерия ставит заслон вражеским самолетам, пробивающимся к Москве.

На другой день в газетах появились описания этого ночного налета. Из почти двухсот вражеских самолетов, участвовавших в рейде на Москву, до цели добрались едва лишь три. Проезжая по городу к новому месту занятий, мы видели следы налета. Они были весьма незначительны. Москва была хорошо подготовлена к противовоздушной обороне, надежно прикрыта зенитными средствами и замаскирована — дома и улицы раскрашены серо-зелеными полосами, во многих местах поставлены макеты вестибюлей метро, обозначены несуществующие шоссе и магистрали.

К новому месту учебы мы добрались около полудня. Это была обширная, хорошо обставленная дача. Здесь завершалось наше обучение. Осталось только обсудить задание и распределить роли. Капитан Миколай Арцишевский, как руководитель, подобрал группу, в которую вошли: подпоручник Збигнев Романовский — в качестве его заместителя, подпоручник Игорь Мицкевич — радист, подпоручник Станислав Винский — сапер, и я. Нас предупредили, что мы летим первыми и поэтому деятельности нашей группы придается особое значение.

Дальнейшая подготовка уже сформированной группы была до минимума сокращенной. Программа включала всего несколько лекций по шифровальному делу, по устройству и обслуживанию радиопередатчиков, по радиотелеграфии, внутреннему и международному положению, а также по методам будущей работы. Арцишевский, которому был сообщен секретный шифр, разработанный видными советскими математиками, полностью овладел им в течение двух дней. Кстати сказать, память у него была просто феноменальная: он мог через неделю слово в слово повторить текст, прочитанный всего один раз.

Игорю Мицкевичу очень помог прежний его опыт судового радиста — стоило ему ознакомиться с устройством рации, и через несколько дней он был готов уже к работе на ней. Остальные обладали достаточно солидной общей военной подготовкой, что было весьма важно. При обсуждении задания местом выброски был назначен район Влощовой, где у Арцишевского жил друг, на помощь которого можно было рассчитывать.

Итак, все готово к вылету. Чтобы немного передохнуть, нам предложили осмотреть Москву. Мы познакомились с памятниками старины великого города и осмотрели замечательные станции метро. Побывали на Красной площади. Эта прогулка произвела на нас неизгладимое впечатление.

На следующий день нас пригласили на прощальный банкет, устроенный в одной из самых фешенебельных московских гостиниц. На банкете присутствовали представители Генерального штаба. Нас представили и усадили на почетные места за столиками у стены.

С первым тостом выступил один из представителей Генштаба, высокий статный полковник. Напомнив вкратце ход событий перед началом войны и причины прежних успехов Гитлера (главной из них он назвал отсутствие единства народов в борьбе с фашистской чумой), полковник особо подчеркнул важность восстановления свободного польского государства, дружественного СССР. В заключение он провозгласил здравицу в честь свободной, могучей и независимой Польши.

После него слово взял Арцишевский. Он говорил о значении для Польши советско-польского союза, о взаимопомощи и необходимости совместной борьбы с захватчиками. Он напомнил о битве под Грюнвальдом как примере победы, достигнутой объединенными усилиями народов, которым угрожало порабощение. И в заключение провозгласил тост за успехи Советского Союза и за нашу общую победу.

После тостов оркестр заиграл польский национальный гимн «Еще Польска не згинела»… Комок подступил к горлу. Я так давно не слышал этой мелодии. Со стороны хозяев было очень любезно подчеркнуть этим, что они видят в нас представителей независимого дружественного государства.

После банкета мы узнали, что послезавтра предстоит вылет в Киев, где нас ждет самолет, который и перебросит нашу пятерку в Польшу.

ПАРАШЮТЫ НАД ЗОФЬЮВКОЙ

На следующий день нам привезли штатскую одежду. Хотя она и была предварительно подогнана, но, с точки зрения фасона и моды в Польше, могла бы обратить на нас внимание. Документы на новые наши имена по прибытии на место тоже нуждались в замене.

Вечером 14 августа мы прощались с товарищами. До поздней ночи у нас сидели Анджей Адриан и Медард Конечный, с которыми мы особенно сблизились. Расставаться было нелегко.

После затянувшейся ночной беседы мы встали утром несколько сонными, и только холодный душ поставил всех на ноги. Едва успели одеться, как приехал сопровождающий нас офицер с машиной. Мы наспех позавтракали и выехали на аэродром. Прощальный взгляд на улицы Москвы. Минуем Кремль, Белорусский вокзал и мчимся к Центральному аэропорту. Здесь нас ждет новенький самолет Ли-2. Рассаживаемся в удобных креслах. Дует довольно сильный, порывистый ветер. Через минуту самолет стартует и берет курс на юг.

Еще несколько дней отдыха в Киеве. Мы осматриваем город, по вечерам слушаем сводки о положении на фронтах. Чувствовалось, что продвижение немецких и финских армий под Мурманском и войск группы «Центр» в направлении на Великие Луки несколько притормозилось, но тем не менее гитлеровские полчища заняли Одессу и форсировали Днепр под Черкассами. Возникла непосредственная угроза Киеву. Сопровождавший нас офицер рассказал о громадных потерях советских войск, достигших более полутора миллионов человек. Несмотря на эти трагические известия, люди сохраняли спокойствие и неколебимо верили, что час расплаты наступит.

Наш вылет был назначен на 18 августа. На аэродром мы прибыли в полном снаряжении. Невдалеке стоял замаскированный самолет, вокруг суетились механики, готовившие его к вылету. Несколько взволнованные, мы осматривали и подгоняли парашюты. Где-то в стороне Житомира полыхали зарницы артиллерийских залпов. Немцы подходили к Киеву. К несчастью, самолет оказался еще не готов, и вылет пришлось отложить.

На следующий день на аэродроме нас ждала приятная неожиданность — мы встретили Вацлава Малэго, нашего тренера по лыжам из авиационной школы, которому тоже вскоре предстояло отправиться в Польшу, но в другое место и с другими задачами. Приятно вдали от родины повидаться со старым

знакомым. За разговором провели чуть ли не все утро. Наши сопровождающие сообщают, что вылет назначен на двадцать два часа, и, чтобы как-то скрасить томительные часы ожидания, везут нас с собой в Киев.

Вечером мы возвращаемся на аэродром. Снова проверка имущества и снаряжения. Самолет ожидает в полной готовности, экипаж уже на местах. Пристегиваем парашюты и съедаем, так сказать, «на дорожку» последний ужин — вареники со сметаной.

Подходят представители Генерального штаба. Арцишевский строит нас в шеренгу и произносит краткую речь — рапорт о начале боевых действий в тылу гитлеровских оккупантов первой польской воздушно-десантной группы. От имени советского командования словами напутствия отвечает старший из прибывших советских офицеров. Он желает нам успехов в боевой деятельности, которая будет способствовать укреплению между нашими народами дружбы, рожденной в совместной борьбе с общим врагом.

Мы занимаем места в самолете. Контейнер со взрывчаткой, радиостанцией и продовольствием, который должен сбрасываться на шестом парашюте, уже на борту. Ответственный за эту ценнейшую поклажу — Збышек.

Летчики запускают двигатели. Самолет, слегка покачиваясь, выруливает на старт. В окне на фоне неба виднеется темный контур леса. Что сулит нам предстоящая ночь? Как встретит нас родная земля?

Во время полета инструктор пытается развлечь нас беседой — вероятно, вид у нас не слишком бравый. Он рассказывает о своих предыдущих полетах в тыл противника, о зенитной артиллерии, способах ее обхода и кончает фронтовыми анекдотами.

Немного спустя кто-то замечает внизу множество мерцающих огоньков.

— Ну вот и линия фронта! Теперь летчикам смотреть в оба! Если нас схватят прожекторы… — едва сопровождающий успел проговорить эти слова, по небу метнулись длинные лучи прожекторов. Вероятно, немецкие акустики засекли наш самолет.

Чуть впереди темнеют, прикрывая луну, тучи. Успеем ли скрыться в них? На какое-то мгновение кабину заливает ослепительным светом.

— Все-таки зацепили, гады, — инструктор выглядывает в иллюминатор. — Не захватили бы в перекрестие.

— Могли и не заметить, — ответил я.

— В прошлый полет нас трижды захватывали, и ничего, выкарабкались…

Вдруг машину рвануло и затрясло. Лучи прожекторов и огни

внизу сразу исчезли.

— Вошли в тучи. Теперь артиллерия не страшна.

Внезапно нас оглушила полная тишина.

— Идем без двигателей. Линию фронта будем перетягивать на бреющем полете, — объяснил инструктор, — так вернее.

Минут через десять двигатели загудели снова. Из-за туч выплыла полная ясная луна. В самолете стало светлее и как-то сразу веселее. Мы еще немного поговорили и начали поклевывать носами.

Разбудил нас Миколай. Слева, где-то далеко внизу, полыхало зарево пожара. Из кабины летчиков вышел инструктор и объявил, что мы летим уже над территорией Польши. Потом, взглянув вниз, пошутил:

— Ого, это, кажется, в вашу честь земляки устроили фейерверк на каком-то заводе.

За бортом дивная ночь. Полная луна заливает серебристым светом землю. Четко вырисовываются контуры лесов, озер, рек, железных дорог. Самолет идет на снижение. Приближаемся к району выброски. Инструктор идет в кабину к летчикам, о чем-то с ними совещается и, вернувшись, обращается к нам:

— Приготовиться к прыжку. Высота восемьсот метров, московское время — два сорок пять, местное — ноль сорок пять.

Он открывает люк. Мы встаем с сидений. Тяжелые парашюты и снаряжение мешают передвигаться в узком проходе между скамеек.

Самолет сбавляет скорость. Еще несколько секунд — и наконец команда: «Пошел!»

Один за другим мои товарищи исчезают в темном проеме люка. Я с силой отталкиваюсь от борта. Лечу вниз головой. Рука на кольце парашюта. Ощущаю сопротивление воздуха. Надо как можно дольше выждать. Считаю до десяти. Пора! Дергаю за кольцо и чувствую резкий рывок лямок. Надо мной раскрывается чаша парашюта. Времени мало, земля совсем рядом. Внизу вижу большое поле, пересеченное дорогой. Похоже на аэродром. Тяну за левую стропу, стараясь соскользнуть в сторону леса. Вдруг прямо подо мной дом. «Нужно подтягивать сильней, иначе свалюсь на крышу или повисну на заборе. Уф… кажется, пронесло…» Едва не задеваю ногами трубу и приземляюсь тут же за плетнем. Оглядываюсь по сторонам и на всякий случай снимаю пистолет с предохранителя. Из дома никто не выходит, и лишь где-то сзади тарахтит по дороге повозка. Сворачиваю парашют и прячу его в зарослях бурьяна.

Ночь на редкость светлая. Отчетливо вижу приближающуюся к домам телегу. Она уже совсем рядом. Укрывшись за плетнем, наблюдаю, как она сворачивает во двор. Доносится фырканье лошади. Кто в телеге? Поляк? А вдруг немец?.. И тут же слышу сочное:

— Тпру!… Стой, пся крев!

Обрадованный этими первыми услышанными на родной земле словами, ползу к лесу разыскивать товарищей. Едва приближаюсь к темным контурам первых деревьев, раздается

приглушенный голос:

— Стой! Кто идет?

Узнаю Збышека, называю пароль.

— А мы уж думали, у тебя парашют не раскрылся. Теперь все в сборе. Только контейнер найти не можем.

Подходят Арцишевский и Мицкевич. Контейнера нет. Идем со Збышеком за моим парашютом. Все парашюты надо закопать, чтобы не оставить здесь следов своего пребывания.

На дворе уже все тихо и спокойно. Без труда находим в бурьяне белое полотнище парашюта, сворачиваем его в тугой узел и возвращаемся в лес. Контейнер все еще не отыскался. Мы начинаем тревожиться. Ведь в контейнере радиостанция, без которой невозможна наша дальнейшая работа! Кроме того, если утром его обнаружат немцы, им нетрудно будет напасть на наш след. Рассветает, а поиски все еще не дают результата. Замечаем каких-то женщин, идущих к лесу.

Обстановка неясная, местность совершенно незнакомая. Арцишевский приказывает мне взять у Игоря автомат, гранаты и занять позицию для прикрытия группы, а сам выходит навстречу женщинам. Первой в лес вошла молодая крестьянка и начала искать грибы. Арцишевский подходит к ней и спрашивает, как называется эта деревня. Перепуганная насмерть неожиданным появлением незнакомца, женщина вскрикивает:

— Ой, господи! Откуда вы взялись! Никак с неба свалились?

— А если скажу, с неба — поверишь? — смеется Миколай. — Мы польские солдаты.

Женщина в плач.

— Мы ж вас заждались… Немцы нас совсем замучили…

— Как называется ваша деревня?

— Дык, известно — Зофьювка, а там подальше — Вадлев.

— А до Влощавой отсюда далеко?

— Влощава? Нет… У нас такой деревни нету.

— А какой здесь есть поблизости большой город?

— Вот там, далеко, Лодзь, — показала она рукой. — Нас теперь в рейх включили.

Арцишевский смотрит на карту. К сожалению, Зофьювка уже за обрезом нашей карты. Как видно, произошла ошибка! Нас сбросили километрах в ста пятидесяти, а то и в двухстах от назначенного места. Вероятно, штурман что-то напутал в расчетах.

Женщина тем временем продолжала:

— Я-то мало чего знаю, позову брата, он вам лучше расскажет.

Миколай разрешил ей вернуться домой, а я следил, не

сиганет ли кто-нибудь из хаты уведомить немцев.

Через несколько минут явился брат женщины. Его звали Крысяк Тлочек. К сожалению, и он знал только ближайшие окрестности. Но, подумав, предложил привести своего шурина Михала Згида, «тот, мол, всюду ездит и все знает».

Снова ждем, отойдя в лес. Через некоторое время видим направляющегося в нашу сторону мужчину. Миколай выходит на тропинку. Минуту спустя до нас доносится:

— Да здравствуют партизаны! Да здравствует польская армия! Два года вас ждем. Когда избавите нас от швабов?

Новый наш собеседник слегка под хмельком, очень оживлен, полон энергии, и весь его облик как-то не вяжется с этой тихой деревушкой. Выясняется, что это он ехал ночью на телеге, возвращаясь из Гутова, куда отвозил пьяных немцев, приезжавших в деревню конфисковать провиант. Он быстро сориентировал нас на местности, точно указал, где находится Лодзь, и объяснил, что мы оказались на территории рейха, неподалеку от границы Генеральной Губернии[6].

— Вам здорово повезло. В двух километрах отсюда, в Вадлеве, — пост немецкой жандармерии, чуть дальше, в Грабицах, — погранпост, а рукой подать, в Мзурках, — полицаи. Вы угодили в самую что ни на есть середку этого треугольника… Все села вокруг выселяют. Перевозят сюда немцев из Бессарабии и Прибалтики. Нашу деревню тоже начинают помаленьку выселять, да, правда, не больно торопятся — земля у нас бедная.

Он охотно согласился нам помочь и отправился со Збышком искать контейнер. Сейчас это было для нас самым главным.

Згид прекрасно знал местность, и вот наконец радость — контейнер нашелся. Он лежал в поле за деревней метрах в восьмистах от дома Згида. Збышек вынул из него радиостанцию, а все остальное пока закопал. Было пять часов утра. Ниспосланный нам богом Михал Згид вызвался переправить нас ночью через границу в Генеральную Губернию, а пока предложил укрыться и передохнуть в лесной избушке своего соседа Воджицкого.

…Из леса выходим в полночь, разбившись на две группы: первыми идут Миколай и Сташек, за ними — Збышек, Игорь и я. У нас проводником Зигмунд Котёлек и Эдвард Воджицкий, рекомендованные Згидом и сразу же принявшие в нас горячее участие. Идем всю ночь, в темноте переправляемся через какую-то речку, переползаем поле. На рассвете выходим к деревне.

— Это Гомулин, — шепчет наш проводник, — теперь вы уже в Генеральной Губернии. Вон там, за шоссе, вон в том домике, — показывает он рукой, — живут Квапиши. Люди верные, помогут. Идите прямо к ним, а нам пора возвращаться.

Мы дружески прощаемся, и наши проводники растворяются в предрассветном тумане.

Поют первые петухи. Идем к указанному дому. Во дворе тихо, но изнутри доносятся голоса. Стучим и заходим в дом. У печи сидит старик, по избе снует девушка, как видно, его дочь. Здороваемся. Хозяева не выказывают ни малейшего удивления. Видно, они о нас уже знают. Откуда-то из-за печи тут же появляется молодой рослый мужчина и, доброжелательно улыбаясь, протягивает нам руку.

— Тадек Квапиш. Прошу к столу, дорогие гости.

Завязывается беседа. Старик больше молчит, говорит в основном Тадек. По всему чувствуется, что глава в доме он, и договариваться о помощи надо с ним. Впрочем, просить ни о чем не приходится. Молодой Квапиш сам принимает на себя обязанности нашего опекуна и советчика. В самом скором времени мы убеждаемся, что он обладает прямо-таки талантом организатора, отлично знает местность, людей, а главное — помочь нам считает своим долгом патриота.

После завтрака Тадек отводит нас на другой конец деревни в дом своих родственников Дрызков, в сарае у которых оборудован отличный тайник. Наконец-то мы можем спокойно отдохнуть и хоть немного привести себя в порядок.

Отсюда на следующий день Арцишевский выслал в Варшаву Сташека Винского с задачей выяснить обстановку и попытаться раздобыть себе сносные документы. От Винского довольно долго нет никаких известий, и тогда Миколай решает послать вслед за ним Збышека, дав ему адрес, по которому Сташек должен был остановиться у своих знакомых по фамилии Мецуг, живущих на улице Фильтровой.

В то же время Арцишевский пытается быстрее установить радиосвязь с Центром. Тадек соглашается поместить радиостанцию у себя в сарае. К сожалению, в деревне нет электричества. Нужны аккумуляторы. Но где их достать и при этом не обратить на себя внимания?

Неутомимый Тадек вместе со своим другом Юзеком Клюфом, бывшим солдатом, отправляются в Пётркув на поиски бесценного для нас аккумулятора. Преодолев немало трудностей и приключений, они с триумфом привозят целую батарею аккумуляторов, пригодных для питания нашей аппаратуры. В сарае хитроумно устроили специальный тайник. Это была крохотная каморка под соломой, с входом, укрытым снопами. В ней и поместился Мицкевич с рацией. Соблюдая всяческие предосторожности, Игорь развернул аппаратуру и стал вызывать Центр. У входа в сарай с нетерпением ждал результатов первой

попытки наладить связь Арцишевский. Я тоже не выдержал и вышел во двор.

Вдруг со стороны Пётркува донесся какой-то отдаленный рокот… Внимательно осмотревшись, я заметил в небе крохотную точку приближающегося самолета. Сеанс пришлось прервать. Минуту спустя точно над сараем пролетел немецкий «шторх», но Игорь в этот момент уже выключил передатчик. Самолет пролетел еще немного прежним курсом, а потом повернул обратно. Не исключено, что на борту у него был пеленгатор, и он мог засечь наш передатчик. Продолжать работу из этого места теперь было крайне рискованно, тем не менее Арцишевский с Тадеком после подзарядки аккумуляторов, решились все-таки еще на одну попытку. Но и на этот раз связи установить не удалось.

В конце концов, было решено подыскать для радиостанции новое место в городе. Помимо опасений, что нас запеленговал немецкий самолет, принимались во внимание и трудности с аккумуляторами. В процессе работы передатчика они быстро садились, и пришлось бы часто возить их в Пётркув для зарядки. А это могло рано или поздно привлечь к Тадеку внимание. Кроме того, возрастала опасность случайного провала в пути, поскольку немецкая полиция в поисках продовольствия часто устраивала повальные обыски всех въезжающих в город.

На рекогносцировку в Пётркув выехал Тадек Квапиш. Проблема и на этот раз решилась по линии «семейной». В Пётркуве жил еще один родственник Михала Згида — Эдек. Этот милый юноша был любимцем бездетного Михала и гордостью всей семьи. Дядя помог ему окончить гимназию, и только война прервала его дальнейшую учебу. Это был очень интеллигентный и энергичный юноша. Поначалу он несколько колебался, но под давлением аргументов Арцишевского все-таки решился, в конце концов, помочь нам в размещении рации. После некоторых раздумий он уступил для нас свою квартиру, которую снимал у Элеоноры Левинской, хозяйки уютного домика с садом. Сам он перебрался на другую квартиру.

Теперь встала новая сложная проблема перевозки рации из отдаленного Гомулина в Пётркув. Многочисленные полицейские и жандармские патрули на оживленном шоссе создавали реальную угрозу случайного провала. Тадек Квапиш и на этот раз проявил немало изобретательности. Рацию перевезли в машине пожарной команды. Пожарников в суть дела, конечно, не посвящали. Они были уверены, что везут для Тадека колбасу на продажу.

Вместе с радиостанцией перебрался на новую конспиративную квартиру и Мицкевич. Он быстро завоевал

симпатии и расположение хозяйки дома. Довольно долго она даже не подозревала, кем на самом деле является ее новый квартирант.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

Пока шла работа по приведению в готовность рации, Арцишевский поручил мне выехать в Варшаву и всесторонне изучить возможность замены имевшихся у нас документов на новые, официально установленные оккупационными властями. Кроме того, мне поручалось приступить к выполнению основного нашего задания — организации сети войсковой разведки. Арцишевский рассчитывал, что радиостанция начнет работать со дня на день и, следовательно, понадобятся разведданные военного характера из самых различных районов страны. Он не думал ограничивать нашу деятельность только районом Пётркува.

Я не мешкая отправился в путь. Из Гомулина на пётркувский вокзал добирался пешком. Поначалу при встречах с людьми я чувствовал себя несколько неуверенно, и мне все казалось, что встречные смотрят на меня как-то не так.

Я старательно следил за тем, чтобы чем-то не выдать себя. И, только смешавшись с толпой пассажиров, почувствовал себя наконец более уверенно. Теперь можно было понаблюдать за поведением окружающих меня людей — я стал одним из многих.

Вскоре к платформе тяжело подкатил поезд. Толпа бросилась к вагонам. На дверях одного из купе я заметил надпись: «Только для немцев» — и тут же вспомнил предостережение Тадека — в такие вагоны не входить.

Внезапно на перрон высыпали охранники в черных мундирах — железнодорожная полиция. Полицейские с криком и руганью набросились на пассажиров, стали отбирать узлы и мешки. Прикладами избили какого-то мужчину. Вот и первые мои впечатления от будней оккупированной страны.

Варшава произвела на меня гнетущее впечатление. Люди одеты убого, лица изможденные и угрюмые. На вокзале и улицах толпы солдат и офицеров вермахта: чванливые, самоуверенные. Фюрер сулит новые победы, они верят в них. В Средместье сплошные руины. Торчат обугленные стены, скрюченные балки перекрытий, обгоревшие стропила. Оконные проемы зияют черной пустотой. Сколько же человеческих жизней погребено под этими руинами? Кого из близких найду я в живых?

Прежде чем приступить к поискам, решаю зайти к Мецугам на улицу Фильтровую, где должен остановиться Сташек, а затем и Збышек. Миколай был обеспокоен долгим отсутствием известий от них.

Обоих я застал по указанному адресу. Сташек получил

письмо из Кельц от своей двоюродной сестры Марии Кубицкой, в котором она давала понять, что имеет возможность изготовить необходимые нам документы, но это связано с известным риском. Я поинтересовался, нельзя ли мне поехать в Кельцы и на месте выяснить, о каком риске идет речь, и нет ли смысла попытаться использовать этот шанс. Сташек не возражал и дал мне рекомендательное письмо к Марии. Я отправился в Кельцы.

Мария Кубицкая приняла меня очень радушно, но тут же предупредила, что одна комната у нее реквизирована, и в ней живет немец, так что надо соблюдать крайнюю осторожность. Что касается документов, то у нее есть возможность достать паспорт с официальной пропиской, но для этого необходимо заявить в магистрат об утере прежнего. Кроме того, требуются корешок прописки и военный билет, которые нужно сдать в отдел учета, а затем явиться туда лично за получением нового паспорта. Она сказала, что предварительно уже обговаривала этот вопрос со своим знакомым, работающим в отделе учета, неким Заньковским. У него сохранились незаполненные корешки прописки с довоенными печатями и несколько военных билетов. Нам надо будет выдать себя за жителей Кельц, дом которых разрушен бомбежкой, в военных билетах вывести фамилии прежних владельцев и вписать наши.

Вечером Кубицкая пригласила своего знакомого на ужин. Он пришел точно в назначенное время и был явно польщен тем, что его посвящают в столь важное дело. Во время беседы он конфиденциально сообщил мне, что им сделано одно изобретение, которое он хотел бы передать западным союзникам. Это изобретение касается, мол, области авиационной техники и может дать союзникам огромное превосходство над немцами. Из более подробных пояснений я смог заключить, что речь в принципе идет о повышении мощности двигателя за счет увеличения числа цилиндров. Такого рода двигатели уже разрабатывались, так, что я с чистой совестью мог взять на себя это поручение.

Мы условились, что, когда я приду за получением паспорта, Заньковский кивнет мне головой, если все будет в порядке. Если же немцы что-нибудь пронюхают, он не подаст мне никакого знака. В этом случае я должен буду незамедлительно ретироваться.

На следующий день Мария подобрала подходящий адрес сгоревшего дома, а я занялся выведением из военного билета фамилии прежнего владельца. Затем Мария своей рукой вписала в билет мои данные, и я отнес документы в магистрат вместе с заявлением о выдаче мне нового паспорта.

В назначенный день я отправился за паспортом. В комнате, где выдавали документы, сидело несколько немцев и польских служащих. Заньковский кивнул мне головой. Уверенной походкой я направился к столу и получил из рук толстого немца легальный паспорт. Итак, я стал Ежи Мончинским. Имя я умышленно оставил без изменений, чтобы не путали друзья, фамилию же взял своего деда по материнской линии — оставлять подлинную было опасно, поскольку немцы располагали картотекой на бывших военнослужащих. С новым паспортом я мог отныне свободно передвигаться по всей территории Генеральной Губернии.

Как можно быстрее я вернулся в Варшаву уведомить своих друзей, что Мария Кубицкая ждет их приезда и поможет выправить «подлинные» документы. Я теперь спокойно занялся розыском своих родственников и знакомых, у которых мог бы остановиться и которых, быть может, удалось бы привлечь к сотрудничеству с нами.

Первым отыскался мой двоюродный брат, Зигмунд Мончинский, принимавший участие в сентябрьской кампании, потом сражавшийся во Франции, а после поражения французской армии бежавший из плена и недавно вернувшийся в Польшу. Поскольку приближался комендантский час, Зигмунд оставил меня у себя ночевать. Мы стали вместе прикидывать, как лучше отыскать друзей и знакомых. Многие, видно, погибли, многие лишились крова и вынуждены были переселиться. Где их искать, где взять адреса? Вдруг я заметил на письменном столе телефонную книгу. Стал ее листать в надежде встретить знакомые фамилии. Вот одна: Маринж. Я знал — в Варшаве есть лишь одна семья с такой фамилией. Было уже поздно, и я позвонил только на следующий день утром.

К телефону подошла двоюродная сестра Юрека. Я отрекомендовался школьным товарищем Юрека и сказал, что хотел бы с ним встретиться. Для вящей убедительности назвал адрес Зигмунда и свое школьное прозвище, хорошо известное Юреку.

Вечером к нам в дверь кто-то постучал. Я был уверен, что это Юрек, однако в комнату вошла женщина.

— Это вы хотите встретиться с Маринжем? — обратилась она ко мне. — Я должна поговорить с вами наедине.

Я был несколько озадачен такими церемониями, но тем не менее согласился пойти прогуляться. Мы вышли на улицу. Женщина задала мне несколько вопросов, касавшихся разных событий из жизни в школе подхоронжих, и, лишь убедившись, что я действительно тот, за кого себя выдаю, сказала, что она жена

Юрека. Серьезные поводы не позволили ему прийти самому, но он ждет меня у себя. Я был поражен столь строгим соблюдением правил конспирации. Мне был преподан хороший урок.

Встреча с Юреком прошла очень сердечно. Я рассказал ему о своей военной одиссее, о переброске в Польшу и об Арцишевском. В свою очередь, и Юрек не скрыл от меня, что состоит в подпольной организации, оттого-то и вынужден был через жену устроить мне проверку. Задание у него довольно хлопотное — ему поручено принимать парашютистов с Запада. В подпольной организации состоял и его младший брат Сташек. Во время одной из операций он погиб. Юрек хорошо понимал мою решимость включиться в активную борьбу и, учитывая нашу давнюю дружбу, обещал всяческое содействие. Он проинформировал меня о расстановке общественных сил в стране, рассказал о настроениях в Варшаве, отметил, что после нападения гитлеровцев на Советский Союз отношение к восточному соседу стало более доброжелательным и все чаще раздаются голоса о необходимости установления с СССР тесного сотрудничества. Затем, естественно, разговор перешел на наших товарищей по школе подхоронжих. Я узнал, что Сташек Когут, Цезарь Левицкий, Болек Свеж, Тадек Карнковский сражаются с немцами в английской авиации[7]. Владек Гедемин и Богдан Крылович состоят в одной подпольной организации с Юреком.

Оказалось, что ни один из курсантов нашего выпуска не остался в стороне от борьбы. Многие уже погибли в боях с захватчиками, другие продолжали борьбу в подполье.

Юрек предостерег меня в отношении начальника нашего курса подпоручника Труха, оказавшегося немецким агентом. Его разоблачил старший сержант Стаховяк, писарь нашей канцелярии. Предупредил он меня и относительно одной красавицы, постоянной участницы наших молодежных балов и вечеров, которая предпринимает попытки возобновить знакомства с бывшими курсантами, а сама любовница немецкого офицера.

Юрек рассказал мне, как они решили проблему с документами. По заданию ZWZ[8] он вместе с Богданом и Владеком работает на заводе радиоприборов, благодаря чему у них вполне надежные документы, и им фактически не страшны никакие облавы. Это дает свободу передвижения по всей стране, что крайне необходимо для выполнения порученных им заданий.

Поскольку выезжать приходится довольно часто и притом на несколько дней, а то и недель, они обзавелись набором медицинских печатей для справок о болезни на период своих «командировок».

Он обещал при необходимости дать мне возможность

пользоваться этими печатями, а также сообщил некоторые полезные сведения о военных аэродромах и местах, удобных для выброски парашютистов. Естественно, сам он не мог вступить в нашу группу, поскольку уже был членом подпольной военной организации.

После беседы мать Юрека пригласила нас на ужин. Она была приветлива, как и в прежние довоенные годы. С удовлетворением я отметил, что мои соотечественники, непосредственно на себе испытавшие террор оккупантов, ставшие очевидцами массовых убийств и грабежей, на сотрудничество с восточным соседом смотрят совсем иначе, чем узколобые штабники из лагеря в Козельске.

В поисках дальнейших связей на следующий день я отправился к моему дяде Яну, зная, что смогу у него остановиться и буду принят с распростертыми объятиями. В этой семье особую доброжелательность ко мне проявляла тетя Виктория. Она уже выручила меня однажды, когда я, будучи студентом, из самолюбия не захотел обратиться за материальной помощью к родственникам. Под предлогом уроков латинского языка для ее дочери Эли (способная девочка вовсе в них не нуждалась) она дважды в неделю приглашала меня к себе на обеды.

В доме дяди все действительно встретили меня с исключительной сердечностью и гостеприимством. Из беседы, затянувшейся далеко за полночь, я почувствовал, что, невзирая ни на какие грозящие им опасности, они не откажут нашим людям в пристанище и помощи. Тогда я рассказал о подлинной цели моего возвращения в Польшу и о тех задачах, которые перед нами стоят. Все мои родственники выразили готовность в меру своих сил и возможностей нам помогать. И особенно тетя Виктория. Она тут же перечислила всех знакомых, имевших свободные комнаты, и пообещала завтра же организовать конспиративные квартиры и явки для членов нашей группы. Она пыталась задержать меня у себя на несколько дней, чтобы я отдохнул. К сожалению, для этого не было времени.

От дяди я узнал, что в их же доме этажом ниже сейчас живут два моих двоюродных брата — Роман и Юзеф, которые могут быть мне полезны и наверняка согласятся присоединиться к нашей группе. Он заверил меня, что на них целиком можно положиться.

Не теряя времени, я спустился к братьям, но, несмотря на поздний час, дома застал только Романа. Он был рад моему возвращению и после беседы охотно принял предложение вступить в нашу группу. Я узнал, что он ведет торговлю лесом, много ездит по стране, имеет обширные связи и широкий круг

знакомых. Тут мне пришла в голову мысль использовать эти его возможности и организовать постоянно действующую сеть наблюдателей на главнейших железнодорожных магистралях, по которым осуществляется движение на Восточный фронт. Таким способом можно было бы получать информацию о том, какие части и куда перебрасываются, как обеспечивается и снабжается тот или иной фронт, и таким образом заблаговременно разгадывать намерения врага.

Утром я обсудил эту мысль с Романом. Важно было уточнить, где можно создать наблюдательные пункты. Оказалось, что в Седльцах у него есть хорошая знакомая, дочь железнодорожника, Старенжанка. Он обещал попытаться привлечь ее к нашей работе. В Люблине мог действовать Юзеф. Сам Роман собирался перебраться в Пшемысль. На белостокской линии знакомых у него не было. Однако я вспомнил, что в Малкини до войны знал семью железнодорожника Сивика. Это были очень толковые люди, которые вполне сумели бы справиться с такой задачей. Я решил, что в ближайшее время съезжу к ним лично. В ходе дальнейшей беседы мы договорились, что Роман и Юзек попытаются достать подряды на ведение строительных работ на различных участках железных дорог, что даст им возможность свободно передвигаться и вести наблюдение за военными перевозками.

На следующий день мы разъехались — Роман в Седльцы и Люблин, я — в Малкини.

Семью Сивиков я отыскал без труда — они по-прежнему жили в своем маленьком домике. Оказалось, что рядом живет и мой давний товарищ по школе — Тыборовский. Сивик и Тыборовский без колебаний согласились сотрудничать с нами, расценив это как свой вклад в дело борьбы с гитлеровскими оккупантами. Буквально на следующий день они взяли весь железнодорожный узел под пристальное наблюдение. Мы договорились, что за донесениями о результатах их наблюдений я буду регулярно приезжать раз в несколько дней.

Вернувшись в Варшаву, я выкроил наконец немного времени, чтобы поехать в Беляны навестить свою прежнюю любовь. Поехал на трамвае. Еще издалека увидел утопающий в зелени знакомый дом. Он был изрядно избит пулями, на одном углу виднелась большая свежезаделанная брешь от снаряда.

Я постучал в дверь. Открыла мать.

— Ежи!.. Вы живы? О боже! А Яди нет… Одну минуточку… Тадек! — позвала она младшего сына. — Беги к Марысе… Это недалеко, — повернулась она ко мне. — Ядя у подруги, сейчас прибежит… Вы живы, вы живы, — все повторяла она, — а мы с

мужем думали уж, что… От вас было всего одно письмо из Латвии, а потом никаких вестей. Садитесь же…

Минуту спустя в комнату влетела раскрасневшаяся Ядя с криком:

— Я же вам говорила — жив!

Мы сердечно расцеловались.

— Я знала, что ты вернешься! Как ты очутился в Варшаве?

— Угадай!

— Откуда же мне знать? Через границу не просто пробраться.

— Никаких сложностей. Прыг с парашютом — и все.

— С парашютом?! Ну да!

Со всех сторон посыпались вопросы: откуда? когда? как? С интересом слушали мой рассказ, искренне радуясь, что все так удачно обошлось. Мать поинтересовалась, не голоден ли я, и, не ожидая ответа, отправилась на кухню.

Мы остались с Ядей одни. Она ничуть не изменилась, была так же прелестна, и только всегда лукавые ее глаза стали строже и серьезнее — видно, за эти два года войны им довелось немало повидать скорбного и трагичного. Я подошел ближе и взял ее за руки.

— Расскажи о себе, мы так давно не виделись.

Она прижалась ко мне и прошептала:

— Хорошо, что ты приехал, я так тосковала о тебе. Сколько ты пробудешь в Варшаве?

— Пока не знаю. Сейчас мне придется уехать, но думаю, что скоро вернусь.

— Понимаю, я ведь тоже работаю в подполье…

— О-о-о! Что же ты там делаешь?

— Занимаюсь на курсах медсестер, распространяю газеты, иногда переношу оружие. Один раз чуть не попалась. Мы везли с Данкой газеты из типографии. Немцы нас задержали, проверили школьные удостоверения, а потом полезли в портфели. К счастью, ничего не нашли — газеты были хорошо упрятаны под учебниками.

— Ты еще учишься?

— Да, в лицее, а кое-кто из наших посещает лекции.

— Как, в подполье организована и учеба? — удивился я.

— Да, у нас действует подпольный университет и политехнический институт.

В комнату вошла мать с дымящейся кастрюлей в руках.

— Оккупационное блюдо — баланда, этого вы, наверно, еще не пробовали. Сейчас я заварю кофе, правда, ячменный и, увы, с сахарином.

К сожалению, приближалось время отъезда. Я пообещал

вскоре приехать, чтобы побыть подольше, и, довольный встречей, отправился в Пётркув.

О своей поездке в столицу я сделал Арцишевскому подробный отчет. Он остался доволен проделанной работой и особенно организацией наблюдения на железнодорожных узлах. В этот же день он назначил меня своим заместителем. А вечером Игорь установил наконец связь с Центром, и с 20 сентября 1941 года группа «Михал» приступила к регулярным радиопередачам. Во время одного из первых радиосеансов была передана информация о накапливании гитлеровцами химических веществ на складах в районе Пётркува. Судя по всему, это были боевые отравляющие вещества. Вероятно, наша информация подтвердилась и другими источниками, во всяком случае, спустя уже много лет я узнал, что в это же примерно время по представлению советской стороны Черчилль направил Гитлеру предупреждение, в котором указывал, что в случае применения Германией на Восточном фронте отравляющих веществ Англия в порядке ответной меры подвергнет бомбардировке химическими бомбами территорию рейха.

Я стал убеждать Арцишевского перебазировать нашу группу в Варшаву, ибо столица становилась главным центром сопротивления врагу и в то же время была важным узлом коммуникаций, через который перебрасывались на восток войска и техника. Эти обстоятельства в значительной мере облегчили бы нашу работу.

Решение о переезде в Варшаву было принято. Надежные документы для Миколая добыл Тадек Квапиш. Поначалу мы остановились у тети Виктории. Здесь встретились с Романом и Юзефом, детально обсудили с ними вопросы размещения наблюдательных пунктов и организации связи.

Явкой для связных избрали квартиру тети Виктории. За сведениями из Малкини я ездил сам или их привозили сыновья Сивика. Люблин и Лукув находились на попечении Юзефа. Наблюдательный пункт в Люблине Юзеф устроил на окраине города, в будке железнодорожного обходчика Яроша, дежурившего посменно с Милевским и Рафальским. Они учитывали количество поездов, проходивших в течение суток, устанавливали характер грузов, номера транспортируемых воинских частей и виды техники. Неоценимую помощь при этом оказывала купленная по случаю у немцев книжечка со знаками различия и цветами различных родов войск и видами вооруженных сил вермахта. Донесения, написанные на тонкой бумаге, свернутые в трубочку, перевозил Юзеф в мундштуке папиросы. Работа связного была опасной и трудной. Когда

движение на железной дороге увеличивалось, донесения приходилось возить два раза в неделю. И каждый раз связной мог попасть в облаву. Однажды в Лукуве полицейские железнодорожной охраны задержали Юзефа, показавшегося им подозрительным, и избили прикладами до бесчувствия. От ареста его спас диспетчер станции, откупивший его у немцев за пачку натурального кофе. Чуть живой, весь в синяках и кровоподтеках, Юзеф тем не менее в тот же день доставил донесение в Варшаву.

В Седльцы первый раз я поехал с Романом. Там он познакомил меня со Старенжанкой, и мы вместе разработали здесь план действий. Старенжанка привлекла к работе своего знакомого Здродовского, вместе с которым организовала постоянные дежурства на наблюдательном пункте. Поначалу за их донесениями ездил я сам, но потом времени мне стало не хватать, и приезжать пришлось Старенжанке.

Роман тем временем перебрался в Пшемысль, где получил подряд на строительные работы в управлении железной дороги, что давало ему возможность вести постоянное наблюдение за этим важным узлом железнодорожных коммуникаций. В Пшемысле условия для подпольной работы отличались большой сложностью — здесь вероятнее была опасность нарваться на осведомителя, труднее было найти надежных людей для наблюдения за пакгаузами и станцией. Роману все же удалось как-то преодолеть эти сложности, завязать нужные знакомства среди железнодорожников. В числе других он привлек к сотрудничеству Генрика Стаха, бывшего солдата австрийской армии, работника пшемысльской дистанции пути. На продпункте на нас согласилась работать некая Бронислава Цегель, осуществлявшая ежедневный учет немецких солдат, направлявшихся на фронт отпускников, а также больных и раненых, ехавших с фронта.

В скором времени донесения этих людей стали регулярно поступать в Варшаву. Арцишевский шифровал их, а я отвозил Игорю в Пётркув, откуда одновременно забирал радиограммы, поступавшие из Центра.

Вскоре после приезда в Варшаву Арцишевскому удалось восстановить ряд своих прежних довоенных знакомств. Он вообще обладал удивительной способностью легко отыскивать нужных людей. Ожидая однажды трамвай на Пулавской улице, он встретил чету Брацких, Люцину и Владислава, бывших артистов Быдгощского театра. Они пригласили его к себе в гости, а затем и предоставили в полное распоряжение свою квартиру на аллее Неподлеглости. Люцина Брацкая стала основным нашим помощником в распространении разведывательной деятельности

за пределы Генеральной Губернии. У нее были обширные знакомства, масса энергии и такая необходимая порой дерзость. Ей легко удавались вещи, казалось бы, совершенно неосуществимые. Так, она быстро и легко раздобыла паспорт Миколаю на имя Валеры́ Скшинского и достала обязательную в то время на территории Генеральной Губернии красную рабочую карточку и удостоверение о трудоустройстве. Из этих документов следовало, что он служащий одного из варшавских учреждений. Аналогичными документами Люцина снабдила и меня.

Брацкая энергично взялась за выполнение порученного ей Арцишевским задания — организации разведывательной сети в Познани, Берлине, Быдгоще и Крулевце. За взятку ей удалось получить разрешение немецких властей на выезд в Берлин к графу Мольтке, которого она хотела просить о заступничестве за своего сына Рафала, находившегося в заключении. Рафал был арестован в сентябре 1939 года по ложному обвинению в организации преследования фольксдойчей в Быдгоще и ожидал приведения в исполнение приговора — смертной казни. По пути Брацкая заехала в Познань и навестила семью Арцишевского. О том, что Миколай жив, родные его знали по письмам, которые он писал сначала из Москвы, а потом, уже после выброски, из Варшавы. Шифровал их он довольно оригинальным, но в то же время простым способом — применял свои детские выражения, которые знал только он сам и его мать. Когда, например, речь шла о русских, он называл их Лусиками (фамилия знакомой им русской семьи в годы его детства), немцев именовал теткой Эмилией. Благодаря этому приему родные Миколая были в курсе всех его дел. После установления связи через Брацкую две сестры Арцишевского, Ирэна и Мария, работавшие на почтамте, стали регулярно передавать нам номера полевых почт фронтовых частей, которые узнавали через свою подругу, занимавшуюся сортировкой корреспонденции.

Из Познани Люцина Брацкая направилась в Берлин. Хлопоты ее по делу сына успеха не имели — приговор изменить не удалось. Зато она привезла ценные сведения, касающиеся строительства подводных лодок, а также сумела завязать ряд знакомств в Крулевце и в Быдгоще.

Поскольку у нас постоянно ощущался острый недостаток в людях для выполнения заданий, Брацкая, вернувшись в Варшаву, познакомила Миколая с портным Карповичем, жившим на улице Левицкой. Карпович уже работал в подполье и возглавлял пункт рассылки нелегальной литературы. В его распоряжении всегда находилось несколько боевых парней, которые могли и у нас выполнять обязанности связных или охранять радиостанцию.

Познакомила нас Брацкая и с семьей своей подруги по театру Дэтке. Арцишевского в доме Дэтке приняли с восторгом. Экспансивная хозяйка чуть ли не тут же собралась уже поднимать восстание; супруг, человек более уравновешенный и серьезный, предложил нам свою помощь в деле получения подлинных кеннкарт, заменявших теперь на оккупированной территории прежние польские паспорта. Нужны были только метрические свидетельства. Вот это для нас была действительно ценная услуга, поскольку давала возможность при необходимости пользоваться различными документами, введенными оккупационными властями. К услугам Дэтке мы впоследствии прибегали не раз.

Миколай нашел в Варшаве знакомого ксендза, которого попросил выписать нам несколько метрик мужчин, умерших в возрасте 25—30 лет. Ксендз согласился во имя благого дела выдать такого рода документы, как только они нам потребуются. Хотя мы могли пока пользоваться своими прежними документами, тем не менее в нашем положении подстраховка была необходима.

Из семьи Брацких в работе нашей группы не принимала участия лишь их дочь. Чуть ли не все свое время она посвящала каким-то таинственным торговым операциям. Видели мы ее только мельком. Напудренная, накрашенная, она исчезала из дому в сопровождении какого-то своего знакомого инженера.

С самого начала к нашей деятельности была привлечена жившая у Брацких в качестве домработницы Ирмина Крупович. По природе сдержанная, не слишком доверчивая к людям, девушка под действием личного обаяния Арцишевского стала одним из наиболее надежных, активных и самоотверженных членов нашей группы. Поначалу на нее была возложена проверка всех приходивших в квартиру лиц. В доме имелся черный ход, через который в случае появления неугодного гостя всегда можно было незаметно покинуть квартиру. В дальнейшем ей было доверено хранение шифров и документации. Она держала их в мусорном ящике, возле которого наготове всегда стояла бутылка с горючей смесью, чтобы в случае опасности можно было немедленно уничтожить компрометирующие материалы.

В один из дней, приехав с донесениями на аллею Неподлеглости, я застал Арцишевского в приподнятом настроении. Оказалось, ему удалось подобрать группу молодых людей из Гдыни, которые охотно согласились принять участие в борьбе с оккупантами. Вскоре я познакомился с этими юношами. В группу входили: энергичный и внешне очень обаятельный Анджей Жупанский, необыкновенно серьезный и уравновешенный

Франек Камровский, интеллигентный, с изящными манерами Ежи Томашунас и брюнет с буйной растрепанной шевелюрой Богуслав Копка. Несколько позже к ним присоединились спокойный и сдержанный Тадеуш Жупанский и худенький Збышек Сас-Гошовский. Все они знали Арцишевского со времени его журналистской работы в Гдыни.

Как и в нашей группе, Миколай не вводил у них ни жесткой военной дисциплины, ни каких-либо форм муштры, и тем не менее группа представляла собой сплоченный дисциплинированный боевой коллектив. Задания каждому из членов этой группы Миколай ставил персонально и лишь в случаях проведения групповых операций назначал старшего. Поскольку мне часто доводилось участвовать с ними в различных операциях, я довольно быстро убедился в их исключительных боевых качествах. Не было случая, чтобы кто-нибудь из них хоть раз на миг заколебался при выполнении боевого задания. Они неизменно проявляли инициативу, энергию, сметку и высокое чувство ответственности. Анджея Жупанского Арцишевский назначил своим адъютантом, а на Камровского возложил поддержание связи с Поможем, поскольку у того имелся документ, позволявший ему выезжать за пределы Генеральной Губернии в районы, присоединенные к рейху. Сас-Гошовскому была поручена связь с Гдыней.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

Мы обсуждали задания для нашей гдыньской группы, когда вдруг раздался звонок. Минуту спустя в комнату вошел Юзеф Клюф.

— У меня неприятная новость: отказал передатчик. Игорь нашел неисправность: села лампа. Вот ее шифр, — он протянул клочок бумаги, — запасной у Игоря, к сожалению, нет.

Воцарилась гробовая тишина. Где взять лампу? Запасных деталей здесь не достать. Неужели вся наша работа пойдет насмарку?

И тут меня осенило — ведь Юрек Маринж работает, кажется, на заводе радиоприборов! Нужно немедленно ехать к нему, узнать, нет ли возможности добыть такую лампу.

Часом позже я уже показывал Юреку шифр нужной нам лампы.

— Ты знаешь, я в лампах не силен, но поговорю с нашими специалистами по этой части. Самое главное — установить, какая немецкая лампа может ее заменить. Потом уже будет легче найти ее эквивалент. Если подходящая лампа найдется, мы ее выкрадем.

Он взглянул на часы.

— До комендантского часа я успею еще вернуться. Давай шифр лампы, я съезжу к знакомому инженеру. Заходи ко мне завтра после обеда, результат уже будет.

Я шел к Юреку с неспокойным сердцем. Встретил он меня загадочной улыбкой, и я сразу понял, что дела развиваются успешно. Камень свалился у меня с плеч, когда я услышал:

— Лампа у вас через несколько дней будет! Мы уже отыскали подходящую на складе. Правда, кажется, там всего одна штука. Сейчас думаем, как ее изъять.

— Не могли бы мы вам чем-нибудь помочь? — спросил я.

— Нет, помочь вы не можете, тут нам придется поработать самим. Когда все будет готово, я тебе позвоню и приглашу вроде бы на чай.

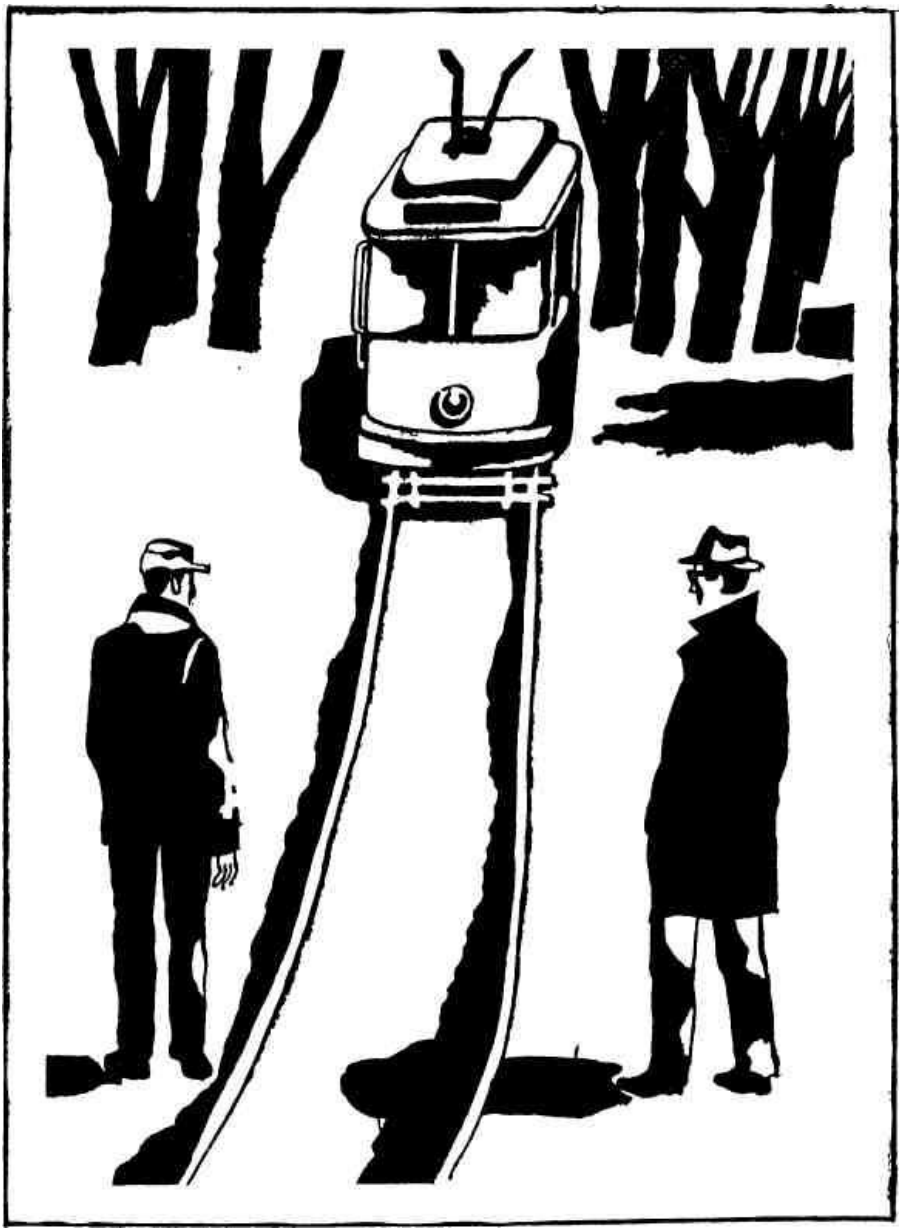
Я горячо его поблагодарил и как на крыльях помчался к командиру. Миколай, довольный результатами моей миссии, предложил вместе поужинать, а потом пойти с ним для прикрытия предстоящей ему встречи. После ужина мы отправились на площадь Унии Любельской.

— Здесь давай разойдемся, — приостановился Миколай на Пулавской. — А ты понаблюдай, не будет ли за мной слежки после разговора с брюнетом в светлом пальто.

Миколай быстро пошел вперед к трамвайной остановке.

Минут через десять с ним раскланялся какой-то брюнет в темных очках. От него за версту так и веяло конспирацией. Медленным шагом они направились в сторону Польной. Вслед за ними от остановки оторвались две фигуры. Двинулся и я.

Беседа была недолгой. Брюнет, а за ним фигуры направились в сторону кондитерской Лярделли. Миколай повернул обратно к площади Унии. «Хвоста» за ним не было. Час спустя мы встретились у Брацких. Миколай сообщил мне, что беседовал с важной персоной, представляющей подпольное движение, и тот предложил ему контакты с их военной организацией.



Вечером я отправился осмотреть новую конспиративную квартиру на улице Падевской. Квартиру предоставила нам родственница тети Виктории Ковальская, которая вместе с мужем переехала в провинцию. Она могла, конечно, продать ее, но, движимая стремлением как-то помочь движению Сопротивления, оставила ее нам безвозмездно вместе со всей обстановкой. Здесь я переночевал и утром следующего дня занялся обработкой донесений, поступивших из недавно созданных на железных дорогах дополнительных наблюдательных пунктов. Из этих

донесений вытекало, что интенсивность перевозок не изменилась. Осуществлялось, как видно, обычное снабжение фронта, и, пожалуй, только несколько больше, чем обычно, стало число раненых, отправляемых в тыл.

Вернувшись, я узнал, что звонил Юрек Маринж и приглашал меня на чай. Я опрометью выскакиваю из дома и хватаю первого попавшегося «велорикшу» — распространенный вид транспорта в оккупированной Варшаве, заменивший редкостью ставшие автомобили. Педали крутил молодой парень, всю дорогу рассказывавший о ночной облаве на Аллеях Уяздовских, во время которой немцы арестовали его брата. На Фильтровой я попросил его остановиться и подождать, а сам помчался к Маринжу. Юрек вручил мне лампу, спокойно, без эмоций, будто просто купил ее в магазине, а не выкрал у немцев с риском для жизни.

— Это подарок Игорю, — улыбнулся он, прощаясь. — Передай ему привет от меня и от Богдана.

Я поспешил обратно к ожидавшему меня с нетерпением командиру. Арцишевский поручил с первым же поездом доставить лампу в Пётркув. Было крайне необходимо как можно скорее наладить работу рации. Дело в том, что в последних радиосеансах с Центром начался обмен мнениями о присылке курьера и второго комплекта приемопередающей аппаратуры, а место явки для курьера и пароль остались несогласованными. Злосчастная лампа отказала в самый неподходящий момент.

Я стал размышлять, как лучше ее перевезти. На участке Варшава — Пётркув немцы часто устраивали облавы и обыски, а лампу достаточно больших размеров надежно спрятать не так-то просто. И вот — идея! На столе лежит буханка хлеба. Во время обыска одну буханку хлеба вряд ли отберут. Я осторожно снимаю верхнюю корку, делаю в мякише углубление и вкладываю туда лампу. Затем с помощью спичек тщательно укрепляю корку на прежнем месте. Заворачиваю буханку в газету и со свертком под мышкой отправляюсь на вокзал.

На перроне полно солдат, всюду полицейские патрули. Алчная железнодорожная охрана буквально обнюхивает пассажиров в поисках продовольствия. То и дело проводят, подгоняя прикладами и громкими окриками, какую-нибудь торговку.

В вагоне невообразимая теснота. Кто-то пытается еще втиснуться в тамбур. Я кладу сверток на полку и начинаю завязывать разговор с соседями. Черт бы побрал мой костюм! По бриджам и офицерским сапогам — одежде весьма модной во время оккупации — они сразу догадываются, что я не из тех, кто занимается спекуляцией. Чтобы отвлечь от себя внимание, я

бросаю несколько фраз на распространенном жаргоне спекулянтов и начинаю подтрунивать над своим соседом, который разбил бутылку с самогоном и теперь уныло сидит, переживая свою потерю.

— Вот беда! Из чистого сахара был, подарок от знакомого инженера. Девяносто шесть градусов, чистый как слеза! — причитал сосед.

Кто-то из сидящих у окна пытался его утешить:

— Выпей моего. Не пожалеешь — очищен соляной кислотой, а потом еще углем из противогаза. Пан офицер, отведайте и вы за свободу родины!

«Черт, обращение «пан офицер» относится явно ко мне. Надо будет отказаться от бриджей и сапог».

В купе протискивается худенький парнишка, осматривается и вместе с маленькой девочкой начинает петь популярную тогда в Варшаве песенку «Враг напал на Польшу из сопредельной стороны». Посыпались подаяния. Вытащил из кармана медяки и я.

В Жирардове вагон притих — работая направо и налево прикладами, ворвалась толпа жандармов. Начался повальный обыск. Дошла очередь и до нашего купе. В проходе встали два здоровых жандарма. Один держит на изготовку автомат, другой обводит настороженным взглядом лица, вещи пассажиров. Я сижу с краю. Жандарм внимательно ко мне присматривается, потом берет своей лапищей с полки мой сверток и спрашивает:

— Это чье?

— Это мой хлеб, — отвечаю я, прикидывая одновременно возможность вырвать у него сверток и выскочить из поезда. Жандарм стоит удачно, прикрывая меня своим тучным телом от ствола автомата того второго, что в проходе.

Жандарм начинает разворачивать бумагу. Только бы не оторвалась корка! К счастью, под руку ему попался другой конец. Слегка его примяв, жандарм бросил буханку на полку. Моего соседа он обыскивал с пристрастием: унюхал запах самогона и заставил открывать все чемоданы. Из одного с триумфом извлек несколько бутылок. Прихватив чемодан и его владельца, жандармы вышли из купе.

В Пётркуве хищные, жадные взоры железнодорожной охраны снова ощупывают всех выходящих из поезда. Принюхиваются, словно голодные псы.

С вокзала я направился на улицу Среднюю. Приютившийся за железнодорожной станцией небольшой домик был просто идеальным местом для размещения рации. После переезда всей нашей группы в Варшаву здесь стало тихо и спокойно. Лишь изредка заходил сюда кто-нибудь от нас с донесениями и забирал

от Игоря листки, испещренные длинными колонками цифр. Убедившись, что «хвоста» за мной нет, я остановился у калитки. Хозяйственная Кося копошилась в огороде. Узнав меня, она многозначительно улыбнулась и повела в дом. В окне мелькнуло лицо Игоря.

— Привез лампу? — встретил он меня вопросом прямо у порога.

Я вопросительным взглядом указал на Коею.

— Привез!

— Она в курсе, — успокоил меня Игорь. — Помогает мне во время сеансов, дежурит на улице, следит, не вертится ли кто поблизости.

Я разворачиваю сверток, Игорь не спускает глаз с моих рук.

— Какая лампа, от этого передатчика или немецкая?

— Немецкая.

— Угу… Подойдут ли ее характеристики?

— Подбирали инженеры, специалисты по радио. Это тебе подарок от Юрека Маринжа.

— Спасибо, сейчас проверим, — говорит Игорь с улыбкой и, не откладывая дела в долгий ящик, достает из тайника чемодан с комплектом радиостанции, раскладывает все на столике и начинает нагревать паяльник. Мне вспоминается, как на занятиях по радиотехнике в авиационной школе мы собирали радиоприемники и проклинали судьбу, считая это бесполезным занятием. Вот ведь, оказывается, в жизни все может пригодиться.

Я с интересом наблюдаю, как Игорь спокойно и уверенно колдует над рацией, копается в хитросплетениях разных проводов, что-то припаивает, проверяет напряжение и наконец подключает станцию к сети. Лампы начинают светиться, все больше накаляясь. Игорь легонько стучит ключом.

— Порядок, ночью даем концерт. Выходим в эфир в час ночи. Ну а пока расскажи, чем вы там занимаетесь и как устроились в Варшаве?

В дверях показывается Кося, вносит чай и бутерброды. Она с интересом смотрит на аппаратуру, потом переводит взгляд на Игоря.

— В порядке, сегодня ночью работаем. Приготовься дежурить.

Судя по ее поведению и ласковому взгляду, брошенному на Игоря, она влюблена в своего милого и неизменно тактичного квартиранта. Война любви не помеха…

Игорь сложил станцию в чемодан и засунул его под кровать.

За чаем я рассказывал о разрушениях в Варшаве, о наших общих товарищах, которых сумел отыскать, о твердости и решимости людей бороться. От Игоря узнал, что Збышек по

заданию Миколая занят сейчас расширением сети наблюдательных пунктов на железных дорогах. Тадек Квапиш связал его с железнодорожниками из Колюшек[9]. Возможно, со временем удастся проникнуть и в Лодзь.

По секрету Игорь рассказал мне, может быть, стремясь как-то оправдать этим свои отношения с Косей, что в Збышека влюбилась Ванда Стахур. С Вандой мы познакомились через Эдека Згида. Это была очень живая, красивая и стройная девушка. Правда, при разговоре с ней несколько коробила ее, я бы сказал, чрезмерная прямолинейность, а подчас даже навязчивость. Я задумался. Почему Ванда ищет расположения Збышека? Неужели он действительно так уж ей нравится, или она преследует какие-то иные цели? Нам было известно, что у нее есть знакомьте и среди немцев. Что это? Следствие неразборчивости в знакомствах или она действует по чьему-либо указанию? Понять ее было трудно, но ведь и беспочвенным подозрением можно оттолкнуть нужного и честного человека. С другой стороны, проявишь чрезмерное доверие — как бы не пришлось потом кусать локти и пенять на себя за недостаток осторожности. Дело еще более осложнится, если девушка почувствует, что ее попытки завоевать симпатии Збышека наталкиваются на сопротивление. Тогда можно ожидать с ее стороны и острой реакции. Во всяком случае, появится повод для желания насолить Збышеку. Несколько настораживало меня и поведение Эдека Згида. Этот интеллигентный, начитанный юноша, о собрании книг которого в личной библиотеке с большой похвалой отозвался Миколай, был доброжелателен и исполнителен, но сам своих услуг никогда не предлагал. Он производил на меня впечатление актера, искусно дергающего за ниточки кукол, которые играют за него на сцене. Не скрывается ли за его помощью нам просто стремление следить за нашей группой. Во всяком случае, были данные, что АК проявляло по отношению к нам живой интерес[10]. Совершенно естественно, посвящение обоих в наши дела было неизбежно, учитывая их родственные отношения с теми, кто нам так самоотверженно помогал и ради нас подвергал себя смертельной опасности. Все мои опасения, однако, и гроша ломаного не стоили на фоне нашей общей неграмотности в деле конспирации. В этом смысле грешны были мы все, и особенно, пожалуй, наш командир. Порой его буквально захлестывали темперамент и фантазия. Ему казалось, что в Польше все только о том и думают, как бы включиться в борьбу с ненавистным врагом. А ведь нельзя забывать, что в тот период акция по борьбе с полицаями еще далеко не развернулась в таких масштабах, как это было позднее. Да и не все агенты гестапо ходили со свастиками и черепами на

рукавах. Вечером приехал Тадек Квапиш с продуктами. Мне пришлось повторить рассказ о том, как мы устроились в Варшаве. Приближался комендантский час, и Квапиш стал прощаться, допытываясь у Игоря, чего бы повкуснее привезти в следующий раз. Тадек любил Игоря и таким способом выражал ему свои симпатии.

Вспоминая курсантское житье-бытье, мы с Игорем проговорили до часа ночи. Подошло время выходить на связь. Игорь снова достал чемодан и стал настраивать рацию, не прерывая при этом беседы.

— Раньше рацию прикрывал Тадек, затем Юзек Клюф, слов нет — ребята они боевые, но зато теперь, когда этим занимается Кося, в доме стало меньше посторонних людей. До привлечения к работе Коси приходилось ждать, пока все в доме уснут, и только после этого можно было выставлять через окно наружную антенну. Помню, однажды во время такой операции выпала форточка. Шуму было столько, что разбудили всех женщин. На следующий день пришлось оправдываться тем, что было, мол, душно и мы хотели проветрить квартиру. Женщины не особенно этому поверили и явно подозревали нас в ночных любовных похождениях, а мы не только не пытались поправить нашу пошатнувшуюся репутацию, но даже специально выставили на стол бутылку водки. После привлечения к работе Коси Тадек и Юзек помогли мне установить постоянную антенну, укрыв ее под штукатуркой стены и стропилами крыши. Теперь перед сеансом не надо выходить на улицу.

Чуть слышно скрипнула дверь, и в комнату на цыпочках вошла Кося.

— Пора? — шепнула она.

— Да, пора, — посмотрел на часы Игорь.

Она плотней запахнула пальто и отправилась на свой пост в сад. Игорь закончил настройку рации, подключил питание и щелкнул переключателем. Из темноты стали выступать светящиеся точечки ламп. Над панелью вспыхнула маленькая лампочка, осветив сосредоточенное лицо Игоря. На столе появились стопка телеграмм, лист чистой бумаги, карандаш, часы и пистолет. Когда лампы прогрелись, Игорь настроился на нужную волну и несколько раз нажал на ключ, посылая в эфир свои позывные. Потом он повернулся ко мне и протянул запасные наушники.

— Надень и ты, может, что-нибудь поймаешь.

Он медленно крутил ручки приемника. На фоне шума и треска я с трудом улавливал чуть слышные сигналы Морзе. Вдруг лицо Игоря окаменело. Его натренированное ухо различило

условный сигнал. Я же слышал только какие-то «ти-ти-ти, та-та-та». Игорь, стараясь не потерять станции, шепнул:

— Есть! Передают позывные.

Минуту спустя его рука забилась в ритме морзянки. Монотонный стук ключа прерывался только для переключения на прием и перелистывания телеграмм.

Бисеринки пота выступают у Игоря на висках, на лбу, на шее. Какое огромное напряжение ума, слуха и нервов нужно, чтобы из океана различных звуков выявить только те единственные, что предназначены ему одному! А ведь в этот момент немецкие пеленгаторы, быть может, уже засекли месторасположение его передатчика, и сейчас где-нибудь в тиши кабинетов обсуждается, как лучше окружить и захватить радиста.

Вскоре Игорь переходит на прием. Листки белой бумаги быстро покрываются колонками цифр. В длинных рядах знаков, которые потом будут преобразованы командиром с помощью шифра в короткие фразы, содержатся выражение благодарности, инструкции и новые задания. А пока мы не знаем содержания принимаемых радиограмм.

Продрогшая Кося заглядывает в комнату. Последние удары ключа: «Прием подтверждаю». Игорь складывает аппаратуру в чемодан. А девушка снова выходит на улицу проверить, нет ли поблизости посторонних. Игорь относит чемодан в тайник. Через несколько минут оба возвращаются.

— Кося, золотце, дай что-нибудь перекусить, — просит Игорь, — просто умираю от голода.

Девушка вносит припасы, доставленные Тадеком, выставляет на стол бутылку вишневки. Игорь с аппетитом ест.

— Слушай, неужели ты не испытываешь страха во время передачи? — вырывается у меня идиотский вопрос.

Он улыбается, смотрит сквозь рюмку на свет, словно хочет прочитать в ней свою судьбу, и начинает задумчиво говорить:

— Пеленгация — очень простой способ засечки передающей радиостанции. Для этого достаточно двух приемников с вращающимися антеннами. Если они притом установлены на автомобилях, то пеленгирующие могут быстро подойти на очень близкое расстояние. В самолете достаточно даже одного пеленгатора, правда, в этом случае точность будет меньше. Немцы разработали уже методы засечки и нахождения вражеских радиопередатчиков, но у них, кажется, мало пока еще пеленгаторов. Если они наладят массовый их выпуск и обеспечат подготовленными кадрами, то работать так безнаказанно, как до сих пор, нам вряд ли удастся.

«Какими словами, — подумалось мне, — определить

мужество человека, который так ясно отдает себе отчет в том, что его рация рано или поздно, но обязательно будет обнаружена, и притом может сохранять такое спокойствие и даже шутить». Подходящих слов не находилось. Оставалось только удивляться. Игорь допил рюмку, отставил ее и продолжал:

— Тем, кто на фронте, легче — они могут драться и даже врукопашную. Побеждает сильнейший. Под жесточайшим артиллерийским огнем остается надежда выжить. Даже террористы имеют шанс уцелеть. У радистов в тылу врага шанса не быть обнаруженными нет. Их спасение — нерасторопность противника или недостаток у него технических средств. Испытываю ли я страх? Не могу, да и не хочу об этом думать. Просто я взялся за выполнение задания и делаю свое дело. А теперь иди спать — тебе уже скоро ехать.

Прежде чем я успел лечь, Игорь уже вовсю задавал храпака.

КУРЬЕР

Вернувшись в Варшаву, я передал Арцишевскому полученные Игорем радиограммы. Он тут же взялся за их расшифровку. Хотя блестящая память облегчала ему эту работу, но лавина цифр была настолько огромной, что шифры приходилось все-таки держать под рукой. Их обычно приносила из тайника Ирмина.

Склонившись над столом, Миколай читал некоторые телеграммы вслух:

> «Благодарим за ценные сведения о переброске войск…», «Желаем дальнейших успехов в совместной борьбе…», «Сообщите явку для курьера…»

Миколай вскочил со стула и заходил по комнате.

— Найти частную квартиру для гостя, — говорил он как бы сам с собой, — будет сложно. Люди запуганы, а немцы беспощадны. Если курьера схватят и узнают адрес явки, владельцы квартиры будут уничтожены, да и нас могут переловить как цыплят.

— А может, назначить встречу в каком-нибудь ресторане? — вставил я. — Можно поговорить с теткой. Она как-то упоминала, что одна ее приятельница содержит какое-то заведение.

— Лучше всего встретить курьера самим, непосредственно на месте приземления, — ответил он. — Я передам пока такое предложение, а ты тем временем займись подготовкой встречи в ресторане. Попробуй подыскать что-нибудь подходящее. При этом, конечно, кого-то из персонала неизбежно придется посвятить в суть дела, чтобы обеспечить наблюдение и прикрытие. Пароль и условные сигналы я сообщу позже. Дело это не откладывай, потому что дня через два тебе снова придется съездить в Пётркув — скопилось много донесений. Немцы перебрасывают через Варшаву какие-то неопознанные соединения. Брацкая привезла новые материалы из Берлина и Быдгощи. Я не хочу посылать к Мицкевичу новых людей, а Збышек выехал в Скерневицы и, когда вернется, неизвестно.

Я тут же отправился к тете Виктории. Она встретила меня приятным известием:

— Я нашла тебе запасную квартиру на Хотимской. Прекрасно меблированная комната у моей хорошей приятельницы Гелены Гурницкой, вдовы майора, погибшего в боях за Варшаву. Собирайся, поедем смотреть.

— Тетя, сейчас мне нужен хороший ресторан, — ответил я.

— Это что же, мои обеды тебе больше не по вкусу? Не успел понюхать пороха, а начинаешь капризничать?

— Да нет, речь идет о явке, — поспешил я разъяснить суть дела, — К нам прибывает связной, нужно сообщить место встречи. Частную квартиру нам не хотелось бы подвергать опасности — немцы нередко перехватывают парашютистов.

— Зося Сикорская содержит ресторан на площади Казимежа, возле рынка, прекрасное место. Она наверняка согласится. Я могу сейчас к ней съездить.

На следующий день мы с Миколаем могли уже отправиться в небольшой ресторанчик пани Зофьи. Нас встретила милая приветливая брюнетка. О деталях встречи договорились быстро. Курьер войдет в ресторан с газетой в левом кармане. На газете будет нарисован квадрат. Пани Зофья, заметив такого посетителя, уведомит нас и будет наблюдать, нет ли за ним слежки. Один из нас явится в ресторан и после обмена паролями отведет курьера на явочную квартиру.

Вечером Миколай шифровал уже пароль и порядок встречи. Материалов для передачи собралось много, целая пачка. «Работы Игорю хватит на несколько дней», — подумалось мне. На всякий случай я решил взять оружие. Слишком уж важными были материалы, чтобы можно было попасть с ними в руки немцев.

В день моего отъезда в Пётркув на вокзале не было обычной толчеи. Частые облавы на железных дорогах в последнее время распугали спекулянтов. Вопреки слухам не было на вокзале и жандармов. Сновали только солдаты, оказавшиеся в Варшаве проездом. Одни — те, что ехали в отпуск, радостные и оживленные, другие — те, что возвращались на фронт, хмурые и озабоченные. Время в пути пролетело незаметно. Какой-то остряк беспрестанно сыпал анекдотами, потешая пассажиров. Он только что закончил очередной политический анекдот, когда поезд стал замедлять ход у перрона Пётркува. Вдруг смех замер у всех на губах. В купе воцарилась тишина — весь вокзал был оцеплен несколькими рядами жандармов и железнодорожных охранников. Доносились громкие команды офицеров. Поезд замедлил ход и остановился между шпалерами вооруженных автоматами солдат.

Такой облавы мне видеть еще не доводилось. Казалось, сюда стянули жандармов со всей Губернии. Выскочить из поезда не было уже никакой возможности… Столько шифрованных телеграмм и оружие!.. Что делать?.. Грохот рывком открываемых дверей сливался с окриками: «Раус! Раус!»[11] В вагоны, тыча по сторонам прикладами, врываются гитлеровцы, выгоняют всех на перрон, в окна выбрасывают оставленные вещи. Осматривают каждый закуток — не укрылся ли кто, не оставил ли свертка.

Плотная толпа людей под дулами автоматов вливается в просторный зал ожидания. Я стараюсь держаться поближе к середине. В толпе шепчутся:

— Может, немца укокали?

— Иесусе, всех расстреляют…

Какая-то женщина начинает всхлипывать. Шум нарастает. Снова пронзительные окрики разъяренных немцев. Воспользовавшись минутой тишины, я подхожу к одному из молча вышагивающих взад и вперед офицеров и на немецком языке начинаю возмущаться:

— Я служащий строительной конторы. Мы ведем в Пётркуве срочные работы оборонного характера. Вот мои документы, я не могу ждать, пока проверят всех.

Оторопев, он машинально берет протянутую мной кеннкарту и удостоверение строительной конторы. Буквально буравит меня глазами. Я выдерживаю его взгляд.

— Убирайся!

Не торопясь выхожу из зала ожидания и направляюсь в город. На улицах, несмотря на непоздний еще час, необычно пустынно. Вероятно, слух о готовящейся в широких масштабах облаве уже разнесся. Позже я узнал, что все задержанные в тот день на вокзале были вывезены в концентрационный лагерь. Не выпустили почти никого.

Разрядка после пережитых минут напряжения наступила только на явочной квартире. Я сел в кресло и в течение получаса не мог вымолвить ни слова. Когда наконец я пришел в себя и рассказал о своих дорожных приключениях, Игорь пошутил:

— Вот видишь, значит, облавы устраивают не только на радистов! Ты мог влипнуть еще раньше меня. Ладно, идем спать.

Игорь поставил будильник. Утомленный пережитым, я мгновенно уснул. Когда я проснулся, Игорь сидел, и как видно уже давно, за рацией. Я подошел к столу. Он скосил на меня покрасневшие, утомленные глаза.

— Ты дрых, как пожарник, даже будильника не слышал.

Он отбил подтверждение о приеме последней радиограммы и вручил мне целую пачку бумаг.

— Вон сколько скопилось, будет тебе что везти. Миколаю скажи, что оставшиеся радиограммы передам в течение ближайших дней.

…На вокзале царило обычное оживление, словно накануне ничего и не случилось. Пассажиры с мешками втискивались в вагоны, охранники вели какого-то парня. Жандармы, насытившиеся вчерашними трофеями, спокойно прохаживались вдоль перрона.

До Варшавы я добрался без всяких приключений. Передал радиограммы Миколаю, а сам отправился к Роману, который привез новые донесения.

Вечером я зашел к Арцишевскому за указаниями о встрече курьера. Он встретил меня в прихожей уже одетым.

— Ты знаешь, приятная неожиданность — курьером будет Янек Мейер, помнишь, блондин, жил с нами в Грязовце. Надо передать об этом пани Зофье, она может встретить его сама — я нарисую его шаржированный портрет, и по нему она наверняка его узнает даже без пароля.

В тот же день я передал все это Зофье Сикорской. От себя на словах дорисовал ей портрет Янека, упомянув его характерные вьющиеся светлые волосы и тонкие черты лица.

И вдруг все наши планы по встрече курьера оказались спутанными самым неожиданным образом. Вечером 23 октября у Брацких нежданно-негаданно объявился Игорь Мицкевич.

— Не могу установить связи с Центром, — смущенно объявил он Арцишевскому, будто сам был в этом виноват. — Я изредка слышу очень слабые их позывные, но они на мои не отвечают. Похоже, меня они вообще не слышат. Я проверил аппаратуру: все вроде бы в порядке. Вероятно, что-то случилось…

— Может быть, их разбомбили? — высказал я свое предположение.

— Тогда я вообще бы не слышал никаких сигналов, — возразил Игорь.

— А может, у них аппаратура испортилась? — нерешительно вставил Анджей Жупанский, выполнявший уже при нашем командире обязанности адъютанта.

— Ну нет, у них же есть контрольные приборы, — ответил Игорь.

Арцишевский молчал, меряя большими шагами комнату. Наконец он повернулся к Игорю:

— Ты передал все радиограммы, которые доставил тебе Юрек?[12]

— Нет, часть осталась, я привез их обратно. На последнюю, переданную 18 октября, подтверждения не получил. Возможно, они ее и приняли, но уверенности у меня нет.

Просмотр неотправленных телеграмм показал, что сообщение о месте встречи курьера и пароле оказалось именно той телеграммой, о приеме которой Игорь не получил подтверждения.

— Дело серьезное, — задумчиво произнес Арцишевский. — Предположим, эту телеграмму они получили, тогда, безусловно, курьера пришлют. Если дело в неисправности нашей рации,

вопрос решится просто — курьер доставит новую исправную аппаратуру. Если же повреждена их радиостанция, ее наверняка наладят. Есть и еще одна вероятность — они могли эвакуироваться в тыл и сменить место дислокации. В этом случае существует реальная угроза потери связи.

— Установят более мощный передатчик, — возразил Игорь.

— Так или иначе мы своей работы не прекращаем, — продолжал Миколай. — Ты, Игорь, возвращайся в Пётркув и продолжай попытки восстановить связь. Если в течение недели это не удастся, надо будет на какое-то время укрыть рацию где-нибудь в деревне. В этом случае придется послать связного на ту сторону фронта.

После отъезда Игоря в Пётркув потянулись томительные дни ожидания — удастся ли восстановить связь? Однако вести приходили неутешительные. Спустя неделю Игорь сообщил нам, что прекратил попытки восстановить связь и отправил рацию в Гомулин.

В сложившейся обстановке Арцишевский принял решение ожидать курьера, но работы ни на минуту не прекращать. Он писал статьи для подпольных газет, выступал на собраниях подпольных организаций, вербовал себе сторонников. Никакой личной жизни для него не существовало. Нередко он недоедал — жиденькая похлебка часто составляла весь его обед. Можно было только поражаться, откуда он черпал столько энергии. Дни, когда связь с Центром была нарушена, Арцишевский использовал для изучения деятельности польских подпольных политических группировок и их программ, искал контакты с людьми, на поддержку которых можно было рассчитывать.

В Варшаве ему удалось отыскать много прежних друзей и знакомых. Коллеги по работе в редакции «Курьера Балтыцкего», Менжницкий, Воедылло и другие, состоявшие уже в подпольных организациях, информировали его об основных особенностях в расстановке политических сил, о людях, руководивших борьбой в подполье. В тот период наибольшую активность проявлял Союз вооруженной борьбы (ZWZ) во главе с генералом Стефаном Ровецким, носившим псевдоним «Грот». Интеллигенция и особенно военная молодежь охотно тянулись к ZWZ главным образом по причине аполитичности, декларируемой этой организацией, а люди стремились к бескомпромиссной борьбе с оккупантами, и только.

Основные политические направления польского Сопротивления еще не сформировались, однако заметно росли и крепли симпатии к Советскому Союзу. Все яснее становилось мировое значение войны, ведущейся на Восточном фронте, для

будущих судеб не только Европы. С нарастающей тревогой и вниманием воспринимались сообщения о сдаче советских городов, о новом наступлении гитлеровских войск на Ростов и Москву.

Когда многие политические деятели подполья предсказывали неизбежность поражения Красной Армии, Арцишевский написал обширную статью, в которой доказывал, что натиск немецкого наступления иссякает и Восточный фронт постепенно стабилизируется. Правда, успел ли он опубликовать эту статью в подпольной печати, не знаю — нас целиком захватило новое событие: явился курьер.

Им оказался, как и было обещано, Янек Мейер. Он явился в ресторан пани Зофьи, откуда Арцишевский привез его на квартиру Брацких. Здесь Янек рассказал нам, как перебирался через фронт: он был выброшен с парашютом в ночь на 31 октября под Варшавой.

Доставил он нам и новую радиостанцию, которую пока закопал неподалеку от места приземления. Ему поручалось передать нам особую благодарность советского Генерального штаба за помощь, оказываемую в борьбе с гитлеровскими оккупантами. Сообщил он также ряд чрезвычайно интересных сведений о подготовке к формированию на территории СССР польских воинских частей и о подписании польско-советского договора. Объяснил нам Мейер и причину нарушения радиосвязи с Центром. Радиостанция эвакуировалась в Куйбышев. Работу свою она возобновит в самое ближайшее время.

Когда наш гость кончил рассказывать, Арцишевский обратился ко мне:

— Поскольку Янек плохо знает местные условия, а главное — не имеет надежных документов и может легко попасть под облаву, ему не следует пока показываться в городе, а тем более в районе выброски. Он постарается точно изобразить нам местность, где закопал рацию и парашют, а также дороги, по которым добирался до Варшавы. Ты разработаешь план доставки рации в город. Поместим ее временно на Падевской. Но вообще хорошо было бы подыскать для нее другую квартиру — на Падевской явка для связных, и там бывает слишком много людей. После доставки рации займешься документами для Янека и устройством его на верную квартиру. Людей в помощь подбери себе сам. Я могу выделить только четырех ребят от Карповича. Отдадим тебе и все имеющееся у нас оружие. По вопросу кеннкарты для Янека свяжись с Дэтке.

Перевозка рации, с трудом вмещающейся в большой чемодан, была делом далеко не легким. Непрерывные облавы на улицах

Варшавы, многочисленные жандармские патрули, специальная охрана на железных дорогах, отсутствие у нас каких-либо транспортных средств — все это делало операцию весьма рискованной.

Я решил под покровом ночи добраться до места выброски, отыскать контейнер и вернуться в район Грохова, а утром, как только кончится комендантский час, отвезти рацию на трамвае на Мокотув. Обдумав план действий, я собрал всю группу, привлеченную к участию в операции, познакомил ее с начерченной схемой Мейера, раздал оружие, в деталях обсудил задачу каждого.

Оружия у нас было немного — всего четыре пистолета. Сбор назначил в семнадцать часов у конечной остановки трамвая на Гроховской улице.

Все ребята, понимая ответственность задания, прибыли точно в назначенное время. Это была их первая серьезная операция. Разбившись на группы, мы выбрались за город и двигались, руководствуясь ориентирами, указанными на схеме Янека. Без всяких осложнений добрались до небольшого сосняка, где была зарыта рация. Однако сделать больше, пока не стемнело, не могли — неподалеку проходила дорога, по которой то и дело сновали какие-то люди. Переждали в сосняке до наступления темноты и только тогда отправились на дальнейшие поиски. Янек был инженером и начертил настолько точную схему, что мы без труда отыскали кучу камней, обозначавших место, где был зарыт контейнер и парашюты.

В песчаном грунте мы быстро откопали контейнер, из которого я извлек солидных размеров чемодан с рацией и — ко всеобщей радости — несколько гранат и два пистолета. Даже шоколад и копченая колбаса, обнаруженные на дне контейнера, не вызвали у моих полуголодных ребят такого восторга. Брать парашюты я не разрешил, мы закопали их обратно и замаскировали вместе с ненужным теперь контейнером.

Выслав охранение, мы двинулись напрямик через поле в сторону Грохова. На рассвете я остановил свой небольшой отряд под деревьями у дороги. Здесь мы дождались окончания комендантского часа. Когда на дороге появились первые направлявшиеся в город люди, я дал команду двигаться дальше. Вперед выслал авангард — двух вооруженных ребят. За ними следовал связной. Чемодан нес я сам попеременно с Томашунасом. На некотором удалении за нами двигался арьергард, вооруженный гранатами. «Колонну» замыкали ребята без оружия. В их задачу входило отвлекать на себя жандармов, если бы они появились сзади.

В таком боевом порядке мы двигались около часа. Тяжелый чемодан изрядно оттянул нам руки. И вдруг, когда наш авангард скрылся впереди в небольшом лесочке, на боковой дороге в отдалении появились два жандарма на велосипедах. Видимо, они заметили наш чемодан и прибавили ходу, намереваясь опередить нас и отрезать нам путь прежде, чем мы достигнем леса. Вероятно, они приняли нас за спекулянтов и рассчитывали на хорошую поживу.

Я жестом дал команду не стрелять, и мы с Томашунасом бросились бежать вперед, в сторону лесочка, с нашей бесценной ношей, передавая ее друг другу через каждый десяток шагов. Немцы, видя, что не успеют перерезать нам дорогу до леса, соскочили с велосипедов и побежали прямо через поле, крича во все горло:

— Хальт! Хальт!

В ответ Юрек только буркнул себе под нос: «Держи карман шире…» — и припустил еще быстрее.

До лесочка оставалось совсем немного. Перехватывая чемодан из рук Томашунаса, я оглянулся назад. Немцы остановились и стали стаскивать с плеч винтовки. Минуту спустя рядом просвистели пули, но нас уже прикрыл небольшой подъем дороги и первые деревья. «Пусть теперь стреляют сколько вздумается». В лесочке мы свернули с дороги, которой жандармы могли проехать, и под прикрытием деревьев и каких-то сараев помчались строго в обратном направлении. Потом спрыгнули в попавшуюся по дороге осушительную канаву и по ней напрямик через поле добрались до конечной остановки трамвая.

На первом трамвае я отправил вперед двух ребят, чтобы они могли предупредить нас в случае облавы. Сам же с чемоданом и охранением сел во второй, расположившись рядом со свободными местами «Nur für Deutsche»[13]. Отсюда при необходимости легче было выпрыгнуть или, наоборот, продвинуться вперед.

Трамвай едва тащился. Казалось, мы едем уже целую вечность. На площади Збавителя в вагон вошла группа жандармов. Стоят вроде бы спокойно, никого не трогая. «Дела плохи», — мелькает мысль. Путь к переднему выходу отрезан. Сзади толпятся люди. Фельдфебель неотрывно смотрит в окно. Остановка. Вдруг на весь вагон резкая команда:

— Aussteigen![14]

Неужели обыск? Сую руку в карман, нащупываю рукоятку ТТ. Мои спутники делают то же, смотрят на меня в ожидании сигнала. Жандармы выпрыгивают из вагона и строятся в колонну. Команда, как видно, относилась только к ним. Жандармы уходят, трамвай трогается. На лицах моих спутников улыбки облегчения.

Руки медленно выползают из карманов. Дальше без приключений доезжаем до Бельгийской улицы, откуда нам предстоит спуститься вниз на Падевскую. На остановке к нам подходит один из высланных вперед и шепчет:

— В конце Бельгийской проверка документов. Нескольких человек задержали.

Мы сворачиваем на Дольную. Здесь, кажется, спокойно, прохожие не торопятся — верный признак, что путь свободен. Группами добираемся наконец до Падевской. На квартире я собрал оружие и поблагодарил ребят за участие в операции.

Приходить в себя после пережитых эмоций некогда — надо заниматься поисками квартиры для Янека. И на этот раз выручила Гурницкая. Гелена охотно согласилась не только поместить у себя Янека, но и обещала оказывать нам помощь в работе. Свою квартиру она целиком предоставила в наше распоряжение. Вечером я отправился к Арцишевскому доложить о выполнении задания. У Валеры[15] сидели товарищи из Гдыни и Янек. Едва я успел снять пальто, раздался звонок. Дверь открыла Ирмина. На площадке стоял Игорь.

— Сколько я буду сидеть без дела? — выпалил он вместо приветствия, едва переступив порог. — Я перебирался через фронт, чтобы драться с немцами, а не сидеть на шее у Тадека. У нас есть оружие, надо действовать!..

Миколай, ни слова не говоря, открыл дверь в комнату и указал на Янека. Игорь онемел от удивления и только спустя минуту произнес:

— Ты здесь? Значит, радиограмму вы получили?

— Получили. И тебя очень хвалят — здорово работаешь.

Игорь отмахнулся:

— Почему нет связи?

— Эвакуировались в Куйбышев. Но не тужи — связь скоро будет.

В комнату вошла хозяйка.

— Такой налет десантников на мою квартиру придется отметить хорошим ужином.

Ирмина внесла снедь, Брацкий достал из буфета вишневку. За столом Арцишевский стал успокаивать Игоря, так и рвавшегося к открытым действиям против немцев:

— Видишь ли, Игорь, если бы мы, действуя нашей группой, уничтожили пусть даже сотню гитлеровцев, это не повлияло бы на ход войны; если же благодаря нашим донесениям о концентрации и переброске войск противника, а значит, и планируемых направлениях его ударов советские войска смогут заблаговременно подготовиться к их отражению, тогда будут

уничтожены тысячи захватчиков. А это уже может иметь кое-какое значение для победы. Если наша деятельность поможет закончить войну хотя бы на несколько дней раньше — будут спасены жизни тысяч людей, уже сейчас обреченных гитлеровцами на гибель. Вот поэтому разведка по-прежнему будет оставаться нашей главной задачей. Ведя ее силами даже всего нескольких человек, можно нанести оккупантам значительный урон. А твоему бездействию скоро конец, так что успокойся, перевези вместе с Тадеком рацию из Гомулина обратно в Пётркув и начинай регулярно выходить на связь. Центр вскоре должен отозваться.

Игорь понемногу успокоился и, в конце концов, признал, что Валеры прав. Как видно, его просто изнурил почти месячный перерыв в работе.

Поскольку близился комендантский час, я отвез Янека на квартиру Гурницкой. До поздней ночи мы проговорили, обсуждая, как лучше устроить нового квартиранта. Договорились, что в целях безопасности хозяйки квартиры Янек после изготовления ему документов даст сначала объявление в газете о поисках квартиры, на которое якобы отзовется Гурницкая, и только после этого оформит прописку.

На следующий день Валеры встретил меня, помахивая новенькой метрикой, полученной в приходе святого Кшижа для Янека.

— Попробуем заполучить первую подлинную кеннкарту. Отныне Янек становится Марианом Будеком и через несколько дней получит абсолютно легальный документ. Останется лишь оформить рабочую карточку и удостоверение с места работы. Вообще бы нам не худо внедрить своего человека на биржу труда, чтобы получать эти документы и проводить их по немецким картотекам. Нам совершенно необходимо создать группу легализации, и я прошу тебя этим заняться.

Забегая вперед, надо сказать, что в решении этой проблемы нам очень помогла Ирмина. Оказалось, что сын ее знакомой, некто Чеховский, работал на бирже труда и согласился с нами сотрудничать.

Дело получения документов надо было поставить так, чтобы наши люди могли при необходимости быстро их заменять.

Арцишевский решил высвободить меня для этой работы и несколько разгрузить от других заданий, а потому вскоре вызвал в Варшаву Юзека Клюфа, который должен был вместо меня ездить в Люблин, Седлец и Малкини, а также в качестве связного — в Пётркув.

Сам Арцишевский занялся расширением наших связей за пределами Генеральной Губернии. Надо сказать, что Брацкой

было, конечно, трудно ориентироваться в оценке информации чисто военного характера. Арцишевскому удалось установить кое-какие контакты в Гдыне и Гданьске. Своего бывшего сослуживца по работе в Литве Анджея Янушевского, человека энергичного и деятельного, сумевшего оформить себе документы на имя Ленкевича, Миколай решил направить для разведработы в войсковые тылы немецкого фронта. Для выполнения этого задания Ленковичу предстояло подобрать себе подходящих людей и по вольному найму вступить в так называемый «хеерескрафтпарк» — немецкие вспомогательные отряды, занимавшиеся подготовкой автомобилей для отправки на фронт. Они также должны были организовать наблюдение за переброской войск. Товарищ Янушевского, Рымкевич, банковский служащий, вызвался работать в районе Крулевца. Он сумел получить литовское гражданство и потому не испытывал особых затруднений в передвижении по Литве. Арцишевский высоко оценивал способности и личные качества этого человека.

Примерно в это же время я встретил своего давнего школьного товарища Зигмунда Енджеевского, постоянно жившего в Бресте, который, правда, состоял уже членом ZWZ, но после беседы со мной охотно согласился сотрудничать с нами. В Бресте у него было много знакомых, и он мог организовать здесь наблюдение за железнодорожным узлом и выездными путями на восток. Это стало бы ценным дополнением к нашей разведывательной сети на железнодорожных коммуникациях.

Я представил Енджеевского Миколаю, и они быстро нашли общий язык. В самом скором времени Зигмунд при активной помощи своего отца действительно организовал наблюдение за брестским железнодорожным узлом.

Арцишевский был очень доволен поступающей информацией, но его продолжала тревожить проблема размещения новой рации и легализации Янека.

— Как дела с квартирой для рации? — встретил он меня вопросом, едва я появился на пороге.

— К сожалению, ничего нового. Можно использовать пока только квартиру на Падевской.

— Дня через два я хочу вызвать в Варшаву Игоря — нужно проверить новую рацию. Вообще-то хорошо бы перебазировать его сюда совсем. До Пётркува все-таки далеко — очень затягивается процесс обмена радиограммами. Ну, к этой теме мы еще вернемся. А пока займись кеннкартой для Янека. Возьми вот его фотографию, метрику и отнеси Дэтке.

Из дома мы вышли вместе. Валеры направлялся на конспиративную квартиру к Карповичу, где должен был сделать

небольшой доклад о военно-политическом положении и выразить благодарность людям Карповича за участие в перевозке рации.

Я шел к Дэтке, размышляя, как лучше решить проблему изготовления документов. В нашем положении нужны два вида документов: полностью надежные, то есть зарегистрированные в немецких учреждениях, но получение которых требует длительного времени, и временные, на случай провала, когда легальные документы необходимо заменить немедленно до изготовления новых, надежных. Значит, прежде всего необходимо достать чистые бланки кеннкарт, рабочих карточек и справок, а также соответствующие печати для изготовления временных документов. Только тогда проблему с документами можно будет считать решенной.

Мне удалось достать чистые бланки кеннкарт у Дэтке и несколько бланков рабочих карточек у Чеховского. Порыскав несколько дней по городу в поисках среди своих знакомых хорошего специалиста, я, в конце концов, через инженера Студницкого установил связь с граверной мастерской на улице Электоральной, где нам изготовили комплект прекрасных печатей. Несколько позже здесь же я заказал штампы для различных удостоверений. Теперь можно было докладывать Арцишевскому о том, что служба легализации у нас создана.

Командира я застал в прекрасном расположении духа — ему сообщили, что Игорь восстановил наконец связь с Центром. На столе лежала целая пачка зашифрованных уже радиограмм, которые он поручил мне срочно отвезти в Пётркув.

На этот раз в пути все обошлось без приключений. Я взял у Игоря принятые радиограммы и в тот же вечер возвратился в Варшаву. К несчастью, поезд сильно запаздывал и прибыл в Варшаву уже после наступления комендантского часа. На вокзале было необычайно пустынно, сновали только солдаты да шпики в штатском. Поляков почти не было. Но вот я заметил, как к сгибавшейся впереди меня под тяжестью мешков торговке подошел железнодорожник и что-то тихо шепнул на ухо. Та оглянулась и, потянув меня за рукав, скороговоркой пробормотала:

— На вокзале сейчас будет облава!

«Скверно, — подумал я. — С вокзала надо сматываться». Но куда? С наступлением комендантского часа все двери на запорах, патрули на улицах стреляют без предупреждения. Глупо, наверное, было бы погибнуть при таких обстоятельствах, но, попав под облаву со столь компрометирующими материалами, как у меня, рассчитывать на благополучный исход не приходилось. Недолго думая, я направился прямо по

Маршалковской в сторону Мокотува. Вымершие улицы производили жуткое впечатление. Казалось, идешь аллеей какого-то огромного кладбища. Мертвая тишина еще более усиливала ощущение безжизненной пустыни. Гул собственных шагов казался оглушающе громким. Я то и дело останавливался, настороженно прислушиваясь, не выходит ли откуда-нибудь из переулка немецкий патруль. Маршалковская показалась мне самой длинной улицей в мире.

На площади Збавителя напряжение возросло — неподалеку аллея Шуха — место главной резиденции гестапо. Вдруг слышу приближающийся шум моторов. Останавливаюсь. С площади Унии Любельской выныривают фургоны гестаповских машин. Я отскакиваю в сторону и вжимаюсь в проем ворот полуразрушенного здания. Машины с ревом проносятся мимо. На улице снова пусто и тихо. Ускоряю шаги и благополучно миную самый опасный участок — площадь Унии Любельской.

На Пулавской чувствую себя уже несколько спокойней. Появляется надежда целым и невредимым добраться до дома. И вдруг на Ольшевской от стены отрываются две фигуры и преграждают мне дорогу. В темноте различаю мундиры жандармов.

— Стой! Куда? Комендантский час.

Однако вижу, что оружия они не снимают.

— Опоздал поезд, — начинаю я объяснять. — А знакомых в районе вокзала у меня нет, вот и пришлось идти.

Они явно меня изучают. Потом один оглядывается по сторонам и нервным шепотом говорит:

— На соседней улице облава! Беги налево!

Едва я достиг угла, как улицу осветил яркий свет фар. Краем глаза замечаю двигающиеся вдоль стен две шеренги жандармов. Сворачиваю в переулок, бросаюсь к первым попавшимся воротам — заперто. К следующим — то же самое. Другого выхода нет, надо бежать дальше. Мчусь во всю прыть в сторону Хотимской. Слышу стук сапог приближающегося отряда. Перебегаю улицу, и вдруг резкий окрик разрывает ночную тишину:

— Хальт! Хальт!

Жандармы рассыпаются в цепь и бросаются за мной в погоню. Я бегу вниз, на Слонечную. Топот преследователей все ближе. Подбегаю к высокому угловому дому, дальше бежать некуда — впереди большой, совершенно открытый пустырь. Лихорадочно озираюсь по сторонам и вдруг замечаю за домом мусорный ящик. Бегу к нему, вскакиваю внутрь и осторожно прикрываю над собой крышку. Звуки погони становятся все явственнее. Жандармы уже

совсем рядом. Не остановились, пробегают мимо. Через несколько минут снова возвращаются, приближаясь к моему убежищу. Долетают проклятия:

— Черт побери, убежал!

Откроют ящик или не откроют?

Немцы громко переговариваются, стучатся в дом. Кто-то отпирает ворота. Слышится долгий разговор, потом наконец все стихает. Однако я продолжаю сидеть в своем убежище. Начинает пробирать холод, тесно, неудобно, жуткая вонь.

На рассвете выкарабкиваюсь наконец из ящика и задворками, чуть живой, добираюсь до Падевской. Стакан горячего чая с малиной и самогонкой возвращает меня к жизни.

При встрече Валеры подозрительно принюхивался ко мне и все старался допытаться, не кутнул ли я часом где-нибудь… В конце концов хочешь не хочешь пришлось рассказать о своей ночевке на помойке. Он долго еще потом подтрунивал над моим ночным приключением, но деликатно сохранил все в тайне.

В тот же день я узнал от Миколая о внезапном нападении японцев на Пирл-Харбор. Он полагал, что следствием этого нападения явится вступление Соединенных Штатов в войну с Германией и Италией, а также более тесное военное сотрудничество США с армией Советского Союза. Красная Армия, развязав себе руки на Дальнем Востоке, сможет высвободить и бросить большие силы для завершения войны в Европе. Второй сенсацией явился распространившийся в подпольных кругах слух о решении Гитлера перейти на Восточном фронте к обороне. Но больше всего Арцишевский доволен был подписанием декларации о дружбе и взаимопомощи между Сталиным и генералом Сикорским. Миколай полагал, что этот шаг генерала Сикорского во многом может предопределить будущее страны. Участие Польши в борьбе против оккупантов в период, когда советские войска приняли на себя основную тяжесть гитлеровских ударов, представлялось ему исторической необходимостью.

Во время нашей беседы в комнату влетел как снаряд Анджей Жупанский. По красным пятнам на его лице нетрудно было понять, что у него какое-то весьма важное сообщение.

— Я только что встречался со своим товарищем по гимназии Юреком Чаплицким, — начал Анджей. — Он работает в Варшавской дирекции Восточной железной дороги. Его начальник, немец, ежедневно приносит на работу какие-то опечатанные папки с секретными материалами. Судя по всему, это очень важные документы, поскольку на ночь они сдаются на хранение в гестапо и ежедневно выдаются для работы руководителям дороги всего на несколько часов.

Это сообщение крайне заинтересовало Арцишевского.

— Анджей! Считай своим важнейшим заданием достать эти материалы. Они могут оказаться исключительно ценными. Только помни — полнейшая конспирация.

Через несколько дней Жупанский принес первые копии секретных документов, которые удалось снять Чаплицкому вместе со своим сослуживцем Рогальским. Они подделали ключ к портфелю своего шефа и, когда тот выходил, сразу же принимались снимать копии с документов. Можно понять, какой это был труд, если учесть, что у них не было столь распространенных в детективной литературе микрофотоаппаратов, спрятанных в пуговице пиджака или в трости. Они просто переписывали документы от руки. Риск был большой — в любую минуту мог вернуться шеф, мог накрыть их за этим занятием кто-либо из немецких чиновников или гестаповцев, отвечающих за хранение документов. Материалы действительно оказались ценными и содержали сравнительный анализ обстановки на железных дорогах Восточного фронта. Кроме расписания маршрутов на главных железнодорожных узлах, в них содержались также сведения об авариях и потерях на транспорте. Из этих данных можно было делать выводы об эффективности различных форм так называемой «рельсовой войны». Эти выводы подтверждали важную роль акций саботажа и диверсий в дезорганизации железнодорожного транспорта в тылу врага. На основании хранившихся в папке донесений с различных узлов и станций, подробно описывающих характер нападения на них, продолжительность прекращения движения, нанесенный ущерб и т. д., можно было заключить, что воздушный налет на железнодорожный узел силами одной эскадрильи, состоящей из восьми бомбардировщиков, вызывал четырехчасовой перерыв в движении, а нападение партизанского отряда причиняло настолько значительные разрушения, что перерыв затягивался до 36 часов. Для нас это было большой неожиданностью, а для Центра — основанием для выработки эффективной тактики транспортных диверсий. Документы эти мы стали получать регулярно два раза в неделю. «Ребята из Гдыни», как мы их прозвали, были выше всяких похвал.

Примерно в это же время Франек Камровский доложил командиру об установлении постоянной связи между Генеральной Губернией и Поморьем. Поначалу через границу он ездил сам, а позднее, чтобы не вызвать подозрений, стал высылать каждый раз новых связных. В Торуне он наладил постоянную связь с семьей адмирала Стейера, давно и хорошо знавшей Арцишевского. Два сына адмирала, Дональд и

Владжимеж, узнав, что Арцишевский ведет работу против немцев, тут же изъявили желание примкнуть к нам и взялись за выполнение нелегкого задания — установить дислокацию гитлеровских войск в районе Торуня. Вскоре от них стали поступать донесения о системе противовоздушной обороны, оборудовании аэродромов, о перебросках воинских частей на Восточный фронт. Материалы эти представляли исключительную ценность, а характер их обработки свидетельствовал о недюжинных военных способностях авторов.

ЗАСАДА

В один из дней, когда Арцишевский, сидя за столом, шифровал радиограммы, в комнату вошла крайне взволнованная хозяйка дома и сообщила об аресте гестаповцами двух ребят из группы Карповича, принимавших участие в нашей операции по доставке в город радиостанции Янека. Оказалось, что, помогая нам, они уже раньше состояли членами «Шарых Шерегов»[16] и по заданию этой организации писали на стенах антигитлеровские лозунги. Во время выполнения одного из таких заданий они и были схвачены. При обыске у одного из них дома немцы нашли парашют Янека. Только теперь мы узнали, что эти предприимчивые юноши по собственной инициативе совершили однажды ночью вылазку за этим — по их мнению — прекрасным материалом для рубашек. Судя по всему, пока они никого не выдали, во всяком случае, никого больше не арестовали. Однако немцы могли сломить упорство ребят пытками и вырвать у них какие-либо сведения о нашей группе. Карпович объявил уже тревогу, и все покинули свои дома.

После сообщения Брацкой в комнате воцарилась мертвая тишина. Жаль было боевых ребят, по собственному легкомыслию и неосторожности подвергших опасности себя и других.

Молчание нарушил Арцишевский:

— Необходимо срочно принять меры предосторожности на случай, если немцам удастся добиться от них каких-либо сведений. Насколько я знаю, из адресов им известна только квартира на Падевской. Поэтому ты, — повернулся он ко мне, — немедленно займись эвакуацией радиостанции и оружия. О нашей явке у Брацких им ничего не известно. Следовательно, реальной угрозы нам пока нет. Тем не менее этот случай ставит перед нами еще одну задачу: нам необходимо получать подробную информацию о том, что делается на Павяке[17], и найти возможность установить с арестованными тайную переписку. Помнится, мои друзья из Гдыни как-то упоминали, что могут наладить связь с Павяком через тюремную охрану. Такой канал для нас крайне важен. Попробую с ними связаться.

Миколай тут же подошел к телефону и стал набирать номер.

— Гестапо может схватить еще не одного из нас, — продолжал он, — и нам надо всегда быть ориентированными, в каком направлении развивается следствие и что о нас известно. Не всякий может выдержать пытки, не у всех достанет нужной стойкости…

Он умолк — в трубке раздался чей-то голос.

— Здравствуйте, дорогая, говорит Валеры. Я хотел бы с вами встретиться. Не найдется ли у вас немного времени завтра днем?.. В котором часу?.. Прекрасно, буду в пять. Спасибо. До свидания.

Он положил трубку и повернулся ко мне:

— Тебе придется еще раз съездить в Пётркув, отвезти радиограммы и взять у Игоря уже принятые. Я жду важное сообщение. Эти радиограммы ни под каким видом не должны попасть в руки немцев — возьми с собой оружие. Объяви, чтобы на Падевскую и к Карповичу никто не приходил вплоть до отбоя тревоги. В качестве временной явки сообщи адрес квартиры Гурницкой. А завтра к вечеру приходи на Квятовую. — Он дал мне адрес знакомых, обещавших ему наладить связь с Павяком. — Там и порешим, что делать дальше.

Времени у меня оставалось в обрез. С помощью Януша и Эли я эвакуировал рацию и оружие на Одамянскую и помчался на вокзал.

Я не любил пёткувскую ветку — на ней у меня вечно случались какие-нибудь приключения. Но на этот раз дорога в оба конца прошла довольно спокойно. Даже поезд в Варшаву прибыл без опоздания.

Поскольку на Квятовой, где мы договорились встретиться с командиром, была новая для меня явка, я на всякий случай предварительно позвонил Брацким узнать, не случилось ли чего-нибудь непредвиденного за время моего отсутствия, а затем отвез и оставил у них на квартире привезенные радиограммы и оружие, чтобы не таскать все это с собой по городу. От Брацкой я узнал, что Арцишевский ушел из дому еще утром, и до сих пор от него нет никаких известий. Обещал звонить, но не звонил, и Брацкие очень встревожены, не случилось ли с ним какой-нибудь беды. Я понимал их тревогу — Миколая все любили и очень дорожили им. Я пообещал сразу же после встречи позвонить, чтобы их успокоить. Без труда я отыскал дом по указанному мне ранее адресу; Валеры был здесь. В обществе трех миловидных приветливых сестер в отличном расположении духа он сидел за накрытым к ужину столом. Валеры встретил меня сообщением, что вопрос о связи с Павяком решен, с арестованными в Павяке можно будет установить регулярную переписку.

Сестры тут же поставили для меня еще один прибор, но, извинившись, я сказал, что вынужден временно покинуть их приятное общество, чтобы позвонить Брацким и успокоить их. Когда я спросил о телефоне, одна из сестер предложила воспользоваться телефоном соседей с третьего этажа, куда она охотно меня проводит. Красивая шатенка по дороге с восторгом

рассказывала мне о Миколае, о его необычайном чувстве юмора и веселых проказах в Гдыне, где они познакомились еще до войны.

На третьем этаже мы постучались. Дверь открылась, и элегантный мужчина любезно пригласил нас войти. Я пропустил вперед свою спутницу и вошел вслед за ней. Вдруг, едва я переступил порог, меня с двух сторон схватили дюжие детины, выкрутили за спину руки и ошарашенного внезапным нападением втащили в глубь квартиры. Под распахнутыми пальто нападавших я успел заметить гестаповские мундиры. Засада!

Меня мгновенно обшарили: нет ли оружия, и через секунду содержимое моих карманов оказалось на столе. Брюнет, открывавший дверь, со скоростью пулемета обрушил на меня град вопросов:

— Фамилия? Имя? Год рождения? Профессия? Место работы? Адрес учреждения? Фамилия директора? Фамилии сослуживцев?

С непринужденной улыбкой я врал напропалую, отвечая на все вопросы в том же темпе. О местонахождении учреждения, указанного в моем паспорте, я не имел ни малейшего понятия, поскольку ни разу там не был. Каждый вопрос гестаповца мог оказаться западней, и, отвечая, я вдохновенно импровизировал, понимая, что, задержись хоть на долю секунды, и я вызову подозрения.

По окончании допроса я взглянул на свою спутницу — она стояла довольная и улыбающаяся. Вот тебе и связь с Павяком!.. Значит, мы попали в ловушку.

Брюнет приказал мне сесть на диван, а моя спутница тем временем по приглашению немцев заняла место за столом с непринужденностью и кокетством женщины, давно и хорошо знающей присутствующих. За нами на стуле у окна уселся с пистолетом в руках плечистый, с толстой физиономией и крохотными глазками тип, из-под пальто которого выглядывали бриджи и типично немецкие голенища сапог. Он ни на минуту не спускал с меня глаз.

Я сидел, прикидываясь совершенно безразличным, а в голове теснились разные предположения.

…Кто такие эти сестры? Не состоят ли они на службе гестапо? Неужели это конец? Что им о нас известно? Будут пытать? Говорили, на аллее Шуха сейчас, кажется, модно загонять иглы под ногти. Я взглянул на руку — брр… По телу пробежала дрожь. Нет, только не распускаться!.. Надо бежать. Но как? Все-таки третий этаж. У окна цербер, возле дверей — двое, один расхаживает по комнате, внимательно наблюдая за моим

поведением, еще двое рыщут по квартире.

Ожидание затягивается. Примерно через час приносят какую-то фотографию — групповой снимок выпускников гимназии. Показывают фотографию мне и спрашивают, кто из них мне знаком. Я пока ничего не понимаю.

— Нет, я никого из них не знаю.

— И этого тоже? — брюнет тычет пальцем в худощавое лицо гимназиста.

— Нет, не знаю.

Снова текут минуты ожидания, долгие как часы. Моя спутница взглянула на меня как-то теплее, потом повернулась к брюнету:

— Вы мне не разрешите спуститься к ребенку, его надо покормить, он голоден.

— Разве дома никого больше нет?

— Есть сестра, но…

— Нет, нельзя! Сидеть! — тявкнул немец.

«Ага, значит, это не она нас провалила, — успокоился я. — В таком случае она прекрасно разыгрывает безразличие. Прирожденная актриса, а вернее — конспиратор». Стало чуть легче.

Стук в дверь нарушил гнетущую тишину. Брюнет пошел открывать. Доносится женский голос:

— К вам приходила звонить по телефону моя сестра? Она до сих пор не вернулась…

Вводят женщину, приказывают ей сесть у стола. И она делает это спокойно, выказывая лишь легкое недоумение. Играет ничуть не хуже сестры. Молча сидим. В мозгу снова проносятся тысячи мыслей. Я ведь не знаю даже фамилий сестер, их имен. Если вдруг спросят… Мы не успели даже договориться, зачем я к ним пожаловал… Валеры… Только бы он не пошел за нами. А может быть, его уже нет? Ему ведь предстояла важная встреча, и он торопился. Возможно, он уже ушел. Как предупредить о засаде? «Нужно предостеречь… Нужно предостеречь!» Эта мысль вытесняет все другие! Неужели они напали на наш след?

Первая из сестер снова встает.

— Я прошу вас все-таки разрешить мне спуститься к ребенку покормить его.

— У вас дома есть сестра!

— Да, но у нее туберкулез, это опасно, и она не подходит к ребенку.

— Нельзя! Сидеть!

Как заговорить с сестрами, узнать хотя бы их имена? Жирный боров у окна сидит на часах как пес, будто так и хочет пронзить

нас своими злыми крохотными глазками, проникнуть в наши мысли. Я уселся на диване поудобнее — в гестапо рассиживаться не дадут…

По прошествии получаса — звонок. Брюнет сразу к двери.

— Скажите, у вас мои сестры? — доносится из коридора голос.

— Вы больны, а расхаживаете по лестнице!

— Да, я больна, но пришлось вот выйти. Что здесь…

— Сидите дома и ждите! — Гестаповец захлопнул дверь. Немцы очень боялись заразных болезней.

Гестаповцы стали говорить между собой по-немецки. Я понял только, что дом оцеплен и всех подозрительных задерживают. Снова мозг назойливо сверлит: «Надо предупредить наших».

Приближается ночь. Стрелки часов с поразительной медлительностью отсчитывают минуты. Ситуация по-прежнему неясная. Что им известно о нас? Аллея Шуха… пытки… «А может, — где-то в глубине души вспыхивает робкая искра надежды, — может, это просто случайность? Однако все равно нужно как-то предупредить!..»

Брюнет выходит в соседнюю комнату. Оттуда долго доносятся приглушенные голоса, потом наконец дверь открывается, и брюнет обращается к нам:

— Кто хотел говорить по телефону?

Я встал и спокойно ответил:

— Я.

— Хорошо, можете звонить.

Я обхожу цербера и направляюсь к телефону, стоящему в углу. Теперь я за спиной у караулящего нас немца. Выпрыгнуть в окно? Третий этаж, будут стрелять… Предупредить… Как?.. Ура, идея! Я поднимаю трубку и набираю номер телефона Брацких. Если гестаповцы подойдут ближе, изменю две последние цифры. Немцы следят за мной внимательно, но не подходят. Набираю номер до конца.

Слышу в трубке голос Ирмины:

— У телефона!

— Здравствуйте, говорит Юрек. Рафал дома?

— Рафал? О чем вы говорите, Юрек? — удивляется она.

— Его нет? — заглушаю я слова своей собеседницы. — Передайте ему, пожалуйста, чтобы он пришел завтра ко мне. Я буду ждать его часов в… — я прикрываю трубку рукой и спрашиваю у брюнета, могу ли я пригласить назавтра своего товарища и в котором часу буду свободен. Он утвердительно кивает головой. — Часов в десять, — заканчиваю я фразу. — До свидания.

Быстро кладу трубку, чтобы не было слышно удивленных вопросов Ирмины.

Гестаповцы снова о чем-то шепчутся. До меня доносятся слова:

— Он пригласил его к себе. К себе, — повторил он еще раз.

Брюнет пронзил меня взглядом. Я спокойно его выдержал и даже изобразил вежливую улыбку. Гестаповец долго о чем-то размышлял, потом повернулся к нам спиной и рявкнул:

— Вон!

Брюнет указал на дверь мне и сестрам.

— Комендантский час, — обратился я к нему, — домой идти нельзя, прошу вас выдать пропуск.

Пытаясь сострить, он ответил с иронией:

— Не могу лишить вас удовольствия переночевать со столь прекрасными дамами. До утра не выходить!

«Значит, это еще не все», — подумалось мне.

Я спускался вниз с разноречивыми чувствами. Пошел ли Валеры на условленную встречу или остался в квартире?

Если дом оцеплен и под наблюдением, нас могут схватить обоих.

Звоним в дверь. Открывает испуганная старшая сестра.

— Что с Валеры? — спрашиваю я.

— Плохо. Он не стал вас ждать, поскольку спешил на какую-то важную встречу. Потом, после комендантского часа, кто-то постучал в окно. Я открыла и увидела Арцишевского с Брацким. Они спрашивали о вас. Я успела им шепнуть: «Бегите! Наверху гестапо». Слышала их удаляющиеся шаги, но удалось ли им уйти, не знаю: было очень темно, ничего не видно.

Воцарилась гнетущая тишина. Дом оцеплен, я это слышал собственными ушами. Неужели их схватили? Это была бы трагедия. Никто из нас в эту ночь не спал. Неуверенные в своей собственной судьбе, мы думали об Арцишевском. Удалось ли ему выбраться?

Было еще темно, когда на лестнице послышались шаги. Кто-то спускался вниз и остановился у двери дворника. Потом раздался звонок к нему в дверь, скрип открываемой двери подъезда, и кто-то вышел на улицу.

— Выход, кажется, свободен, — шепнула младшая из сестер. — Может быть, и вам удастся выйти? Подождем еще немного.

Спустя какое-то время снова шаги. Кто-то вошел в подъезд, и тут же стук в нашу дверь. Открываем и видим… Ирмину с корзиной белья в руках. Она смотрит на меня как на выходца с того света.

— Вы здесь?

— Да. А что с Валеры?

— После вашего странного звонка мы сразу же оставили квартиру и перенесли к знакомым все, что могло возбудить подозрение. Арцишевского дождались на улице. Очень тревожились о вас и больше всех Арцишевский. Он уговорил Брацкого, и уже после наступления комендантского часа они пошли узнать, что здесь произошло. Вернулись благополучно. Я пришла сюда под предлогом доставки белья из стирки. Мы уж и не чаяли увидеть вас в живых. Вот уж наши обрадуются!

Оцепление, как видно, было уже снято. На квартиру Брацких я возвращался трамваем. По пути несколько раз пересаживался, чтобы удостовериться, что не веду за собой «хвоста». Арцишевский рассказал мне, что от сестер ушел беспрепятственно. Возможно, оцепление тогда уже было снято, или просто немцы ждали какого-то определенного человека.

Спустя несколько дней сестры сообщили нам, что засада была действительно устроена на одного из членов подпольной организации, жившего в их доме. Кроме того, они передали, что люди Карповича пока никого не выдали, но следствие по их делу еще не закончено.

Несмотря на это, Валеры распорядился на всякий случай эвакуировать квартиру на аллее Неподлеглости. Все мы перебрались на Мокотув к моей верной тете Виктории.

ВИЗИТ ГЕСТАПО

Найти квартиру для радиста в Варшаве оказалось делом нелегким. В поисках нам помогали все. Только спустя значительное время моей тетке Виктории и Сикорской удалось уговорить одну из своих приятельниц согласиться установить рацию на ее пустующей даче в Милянувеке. Хозяйка дачи долго колебалась, но чувство патриотизма взяло в ней в конце концов верх, и она разрешила нам разместиться в ее домике.

Мы с Миколаем поехали осмотреть этот нежданный дар судьбы. Лучшего места нельзя было и придумать. Стоящая на отшибе, укрытая среди деревьев дача на северной окраине Милянувека представляла собой идеальное место для радиостанции. Никто не мог подглядеть, что на даче делается и кто в нее приходит. Такого рода место стало для нас настоятельной необходимостью, поскольку езда в Пётркув поглощала массу времени, а большинство донесений, переданных с опозданием, теряло свою ценность.

Кроме того, из Пётркува стали поступать различные тревожные сигналы. Были основания предполагать, что сестра Ванды и ее отец сотрудничали с гестапо. Они могли, несмотря на осторожность наших местных товарищей, обратить внимание на довольно многочисленную группу незнакомых людей, периодически появляющихся в городке. Могла и Ванда в чем-то проговориться отцу и таким образом, сама того не желая, навести на нас немцев. Помимо этого, Миколая уведомили, что какая-то враждебно настроенная к нам организация или просто кучка людей, выдающая себя за организацию, пытается подорвать доверие к нашей группе. В этой обстановке Миколай принял решение перебазировать Мицкевича в Варшаву, а квартиру в Пётркуве оставить как резервную.

Поручение переправить Игоря получил Юзек Клюф. Его приезд в Пётркув вызвал непредвиденные осложнения. Влюбленная Кося пыталась любыми способами оставить Игоря в Пётркуве. Однако через два дня он уже прибыл в Варшаву и доложил о готовности приступить к работе на рации. Всю аппаратуру перебазировали в Милянувек. Арцишевский выделил в помощь Мицкевичу и для охраны радиостанции одного из людей Карповича. Игорь быстро освоился на новом месте. Наиболее срочные радиограммы он получал теперь непосредственно от Арцишевского. А их становилось все больше. Особое значение стали приобретать сведения, извлекаемые Чаплицким из секретных документов Остбана[18] и доставляемые

нам братьями Жупанскими. В Центре они вызвали буквально сенсацию. В них часто содержались настолько ценные данные, что несколько раз Центр выражал за них благодарность всей группе. Собиралось также все больше донесений о перебросках войск, о дислокации частей в тылу, о промышленных объектах и т. д.

Когда началась работа в Милянувке, поступило тревожное сообщение из Пётркува о таинственном исчезновении оставленной там рации. Посланный за ней Юзек Клюф возвратился обескураженный — обнаружить рацию ему не удалось.

История была неясной, и Миколай выслал в Пётркув боевую группу (из другой организации) с задачей тщательно расследовать дело. Были обысканы несколько мест, но рацию не нашли. Тадек Квапиш полагал, что ее наверняка спрятала где-то Кося. По его совету отправились к ней, но в тот раз вокзал в Пётркуве оказался оцепленным немцами, и город буквально кишел патрулями, так что от этой затеи и дальнейших поисков пришлось отказаться. Учитывая сложившуюся напряженную обстановку, Арцишевский не хотел больше рисковать и на время отказался от расследования этой истории.

Обстоятельства исчезновения рации выяснились позже. Станцию действительно спрятала Кося, надеявшаяся таким способом возвратить Игоря в Пётркув. Идею эту ей подсказал, кажется, Эдек, решивший было организовать свою подпольную группу и при помощи украденной рации установить связь с Лондоном. Но, не найдя необходимой поддержки, он, в конце концов, вынужден был отказаться от своих грандиозных планов. Зато Кося отнюдь не отказалась от Игоря. Любой ценой она хотела заставить его вернуться. Экзальтированная любовь толкнула ее на не очень разумный путь поведения. Она несколько раз приезжала в Варшаву, чтобы найти Мицкевича, и даже пыталась нам угрожать. Она считала, что решение Арцишевского перевести Игоря в Варшаву специально направлено против нее. Открыть, где спрятана рация, она обещала только Игорю. Однако соображения конспирации исключали возможность их свидания. Так она и вернулась со своей тайной в Пётркув.

Едва уехала Кося, как у нас начались новые неприятности. Хозяйка милянувской дачи, узнав, что мы работаем не на Лондон, категорически потребовала освободить ее дом. Трудно сказать, была ли это ее собственная или инспирированная извне инициатива, но так или иначе в установленный срок нам пришлось освободить дачу. Правда, Игорь и после этого еще несколько раз пробирался туда тайно по вечерам в сопровождении Збышека или кого-нибудь из наших. Об этих

визитах хозяйка дачи узнала от своих соседей. Какое-то время она смотрела на это сквозь пальцы, но затем пригласила меня на беседу и на этот раз поставила вопрос ребром. Делать было нечего, и во избежание ненужных осложнений дачу пришлось покинуть окончательно.

Из-за отсутствия квартиры мы не знали, как скоро снова удастся возобновить связь с Центром, и поэтому Миколай договорился с Игорем о передаче во время последнего заключительного сеанса из Милянувека по возможности всех собранных донесений. А их скопилось очень много. Сеанс получился рекордный и длился более 36 часов кряду! О том, что это был действительно рекорд непрерывной радиопередачи из тыла врага, нас официально уведомил Центр, выразив по этому поводу свои особые поздравления. Это был поистине героический поступок, если учесть, что Мицкевич работал без перерыва больше полутора суток, в постоянном нервном напряжении, на сомнительной квартире, под угрозой быть засеченным пеленгаторами и захваченным гитлеровскими специальными отрядами. Сегодня, зная технику обнаружения работающих радиостанций, трудно даже поверить в тот факт, что немцы в течение такого длительного времени не засекли рацию Игоря.

После оставления Милянувека начались лихорадочные поиски новой квартиры. Казалось, вот-вот проблема будет решена: закончилось следствие по делу людей Карповича — ребята связей с нами не выдали, и, таким образом, снова можно было пользоваться квартирой на Падевской. Мы сразу же перевезли туда рацию. Но, увы, нас ожидало разочарование: несмотря на неоднократно возобновляемые попытки, восстановить связь не удавалось. Игорь полагал, что причиной была железобетонная конструкция здания, создававшая экран, поглощавший радиосигналы. К сожалению, из-за одного весьма подозрительного соседа антенну здесь нельзя было вывести наружу.

Неожиданное предложение внес в это время Янушевский, прозванный нами «Генец». Он только что вернулся после выполнения своего задания в «хеерескрафтпарке» и активно включился в поиски квартиры. Ему удалось пронюхать, что в небоскребе на площади Наполеона на самом верхнем этаже размещалась радиостанция люфтваффе. В этом же здании жил его приятель Рымкевич. Генец уговорил его разрешить подключиться через окно к немецкой антенне. Арцишевский, которому этот смелый проект понравился, согласился на проведение эксперимента, рассчитывая не столько на немецкую антенну, сколько на квартиру вообще.

За транспортировку рации взялся Генец, который впоследствии, через много лет, так рассказывал мне об этой операции:

— Я взял два чемодана, в которые запихал все хозяйство, сел с ними в трамвай и в сопровождении, кажется, Анджея Жупанского поехал на явку. У вокзала в трамвай натолкалось столько народу, что меня в вагоне буквально зажали — ни назад ни вперед. На углу Свентокшиской и Маршалковской, у почты, я хотел выйти. Кое-как задом протолкнулся — сам уже на мостовой, а чемоданы вытащить никак не могу. Трамвай трогается, я дергаю чемоданы, вырываю их, но один раскрывается, и все содержимое высыпается на мостовую. И здесь варшавяне сдали экзамен на гражданственность. Сообразив, в чем дело, люди выпрыгнули из трамвая и окружили меня тесным кольцом, прикрыв разбросанное по земле имущество. Те, кто стоял поближе, пытались засунуть обратно выпавшее: наушники, провода, всякое оборудование. С трудом упаковал я чемодан, из которого все же торчали в разные стороны всякие провода, и бросился к ближайшей подворотне. Приведя здесь себя в порядок, я добрался наконец до цели. Удалось ли потом подключиться к немецкой антенне и организовать передачу, я не знаю, поскольку мне пришлось выехать из Варшавы по делам. Правда, вернувшись, я узнал, что поиски квартиры под рацию все еще продолжаются.

Скопилось много важных донесений. Арцишевский просил согласия на установку рации даже у моей тетки. К сожалению, из ее квартиры тоже не было слышимости.

Наконец, во время одной из встреч с членами формировавшейся новой организации NOW[19] мы познакомились с одним учителем, Стефаном Выробеком, который, узнав о наших затруднениях с организацией радиосвязи, согласился временно уступить нам свою квартиру на Таргувке.

Арцишевский поручил мне немедленно перевезти туда рацию, а Мицкевичу сразу же передать наиболее срочные радиограммы. Задание нам предстояло выполнить без всякого прикрытия. Мне удалось получить в помощь только одного парнишку от Карповича да привлечь своего двоюродного брата Януша. Не было в тот момент в нашем распоряжении и никакого оружия. Имевшиеся пистолеты Арцишевский передал для выполнения другого важного задания. Только у Игоря был один крохотный браунинг, с которым он никогда не расставался. Кстати сказать, это был скорее просто пугач, чем боевое оружие.

Рацию везли, как обычно, на трамвае. После улиц центра, так и кишевших полицейскими, жандармами и гестаповцами, Таргувек показался нам оазисом тишины и покоя. Правда,

несколько молодых людей проводили нас внимательными взглядами, но я догадался, что это люди Стефана Выробека, организовавшего нам прикрытие на момент переезда.

Идем в сторону улицы Земовита; почти в конце, окруженный деревьями и палисадником, нужный нам дом. Поднимаемся по ступенькам на крыльцо. Открывается дверь в узкий коридор, и нас приветствует Стефан. Гостеприимный хозяин превозносит достоинства своего домика как идеальной конспиративной квартиры — с начала оккупации здесь не видели ни одного немца. На столе появляется чай с настоящим сахаром. Стефан рассказывает о своей роте, которую он сформировал из учеников здешней школы и обучает военному делу на пустырях Таргувка. Мы осматриваемся. Комната небольшая, на стенах много всяких фотографий, картин, карикатур, какая-то кривая сабля. На полках, под самый потолок, стопы книг. Все это изобличает в нашем приветливом хозяине любителя-коллекционера.

Вдруг Игорь разражается смехом и вытаскивает из-за печи самую настоящую современную винтовку.

— А это историческая реликвия времен нынешней войны?

— Увы, она пригодна лишь для учебных целей, — скромно поясняет Стефан. — Я использую ее для занятий со своими ребятами, а поскольку немцы сюда не заглядывают, то я ее далеко и не прячу.

Квартира действительно казалась вполне подходящей. Наконец-то судьба нам улыбнулась. Жаль только, что здесь нельзя обосноваться на более длительный период.

Немного передохнув, Игорь открывает свой чемодан, достает из него рацию, подключает ее к сети, прогревает лампы и наконец-то нажимает на ключ, посылая в эфир свои позывные, которые так давно ждут на той стороне фронта. Весь в напряжении, он поминутно крутит ручки, но установить связь не может.

— Ну ничего, — произносит он наконец. — Попытаемся еще помудрить с антенной. Можно ее протянуть в коридор? — обращается он к Стефану.

— Сейчас пока нет, рядом живут соседи.

Игорь смотрит на часы.

— Скоро кончится наше время в эфире. Присмотрите, пожалуйста, чтобы сюда никто не входил, а я попытаюсь протянуть антенну на кухню.

К сожалению, и это ничего не дало.

— А ночью можно будет развернуть антенну на всю длину и протянуть ее до чердака? — спрашивает Игорь у хозяина.

— Конечно, когда все уснут.

— Ну и ладно, тем более что ночью и слышимость лучше, — заключил Игорь, углубляясь в чтение какой-то нелегальной газетки, лежавшей на столе. Парнишка из группы Карповича по имени Юрек сел в кресло у окна.

С наступлением ночи, когда во всем доме утихли шаги, Стефан, проверив, все ли уснули, дал знак, что можно начинать. С величайшими предосторожностями мы растянули антенну. Игорь разложил на столе все необходимое и, довольный, сел за рацию. Рука его снова легла на ключ.

— Есть! — Игорь придвинул к себе ближе листки шифровок, поправил лампочку и приступил к работе.

Стефан на цыпочках вышел в кухню. Поскольку две предыдущих ночи я не спал, впереди еще предстояла утомительная поездка, а во время сеанса делать мне все равно было нечего, я лег на диван и тут же уснул.

На рассвете меня разбудил Игорь. Он закончил многочасовую напряженную работу и едва держался на ногах от усталости. В комнате был только один диван, двоим лечь было негде. Я встал, чтобы освободить Игорю место. Вышел потихоньку в коридор, снял антенну, свернул ее и положил на стол. Рацию прятать не стал, полагая, что, немного поспав, Игорь возобновит работу. От нечего делать стал разбирать и сортировать радиограммы, подсчитывая, сколько еще осталось неотправленных.

Вдруг в коридоре раздался громкий топот, тут же дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвались три вооруженных гестаповца в накинутых на мундиры штатских пальто. Я успел только повернуться, чтобы прикрыть спиной стоящую на столе рацию. Один из гестаповцев рявкнул:

— Яркевич?!

— Нет. Вы ошиблись, — ответил я по-немецки.

— А где он?

У меня сразу же мелькнула мысль, что это случайное нашествие.

— В этой комнате такой не проживает. Вы ошиблись дверью…

Я лихорадочно искал выхода из положения. Здесь я никого не знаю, в том числе и этого Яркевича.

— Вам следует… Лучше всего, если…

В этот момент появился привлеченный шумом Стефан.

— Этот господин проводит вас к Яркевичу, — докончил я наконец фразу.

Стефан мгновенно отвлек все внимание на себя, громко воскликнув:

— Нет, нет, это не здесь, господа…

Немцы вышли. Минуту спустя в коридоре хлопнула дверь.

Я просто не мог поверить, что они ушли. Выглянул в окно. Возле дома стоял зеленый автомобиль, в таких обычно гестаповцы перевозили арестованных. У кабины торчали два вооруженных верзилы.

Бужу Игоря, Юрека и шепотом говорю им, что здесь только что были немцы. Оба взглянули на меня как на помешанного и беззаботно повернулись на другой бок. Мицкевич к тому же на правах близкого друга и товарища адресовал мне еще пару ласковых слов, каких не найти ни в одном словаре. Однако я не сдавался, стащил его с дивана и повернул лицом к окну. Он лениво открыл один глаз… и тут же сон с него словно ветром сдуло.

— Вот черт! «Два года немцев здесь не видели!» Ничего себе квартирку подобрали! — не удержался он от иронии.

За стеной слышатся шаги. Кого-то ведут. Мы торопливо складываем чемодан — может, удастся бежать. Но куда? Автомобилем у подъезда пользоваться, пожалуй, не стоит!.. Через окно и на пустырь? Надо осмотреться.

Я иду искать Стефана. Он в кухне. Стоит возле плиты и как одержимый запихивает в топку пачки нелегальных газет. Из всех конфорок валит дым, как из заводских труб.

— Уважаемый Стефан, эта дымовая завеса вряд ли принесет пользу, а вот привлечь внимание немцев может. Винтовка же и рация в плиту все равно не влезут.

Стефан оглядывается.

— Да, действительно, одних газет хватило бы жечь часа на два — у меня здесь прекрасная коллекция всей нелегальной литературы. Жаль сжигать… Все политические направления. Второго такого комплекта мне уж не собрать.

Я выглядываю в кухонное окно — громадный пустырь, на открытом пространстве не скроешься, все видно как на ладони.

Возвращаюсь к Игорю. Он как ни в чем не бывало с олимпийским спокойствием заканчивает укладку чемодана и ставит его у окна, словно в ожидании извозчика. Затем садится к столу и шутит по поводу того, что своим браунингом не сумел бы, наверно, даже разбудить соседей. Несколько минут спустя снова топот ног, хлопанье дверей. Потом шаги стихают, слышится удаляющийся шум мотора. Уехали…

От греха подальше! Мы забираем чемодан, прощаемся с гостеприимным Стефаном и через пустырь, а потом трамваем возвращаемся на Падевскую.

НОВЫЕ КОНТАКТЫ

На одном из совещаний Арцишевский уведомил нас, что намерен сменить базу, поскольку во взаимоотношениях с Брацкой возникли некоторые осложнения — он опасается, как бы слишком широкие торговые операции дочери хозяйки не навели на нас случайно немецкую полицию.

Он говорил явно обеспокоенный:

— Временно встречи перенесем на Падевскую, к Ковальской. У меня постоянной квартиры пока не будет. Первые дни я поживу у полицейского из Гдыни Жука, адрес которого вам известен. Затем воспользуюсь квартирой Ходаковского на улице Малой. Ирмине Крупович тоже придется уйти от Брацкой. Кстати, это очень ценный работник, и ей можно доверить любое самое ответственное задание. Сейчас она занимается поисками квартиры для радиостанции. С этой целью недавно побывала на Боернерове, проявив немало такта и сообразительности. Ей удалось познакомиться с немецкими солдатами и установить, что они связисты из какой-то новой части, разместившейся в казармах поблизости. Такого рода соседство связано с большим риском, поскольку немцы, кажется, планируют прислать на территорию Губернии новые подразделения радиопеленгаторов. Я намерен поручить Ирмине ответственную работу по прикрытию радиостанции. Она отличается высоким чувством ответственности, осторожностью и смелостью. Будет помогать Игорю.

Затем он спросил у Янека, обеспечен ли тот всеми необходимыми документами и как себя чувствует в среде зетвузетовцев[20], к которой принадлежали Гурницкая и майор Сикорский. Янек отозвался о них положительно. Через майора Сикорского он получает немало ценной военной информации, хорошо помогает ему и Гурницкая. Все нужные документы, паспорт, рабочую карточку и даже удостоверение служащего строительной конторы Романа Межвинского он получил. Сейчас подыскивает квартиру для рации — будучи хорошо подготовленным радистом, он мог бы несколько разгрузить Игоря, развернув вторую радиостанцию. Объявление в газету о поисках квартиры под своей новой фамилией Будек он уже подал и после публикации официально поселится на Хотимской.

Меня Миколай попросил проинформировать о деятельности нашей службы легализации. Я доложил, что в последнее время появились затруднения, связанные с уходом Чеховского с биржи труда. Правда, мне удалось устроить на его место мою Ядю, и

сейчас проблем пока нет.

В этот же день мы перебазировали Арцишевского к Жуку. Конспиративная квартира здесь хороша была еще и тем, что у полицейского можно было хранить и наше оружие.

Несколько дней спустя Миколай назначил мне встречу по ранее незнакомому адресу. На мой звонок дверь открыла очень красивая и нарядно одетая женщина. Услышав условленный пароль, она провела меня в комнату, где сидел Миколай и за чашкой кофе беседовал с каким-то мужчиной. Он представил меня хозяйке и своему собеседнику «Алику» — Александру Лоссов-Немоевскому, оказавшемуся, как позднее выяснилось, крупным землевладельцем из Познанского воеводства. Изгнанный гитлеровцами, он укрывался в Варшаве.

Когда я вошел, Миколай разъяснял как раз свои политические воззрения. Было заметно, что взгляды его не встречали особого энтузиазма и даже вызвали критическую оценку хозяйки дома — Марысеньки. Беседа затянулась, Арцишевский приводил очень убедительные и неопровержимые аргументы, реально рисуя складывающееся международное положение и делая из него логичные выводы на будущее. Его аргументы и суждения настолько убедили «Алика», что он стал впоследствии одним из самых горячих сторонников Арцишевского и старался всюду пропагандировать идеи союза с СССР, что в его среде было делом далеко не простым. Плодом его трудов явилось получение нами в скором времени помещения для радиостанции. Квартиру предоставил знакомый «Алика», владелец дачного поселка в Свидере, Казимеж Малишевский.

И вот опять в Центр полетели донесения.

На новую квартиру перебралась Ирмина вместе с «братом» Игорем якобы по рекомендации врача для лечения туберкулеза. Сняли целый домик, чтобы «никого не заражать этой опасной болезнью». Игорь вел передачи из погреба, Ирмина патрулировала перед домом, внимательно осматривая окрестности. Донесения возил «кузен» — Тадек Жупанский, порой приезжали друзья «брата»: Миколай, Збышек или я.

Все чаще мы стали встречаться на новой явочной квартире у Марысеньки. На одну из встреч сюда с загадочно-торжественной миной на лице явился Збышек и попросил Валеры выйти для конфиденциального разговора. Они удалились в соседнюю комнату. Немного спустя оттуда вышел заметно возбужденный Арцишевский.

— Збышек женится!

— На ком? — удивился я.

— Не знаю, но, наверно, на Ванде. Она же давно им

интересовалась. А ее отец и сестра, кажется, сотрудничают с гестапо.

— Что будем делать?

— Если Збышек не изменит решения, придется прервать с ним всякую связь. Сколько «сгорит» квартир! Попытаюсь еще его убедить, но он уперся как бык.

На следующий день я встретил Валеры совсем в другом настроении. Улыбаясь, он прямо с порога воскликнул:

— Иди надевай парадный костюм! Отправляемся на свадьбу!

— На чью?

— Как на чью? Збышека, конечно.

— Как так?

— Ты что, не хочешь идти на свадьбу товарища?

— Ты же вчера…

— Збышек женится, но не на Ванде. Он встретил свою давнюю школьную любовь, и они решили пожениться. Вчера, когда он сказал мне о своем намерении, я был уверен, что речь идет о Ванде, оттого и разволновался. Мне как-то совсем и не пришло тогда в голову спросить его об избраннице.

На свадьбу мы поехали всей группой.

В этот примерно период Арцишевский лично занялся группой Стефана Выробека, усматривая большие возможности в сотрудничестве с этой боевитой молодежью Таргувка. На первое собрание Стефан пригласил избранных: Конрада Коласинского, Збышека Келера, Януша Липку, Казика Павликовского, Юрека Конопку, Гжегожа Залевского. Об этой встрече мне уже после войны рассказывал Гжегож:

> «С группой Миколая Арцишевского, «Валеры», или, как мы позднее его звали, «Вождя», я впервые столкнулся осенью 1941 года. Был я тогда до смешного юн, не по годам долговяз, но — как говорили другие — довольно развитый парнишка и притом старый уже конспиратор. Действительно, благодаря Стефану Выробеку еще зимой 1939/40 года я оказался в его отряде, который позже сформировался в роту.
>
> На нас произвела глубокое впечатление первая встреча с Вождем. Он обладал исключительной силой воздействия на людей, вызывал неограниченное доверие к себе и ко всему, о чем говорил. Он познакомил нас с военным положением того периода, нарисовал перспективы развития войны, раскрыл значение нашей работы. Он научил нас выдержке и преданности делу, осторожности при выполнении заданий. Относясь к нам

как к равным, он требовал сознательности, чувства ответственности и самоотверженности, причем все это с таким тактом и уважением к личности, что мы буквально готовы были идти за ним в огонь и в воду. И примечательно: он думал не только о сегодняшнем дне — призывая нас к борьбе, он постоянно напоминал о необходимости учиться. Он понимал, что мы будем нужны нашей родине не только во время войны, но и после нее. И самое удивительное — мы действительно учились. Находили время учиться не только стрельбе и военному делу, но и посещать лекции, и заниматься иностранными языками. Он растил из нас разведчиков, солдат и граждан своей страны».

Арцишевский поручил Стефану организовать разведку на всех выездных путях, на промышленных объектах, производящих вооружение, а также выявить дислокацию немецких воинских частей в городе.

Обязанности инструктора, а позднее и связного, на этом участке выполнял Збышек Романовский. Он распределял задания и обрабатывал донесения, доставляемые этими боевыми ребятами. А вскоре им представилась возможность принять участие в настоящей операции.

Геббельсовская пропаганда пыталась создать вокруг гитлеровской авиации миф непобедимости и полного ее господства в воздухе. С целью развенчать эту легенду и укрепить моральный дух поляков Советское главное командование приняло решение осуществить демонстративные бомбовые удары по немецким военным объектам в Варшаве.

Получив сообщение об этом, Арцишевский дал задание группе Стефана разведать подходящие цели, а на Игоря возложил новую дополнительную функцию — обязанности главного метеоролога. Оснащение импровизированной метеорологической станции составляли купленный на базаре по случаю термометр и старый допотопный барометр, пожертвованный Марысенькой. Игорь как бывший летчик легко справлялся с новым заданием и ежедневно передавал в Центр вполне профессиональные утренние сводки о состоянии погоды в Варшаве. Эта, казалось бы, нехитрая и предельно упрощенная метеорология имела громадное значение для советской авиации, готовящей боевые вылеты в район Варшавы, удаленной почти на две тысячи километров от базы. Вполне понятно, что вылеты на такое расстояние, в район с неизвестной метеорологической обстановкой, были связаны с огромным риском, а главное, могли

оказаться бесплодными, поскольку, как всегда, ранней весной над Варшавой часто случались туманы и очень низкая облачность.

Игорь и наши юные помощники с заданием справились блестяще. Основываясь на донесениях Стефана и его товарищей, мы сообщили в Центр точные координаты промышленных предприятий, выпускающих военную продукцию, а также часы окончания работы, чтобы не подвергать опасности занятое на них польское население.

Вылет был подготовлен, но погода над Варшавой стояла кошмарная. Лишь через несколько дней наступило улучшение, и самолеты смогли произвести налет. Над Варшавой появились советские бомбардировщики, на деле доказав, что люфтваффе не так уж всесильна, как утверждала гитлеровская печать.

Однако после оценки результатов налета оказалось, что бомбардировку из-за сильной противовоздушной обороны Варшавы приходилось вести с большой высоты, и она была поэтому недостаточно эффективной. Арцишевский передал в Центр свое отрицательное мнение относительно целесообразности продолжения такого рода бомбардировок: чисто военный эффект был сравнительно невелик, а жертвы среди гражданского населения могли быть. А этого советское командование не могло допустить. Центр признал это мнение разумным и бомбежки прекратил.

В конце марта Арцишевский получил с Поморья сведения о перегруппировке немецких войск. 28 марта он передал через Игоря данные о концентрации в Гдыни кораблей, о превращении Крулевца в военно-морскую базу, а также о сосредоточении в Торуне артиллерии крупных калибров. На следующий день была передана также информация о зверствах, чинимых гитлеровцами над советскими военнопленными, и, в частности, об отравлении газами в одном из лагерей около двух тысяч человек. В нашем распоряжении имелись добытые у немцев доказательства гитлеровских преступлений: фотографии и письма, которые Валеры собирался переслать с курьером. Для выполнения этого задания готовился Зигмунд Енджеевский. К сожалению, осуществить замысел до конца не удалось — перед группой встали новые задачи и пришлось ограничиться лишь описанием указанных документов, переданных по радио. Возможно, это было простым стечением обстоятельств, но уже 27 апреля 1942 года Советское правительство выступило с официальными нотами о совершаемых гитлеровцами зверствах.

В начале апреля мы получили уведомление о направлении к нам еще одного курьера. На этот раз планировалось осуществить выброску на парашюте в заранее согласованном месте.

Арцишевский поручил мне организовать прием парашютиста. Задача была не из легких, поскольку у нас до сих пор не имелось никакого опыта в проведении такого рода операций.

От Юрека Маринжа я получил перечень районов, подходящих для выброски, а также немало советов относительно требований, предъявляемых к месту приземления. Эти данные были для меня весьма ценными, поскольку разведка своими силами безопасных районов отняла бы слишком много времени.

Очень удобное место в Бельске, под Груйцем, указали братья Жупанские. Проведя рекогносцировку, я решил принимать парашютиста именно здесь. У этого места был ряд преимуществ. Во-первых, оно находилось недалеко от Варшавы, что с учетом трудностей транспортировки радиостанции и оружия было очень удобным. Во-вторых, у нас там были свои люди — поляна находилась на территории имения графа Моравского, управляющим у которого служил двоюродный брат Жупанских. Он обещал нам помощь. Кроме того, вокруг места приземления тянулся лесной массив, имеющий форму двух прямоугольников, соединенных узкой полоской деревьев. Своеобразная конфигурация леса позволяла летчику легко отыскать место выброски, а нас деревья прикрывали со стороны Груйца, где стояла немецкая воинская часть, а также со стороны усадьбы и деревни, так что можно было свободно пользоваться световыми сигналами. С тем чтобы облегчить летчику задачу, помимо сигнальных огней на месте приземления, я решил разместить дополнительные огни по оси подхода самолета в районе Лукува и Гарволина.

После согласования с Центром план выброски был утвержден. Арцишевский ввел положение повышенной боевой готовности. Игорь ежедневно передавал в Центр метеосводки и вот, наконец, в один из дней принял радиограмму, уведомляющую, что этой ночью прибудет курьер. Я немедленно отправил своего школьного товарища Генрика Скворецкого с сигнальной лампой в Гарволин, Юзека Клюфа — в Лукув, а сам с Жупанским, Томашунасом, Камровским и Копкой поспешил в Бельск.

День мы пересидели у родственника Жупанских, а к ночи направились с фонарями на поляну. К нам присоединился и сын Моравского. К сожалению, ожидали мы напрасно — в эту ночь самолет не прилетел.

Я оставил всю группу на месте, а сам вернулся в Варшаву выяснить обстановку. Валеры объяснил мне, что по техническим причинам вылет был отменен. Назначен новый срок — через два дня. Я снова все подготовил, но и на этот раз никто не прилетел.

В очередной радиограмме сообщалось, что самолет, обстрелянный немецкой зенитной артиллерией, вынужден был вернуться на базу.

В последних днях апреля был назначен третий срок, причем предусматривалось, что в случае необнаружения летчиком места приземления курьер будет сброшен в произвольном месте и затем уже сам доберется до резервной явки, предварительно назначенной Арцишевским. Явкой был выбран киоск на углу Пулавской и Раковецкой улиц, принадлежавший трем сестрам из Гдыни, тем самым, у которых так неудачно началось установление нашей связи с Павяком.

Ночь выдалась на редкость темной, облачность была высокой — условия благоприятные как для нас, так и для летчика. Мы расставили и замаскировали сигнальные фонари, которые нужно было раскрыть, как только станет слышен гул самолета. Люди заняли заранее назначенные места наблюдения. Все развивалось по плану. Но самолета не было. Однажды нам показалось, что донесся гул мотора, но это был автомобиль, проехавший где-то неподалеку. Продрогшие, не отрывая глаз от неба, мы просидели в лесу всю ночь. В четыре утра стало светать. Надежда пропадала — при дневном свете сигнальных огней не увидишь.

Назначенный час выброски давно миновал. Огорченных ребят я отправил на базу, а сам на всякий случай еще остался. И вдруг, когда стало совсем уже светло, донесся гул мотора. Я стал подавать в сторону приближающегося самолета условные сигналы. К сожалению, было уже слишком светло. Ничего не заметив, летчик пролетел дальше. Теперь и мне не оставалось ничего другого, как вернуться в Варшаву и доложить Арцишевскому о неудачной операции.

Мы были страшно обеспокоены, не схватят ли немцы курьера, сброшенного ясным днем на незнакомую территорию. С огромным напряжением ожидали его прибытия в назначенный пункт. Из Центра поступила радиограмма, что курьер все-таки сброшен неподалеку от условленного места.

К нашей радости, на следующий день курьер явился и был переправлен на явку в ресторан на Пулавской. Там его встретил Арцишевский и привел на квартиру к Гурницкой. Курьером оказался плотный среднего роста мужчина, говорил он с заметным акцентом и представился как Богдан Цитович.

Из его рассказа мы узнали, что он был сброшен в районе Добешина, у железной дороги на Радом. Цитович доставил нам особый подарок от Генерального штаба — комплект фотографий церемонии подписания соглашения между Советским и польским

правительствами. Эти фотографии нам предстояло распространить как доказательство установления новых дружественных отношений между советским и польским народами. Очередной курьер должен был доставить нам кинохронику о пребывании польской делегации в Москве, а также кинопроектор для демонстрации кадров об этом историческом моменте. Вместе с Цитовичем был сброшен контейнер с двумя радиостанциями и оружием. К сожалению, контейнера Цитовичу после приземления найти не удалось.

Нужно было действовать молниеносно. Я изготовил для курьера временные документы, оформив их по всем правилам. С этими документами и под опекой Юзека Клюфа Арцишевский направил курьера обратно в Добешин отыскивать парашют. Им долго пришлось бродить по окрестностям, прежде чем Цитович узнал домик, возле которого приземлился. Ему на редкость повезло — он угодил на военный полигон, с территории которого немцы выселили всех жителей. Солдаты не заметили ни брошенного парашюта, ни контейнера. Парашют обнаружил местный житель, который тайком пробирался в свой дом, чтобы присмотреть за хозяйством. Заметив свисающее с дерева полотнище, он стащил его на землю и закопал неподалеку от своего дома. Контейнера он, к сожалению, не видел. После целого дня поисков его наконец обнаружили повисшим на деревьях метрах в трехстах от избушки. Его тут же выпутали из ветвей и закопали глубоко в землю, замаскировав сверху дерном, ветвями и листвой.

Через пару дней Юзек с Юреком Томашунасом в несколько приемов доставили обе рации и оружие в Варшаву, Теперь в нашем распоряжении было четыре передатчика, а для их обслуживания три радиста.

НЕМЦЫ ГОТОВЯТ НАСТУПЛЕНИЕ

Богдан Цитович в сопровождении Эдека Згида в качестве помощника выехал в Пётркув, где ему предстояло пока работать. В это время произошло важное событие. В Варшаву прибыл Зигмунд Енджеевский, сообщивший мне о чрезвычайно интересном наблюдении: его люди зафиксировали большой поток пустых грузовых автомобилей, направляемых на Центральный фронт. Я предположил, что это может быть связано с предстоящей перегруппировкой значительных масс войск. Мы немедленно отправились к Арцишевскому, чтобы вместе обсудить эту интересную информацию.

Командир, в последнее время почти неуловимый из-за частой смены квартир, принял нас на улице Малой в доме Заневской. Сообщение показалось ему настолько важным, что он срочно приказал привести в состояние повышенной активности все наши наблюдательные посты, имевшиеся теперь практически во всех концах страны. Арцишевский сделал вывод, что немцы замышляют что-то серьезное. Тут же, пользуясь случаем, он поручил ускорить отъезд в Краков Юрека Томашунаса с тем, чтобы расширить там сеть наблюдательных постов. До сих пор поступавшие с этого направления сведения не были регулярными и составляли известный пробел в нашей информации.

Вскоре из разных мест стали поступать сообщения о начавшейся перегруппировке гитлеровских войск. Из Пшемысля, превращенного в транспортно-перевалочную базу фронта, братья Межвинские доносили о всевозрастающей интенсивности перевозок войск, боевой техники и снаряжения. Иногда через эту станцию за одни сутки проходило до 36 воинских эшелонов и перебрасывалось свыше 13 тысяч солдат. Сотрудничавший с братьями Межвинскими Флигер, у которого были родственники в Берлине, сообщал о подготовке к крупному наступлению на юге.

Рымкевич, вернувшийся из поездки в Литву, привез информацию (от офицера авиационной части Рихт-Хофена) о том, что фюрер принял решение нанести удар на Кавказ с целью скорейшего овладения богатыми нефтеносными районами. Эти сведения подтвердил также и Янушевский. Достаточно достоверные данные о подготовке немцев к новому наступлению удалось получить Янеку через майора Сикорского.

Вся эта информация немедленно передавалась в Центр. Напряжение в эти дни было настолько велико, что Арцишевский работал чуть ли не круглые сутки, стремясь раскрыть истинные замыслы гитлеровцев и определить направления предполагаемого

их удара.

О том, насколько большим доверием Центра пользовался Арцишевский и как высоко ценилось его мнение, свидетельствует тот факт, что ему было дано задание изложить свою оценку общего военно-политического положения и высказать соображения о возможных направлениях немецких ударов. Центр высоко оценил деятельность Арцишевского и всей группы «Михал» в целом[21].

Однако возросшая в этот период активность группы «Михал» обошлась очень дорого. И вскоре нам пришлось расплатиться за нее первым тяжелым ударом. Один из ценнейших наших помощников, Юрек Томашунас, попал в руки гестапо. При трудновыяснимых обстоятельствах, во время сбора донесений в Кракове, он был арестован местным отделением гитлеровской тайной полиции. Мы подозревали в предательстве одного из людей, с которым Юрек установил связь в самое последнее время. Арест Томашунаса дезорганизовал нашу работу — пришлось срочно ликвидировать все известные ему явки и заменить документы людям, с которыми ему доводилось общаться. Несмотря на пытки, Юрек никого не выдал. Однако полной уверенности, что гитлеровцы не напали на наш след по каким-либо другим путям, теперь не было. В частности, меня крайне озадачил визит на одну из моих квартир неизвестного молодого человека из Кракова, назвавшегося товарищем Юрека Томашунаса и предложившего свое сотрудничество. Он просил о встрече с командиром группы или его заместителем. Я пообещал ему содействие, но, наведя справки и узнав, что он был арестован вместе с Юреком, а сейчас разгуливает на свободе, прервал с ним всякую связь. Еще одна квартира оказалась проваленной.

В этот период мы получили сообщение о том, что генерал Андерс вывел из СССР на Ближний Восток польскую армию[22]. Арцишевский расценил этот шаг как противоречащий интересам Польши.

В стране тем временем множество различных подпольных военных организаций стали объединяться в одну, подчиненную единому командованию. Объединенная организация получила название Армии Крайовой. В рядах ее все более стали активизироваться группы, решительно настроенные против сотрудничества с Советским Союзом.

В этой обстановке Арцишевский решил принять дополнительные меры предосторожности, осуществить реорганизацию нашей группы путем подготовки еще нескольких радистов и получения новых радиостанций, а также ввести более строгие требования конспирации. Первым курс обучения стал

проходить Богуслав Копка, который должен был заменить Игоря с тем, чтобы тот занялся обучением новых радистов.

До сих пор вся связь с Центром лежала на Игоре. В этой трудной и ответственной работе ему энергично помогала неутомимая Ирмина. Оба они явно симпатизировали друг другу. Нервное напряжение и постоянная опасность еще более их сближали. Потому для нас не явилось неожиданностью, когда они объявили о намерении жениться. Арцишевский, очень доброжелательно относившийся к обоим, устроил по этому поводу «семейный» ужин. Сердечная атмосфера этого торжества надолго сохранилась в нашей памяти.

В июне стали поступать тревожные сведения о новых арестах. За малоизвестные нам торговые сделки была арестована дочь Брацкой. Наша разведка в Павяке донесла, что она стала рассказывать немцам об Арцишевском буквально все, что знала. Но, к счастью, знания ее о Миколае не шли дальше эпизода, как он в новогоднюю ночь одевался в мундир капитана Войска Польского. Неделей позже были арестованы Карповичи несколько человек из его группы. От Карповича гитлеровцам ничего о нас выведать не удалось. Прошли аресты и среди знакомых Арцишевского, состоявших не в нашей группе, а в других подпольных организациях.

Нам снова пришлось сменить оказавшиеся ненадежными квартиры, явки и документы. Арцишевский переселился на улицу Добрую, куда перебрался и Жук. Сюда мы переправили все документы, печати, оружие и снаряжение. Охранял все это имущество живший там инвалид, друг нашего хозяина. Все прежние квартиры мы сочли проваленными, и лишь Янек продолжал оставаться в квартире Гурницкой. На все предложения сменить место жительства он отвечал, что из его окружения никто не провалился и потому переселяться нет необходимости. Положение наше становилось тяжелым, но Арцишевский не падал духом. Он сохранял спокойствие сам и помогал другим, побуждая нас к активным действиям. Помнится, однажды, почувствовав, что все угнетены и подавлены внезапными арестами, он собрал всех находившихся в то время в Варшаве на квартире своих знакомых. Мы расположились в мягких креслах, и Валеры стал рассказывать о временах правления короля Собеского, об искусстве и литературе того периода. Он до такой степени завладел нашим воображением, что мы полностью перенеслись мыслями в ту эпоху, забыв о войне, неудачах, арестах. Мы просидели у горящего камина почти всю ночь. Утром, хоть и невыспавшиеся, мы чувствовали себя бодрыми и с новой энергией принялись за выполнение своих заданий.

НАЧАЛО ТРАГЕДИИ

Материалов набиралось все больше. Темпы подготовки немецких войск к новому наступлению с каждым днем нарастали. Немцы собирали все силы, готовясь к удару, который должен был утвердить господство «третьего рейха» над миром.

Арцишевский уже не успевал разбирать и шифровать доставляемые связными донесения. Чтобы высвободить время на организационные вопросы по расширению деятельности группы, он передал мне шифровальные таблицы, и я стал ему помогать в этой трудоемкой работе.

Именно в этот ответственный для группы момент Игорь сообщил, что в районе дач, где находилась наша радиостанция, замечены неизвестные люди, по всей вероятности, ведущие за ними тайное наблюдение. Высланный в разведку Януш подтвердил, что действительно возле нашей конспиративной квартиры крутится какой-то подозрительный тип.

Командир посоветовал Игорю и Ирмине незаметно исчезнуть из Свидера, а я получил задание переправить радиостанцию в Варшаву. Поскольку не было ни возможности, ни времени провести предварительное наблюдение за местностью и людьми, следившими за Игорем, я решил действовать внезапно. Взяв с собой Анджея Жупанского и Франека Камровского, электричкой поехал в Свидер. На всякий случай мы вооружились пистолетами.

По дороге со станции ничего подозрительного мы не заметили. Подойдя к даче, одного из своих спутников я оставил у калитки для наблюдения, а со вторым вошел в дом. Вытащив передатчик из подвала, мы с тяжелым чемоданом двинулись обратно. Едва подошли к станции, как раздался шум приближающегося поезда. Бегом влетели мы на перрон и, не купив даже билетов, вскочили в вагон в самую последнюю минуту, когда поезд уже тронулся. После нас в поезд никто не сел, значит, слежки за нами не было. В Варшаве прямо с вокзала мы направились на улицу Добрую, где временно и пристроили передатчик.

Начались интенсивные поиски новой квартиры. Ирмина на этот раз пыталась снять «тихий домик для больного мужа». Однако в разгар летнего сезона сделать это было не так-то просто. После двухдневных поисков мы наконец наткнулись на никем не занятый еще маленький домик в Юзефове. К сожалению, он находился слишком близко от того места, где мы прятали передатчик, однако ничего более подходящего у нас не было, и мы решили временно снять пока этот домик. Правда,

Стефан Выробек мобилизовал своих ребят на поиски подходящего места в районе Пельцовизны, но дело и там затягивалось.

Ирмина быстро организовала переезд, а мы доставили передатчик в Юзефов. И снова пошли в эфир материалы о подготовке немцев к крупному наступлению на Южном фронте и связанной с ним перегруппировке войск. Эти сведения дополнялись нами данными о дислокации авиации, средств противовоздушной обороны и складов военного снаряжения. Из Центра в это время было получено указание подготовиться к приему новых агентов и радиопередатчика.

Арцишевский, планируя расширить сферу наших действий, устанавливал новые контакты, которые в будущем дали бы возможность охватить нашей разведсетью всю территорию Поморья и Пруссии. С этой целью он начал переговоры с представителями уже действующих там подпольных организаций.

В напряженной обстановке, вызванной последними арестами, весьма неприятное впечатление произвело поведение Брацкой. Встретив случайно в Юзефове Мицкевича, она набросилась на него чуть ли не с кулаками, требуя, чтобы Арцишевский помог освободить из тюрьмы ее дочь, не то она все расскажет немцам. Такое поведение Брацкой можно было оправдать, пожалуй, только тем, что она тревожилась за близкого человека, но своим поведением она внесла в нашу группу нервозность. Поначалу мы даже подозревали, что она была арестована вместе с дочерью и потом выпущена, чтобы навести на след нашей группы. Однако после детального ознакомления с ее делом выяснилось, что ее не арестовывали, просто у женщины сдали нервы.

Но Игорь долго не мог успокоиться. Получив спартанское воспитание, он не способен был понять, что человек может так сломаться. Арцишевский решил для придания бодрости Игорю ездить в Юзефов всем по очереди. Поскольку Валеры самому хотелось в спокойной обстановке обработать донесения и окончательно обсудить с Центром вопрос о принятии очередного курьера, он решил поехать в Юзефов на целых три дня. Во время нашей встречи перед самым отъездом Миколай был сильно взволнован и рассказал мне, что случайно встретил одну знакомую, которую знал еще до войны и о которой говорят, будто она сотрудничает с немцами.

Утром 28 июля я подготовил материалы, полученные уже после отъезда Миколая, и с Тадеком Жупанским отправил их в Юзефов. Тадек под видом «кузена» Игоря ежедневно курсировал между нашей базой и радиопередатчиком. На явочную квартиру на улице Доброй в тот день пришел Збышек Романовский и кто-то еще из связных с донесениями. Во время нашей беседы раздался

сильный стук в дверь. Приятель хозяина пошел открывать. На пороге стоял белый как полотно Тадек Жупанский. Мы услышали лишь одно слово:

— Провал!

— Где? Кто? — посыпались вопросы.

— Наши. Я шел со станции к даче и сразу за поворотом увидел автомашины и много немцев. В последнюю минуту мне удалось ускользнуть. Обратного поезда надо было ждать часа полтора. Я здорово нервничал; донесения, которые были у меня с собой, уничтожил.

Наступила гробовая тишина. Это был страшный удар. У меня перед глазами встали образы моих дорогих друзей: Арцишевского, Мицкевича, Ирмины, Копки… Трудно себе было даже представить, какую огромную потерю мы понесли. Подробностей никто не знал. Нас или кто-то предал, или гитлеровцы засекли передатчик пеленгаторами.

Однако времени на размышления не было. Немцы в любую минуту могли нагрянуть и сюда. Надо было срочно покинуть квартиру, спрятать чемодан с секретными документами, шифром, радиодеталями и оружием, а также оповестить всех о провале. Договорились, что Збышек предупредит Стефана Выробека, с которым в последнее время он работал в тесном контакте. Тадек — своих друзей, а я займусь чемоданом, поеду к Янеку, к тетке и на все остальные известные мне явочные квартиры. Встречу я назначил на следующий день в 10 утра возле дома братьев Яблковских, поскольку все наши явки теперь оказались под угрозой.

По одному вышли мы из дома. По дороге я начал прикидывать, куда бы пристроить чемодан. Квартиры знакомых и родственников я давно предоставил в распоряжение группы для встреч, и неизвестно, не ведет ли сейчас гестапо за ними наблюдение. Тут я вспомнил, что совсем неподалеку живет один из моих друзей, Сам он был в концлагере, но его мать хорошо меня знала. Я направился к ней. Наверное, я был очень бледен и взволнован, потому что она обеспокоенно спросила:

— Что случилось?

— Арестован мой товарищ. Не могу ли я оставить ненадолго у вас чемодан?

— Не впутывайте меня в свои дела, — ответила она. — Я хочу выжить и хоть раз еще увидеть сына…

Я вышел на улицу. «Ну что ж, придется ехать в Беляны к Ядзе, — подумал я, — там не должны отказать. Путь, правда, туда неблизкий и небезопасный, но другой квартиры у меня сейчас нет».

В Белянах я без труда получил разрешение оставить на хранение опасный груз. Теперь самое главное — предупредить Янека. По его передатчику можно поддерживать связь и сообщить в Центр о провале. Немцы, если они захватили шифр, попытаются, конечно, продолжать передачи и передавать ложные донесения, дезинформируя Центр. Они смогут также легко принять курьеров, которые должны быть к нам высланы. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Я должен сделать все, чтобы вовремя предупредить не только своих людей, но и Центр.

К сожалению, ни Янека, ни Гелены я не застал дома, двери были заперты. Ждать же их возвращения я не мог — предупредить надо было еще очень многих.

Сначала я поехал к своей тетке Виктории. Сообщил ей о провале и попросил моего кузена Януша обязательно предупредить Янека. А сам поехал в город. Вечером, валясь с ног от усталости, я еще раз зашел к тетке, которая уже успела перебраться на другую квартиру. Януш сообщил мне, что на Хотимской Янека не застал, дома никого не было. Я рассудил, что вечером он должен быть дома, и решил пойти к нему.

Лестница в доме Янека на Хотимской, ведущая на второй этаж, показалась мне неимоверно длинной, как никогда прежде, ступени стали выше, а ноги налитыми свинцом. В голову лезли всякие мысли. «Кто же предал? Кто откроет двери — Янек или гестапо?»

Я нажал кнопку звонка. В квартире кто-то есть — слышатся шаги. Щелкнул замок. Дверь открывается, на пороге… Гелена. В следующую минуту появляется Янек. Мое сообщение о провале их очень встревожило. Начали обсуждать вместе, что предпринять. Янек уже два дня ничего не передавал, так как последняя его конспиративная квартира провалилась. Он рассчитывал буквально на днях найти новую и возобновить связь. Мы договорились, что к следующей нашей встрече я приготовлю зашифрованную радиограмму об обстоятельствах ареста руководителей группы и адрес, куда должен прибыть ожидаемый курьер. Пока же мы условились встречаться ежедневно на трамвайной остановке на углу Пулавской улицы и площади Унии.

На следующий день я поехал на правобережную сторону Варшавы — в Прагу. Там жил очень толковый парень из роты Стефана Выробека — Конрад Коласинский. Мы с ним довольно часто говорили о политике, и я знал, что могу рассчитывать на его помощь. И действительно, в нем я не обманулся — он согласился принять направляемого к нам курьера. Мы подробно обсудили план встречи курьера и установили пароль.

Из Праги я поехал к Збышеку. По пути встретил едущего в

том же направлении одного из братьев Жупанских. На Злотой, к нашему удивлению, мы увидели… Копку. Он торопливо шел по улице, как всегда, с всклокоченной шевелюрой. Но в каком виде! На нем были только брюки и наброшенное прямо на голое тело пальто. Его трясло, как в лихорадке, в лице ни кровинки, глаза возбужденно горели.

— Куба! Что случилось? Как ты уцелел?

— Я сбежал, когда нас окружили немцы…

— Что с Арцишевским?

— Не знаю. Немцев было очень много, наверно, всех схватили…

— Живы?

— Стрельба была сильная. Их могли и перестрелять.

— А где шифр?

— Не знаю. Когда нас окружили, шифр был у Валеры — он как раз шифровал донесение.

— Как же вас накрыли? Как тебе удалось ускользнуть?

И Копка рассказал:

— Утром Игорь спустился в подвал и начал сеанс. Я сидел у окна с пистолетом и читал конспекты последней лекции[23]. Арцишевский шифровал радиограмму. Ирмина возилась на кухне, она как раз собиралась ехать в Варшаву подыскивать новое помещение для рации. Вдруг я заметил, что дом окружают немцы. Я предупредил Арцишевского, тот что-то крикнул Ирмине и велел мне бежать. Прогремели выстрелы. Я выскочил с пистолетом в окно прямо в гущу гитлеровцев. Они опешили и стрелять в меня не решились, боясь перестрелять друг друга. Я вскочил на ограду. Тут они открыли огонь, но в спешке в меня не попали, а я успел перескочить через ограду и, прячась за деревьями, побежал со всех ног. Когда я совсем уже выбился из сил, впереди вдруг показались какие-то строения. Я решил среди них притаиться, но меня заметила какая-то женщина и закричала: «Вор!» Пришлось бежать дальше. Добежал до Вислы, разделся и бросился в воду. Поплыл вниз по течению, потом спрятался в ивняке и просидел там до вечера. К вечеру стало холодно. Я пробрался в какой-то сарай, зарылся в солому и заснул. Утром хотел выйти из сарая и пробраться на Саскую Кемпу к родственникам своей невесты. Но сарай оказался запертым. Услыхав во дворе шаги, я крикнул, чтобы меня выпустили. В ответ раздались проклятия по-немецки — как видно, я попал в сарай фольксдойча. Недолго думая, карабкаюсь по соломе наверх, разбиваю черепицу и через дыру в крыше скатываюсь вниз. Хозяин ко мне с вилами, а я через забор и, прячась за деревьями, к реке, а потом, кроясь в зарослях камыша, почти голый кое-как пробрался к бабке своей невесты на

Саскую Кемпу. Она меня вот приодела, и я теперь прямым ходом к Франеку Камровскому.

Рассказ Копки на время вывел нас с Жупанским из равновесия. Но события торопили, и мы теперь уже втроем направились к Збышеку.

Встретившись со Збышеком и остальными ребятами, я отправился с Кубой добывать ему новые, временные документы. Затем в условленное время поехал к Янеку с зашифрованным

донесением. Он сказал, что передатчик перенес на новую квартиру и скоро переберется туда сам. Мое донесение он пообещал передать в первую очередь. Мы договорились с ним встретиться на следующий день.

На обратном пути я зашел на работу к одной своей знакомой, жившей в Юзефове. Она понятия не имела, кто я на самом деле, и думала, что я торговый агент. Я нашел ее сильно возбужденной событиями прошедшего дня. Она рассказала, что неподалеку от ее дома вчера была перестрелка, немцы, кажется, запеленговали какой-то передатчик. Двое гестаповцев и кто-то из разведчиков были убиты. А еще одного мужчину и женщину, раненных, гитлеровцы увезли на грузовике.

Из этой скудной информации можно было сделать вывод, что раненых скорее всего отвезли в Павяк. Я решил съездить к пани Зофье Дуллингер, которая через своих знакомых в АК могла разузнать об арестованных. Пани Зофья энергично взялась за дело.

Сведения из Павяка я получил быстрее, чем предполагал. Оказалось, что, несмотря на ранения, все трое живы. Арцишевский, раненный в ногу, находится в Павяке в одиночной камере. Мицкевич, убив одного и ранив второго гестаповца, выстрелил себе в голову. Но немцы, сделав ему трепанацию черепа[24], пытаются его спасти. Тяжело раненная Ирмина сидит в одиночке. Гестапо сообщило своему шефу Гиммлеру, что раскрыта крупная разведгруппа, работавшая на всей восточной территории, и арестован ее руководитель. Удалось ли им захватить шифр, было пока неизвестно.

Мне не давала покоя мысль, как освободить Арцишевского. Нападение на сильно охраняемый Павяк было бы, конечно, безумием, надо искать другие пути. Увы, мы не знали тюремных порядков, и у нас не было нужных связей. Обсудив все это с пани Зофьей, мы решили, что она через своих знакомых обратится к генералу Ровецкому[25] и попросит помочь нам. Вскоре нам сообщили, что помощь мы получим.

Было предложено заразить Арцишевского тифом. Немцы переправляли инфекционных больных в госпиталь на Хотимскую, а там мы сможем отбить его собственными силами. Конечно, я согласился с таким вариантом и начал готовиться.

31 июля ко мне зашел Януш и предупредил, чтобы я не ходил на явочную квартиру на Хотимской, так как в доме там была перестрелка. Кажется, погиб какой-то юноша и арестована женщина. На следующий день он привез более точные сведения. Сын Гурницкой, Веся, пришел к знакомым своей тетки и рассказал, что, когда он возвращался с матерью и Янеком домой,

у входа в подъезд их окружили вооруженные немцы. Янек, выхватив два пистолета, начал отстреливаться. Весе в суматохе удалось бежать.

О Янеке точных сведений я не получил и не знал, что с ним: то ли он погиб, то ли арестован, а может быть, ему удалось бежать? Если его схватили, то могли перехватить и мое донесение. Тогда вместо нашего агента гестапо может подослать к нам своего человека и выловить нас всех. А если Янек мою шифровку не передал, то Центр, ничего не зная о событиях у нас, будет принимать информацию, которую подсунут немцы.

Через несколько дней тетка Виктория узнала от своей знакомой, живущей в одном доме с Гурницкой, подробности о событиях на Хотимской. На квартиру Гелены пришли гестаповцы. Никого не застав, они устроили внизу, в квартире дворника, засаду. Под угрозой расстрела всей семьи немцы заставили дворника показать в окно, когда пойдет Мейер. Прождали несколько часов. Появился Янек с Геленой и ее сыном.

Немцы по знаку дворника выскочили на лестницу и бросились на Янека. Вспыхнула короткая перестрелка. Янек убил двух гестаповцев и упал, прошитый пулями[26]. Гелену увезли в Павяк. Брат Гелены, когда дом был окружен немцами, не желая попасть в их лапы, застрелился.

Были основания считать, что гестапо располагает достаточно обширными сведениями о деятельности нашей группы и будет пытаться выловить нас всех. Понимая, что гитлеровцы могли напасть и на мой след, я решил изменить внешность и отправился к своей знакомой Галине Яблонской, которая однажды упомянула в разговоре, что умеет гримировать и, если понадобится, сделает из меня совсем «другого» человека. И действительно. Она покрасила мне волосы и брови в черный цвет, изменила прическу, сделав посередине пробор, приклеила усики и велела надеть очки — в зеркале я увидел совершенно незнакомое мне лицо. Новый светло-серый костюм и кепка совсем преобразили меня.

Теперь надо было поменять документы. Ксендз Ян, выдавший мне метрику для оформления кеннкарты, был весьма опечален известием об аресте Миколая.

— Я его уважал, хотя мы и расходились во взглядах по многим вопросам. Он незаурядная личность и много мог бы еще сделать как умный и дальновидный политик, — сказал ксендз.

— Мы попытаемся его освободить, — ответил я, — но пока у нас слишком мало сил.

— Если вам понадобится помощь, свяжитесь со мной. У меня широкие связи с политическими деятелями подполья.

Я как-то не задумался над тем, какая это может быть помощь.

Поблагодарив его за участие и метрику, я поспешил заняться изготовлением документов.

Временно мне удалось поселиться у своего друга Богдана Крыловича, адреса которого никто из арестованных не знал. Несколько позже Юзек Грудневский подыскал мне квартиру на Маршалковской напротив улицы Скорупки.

Вскоре стало известно, что гестапо побывало на улице Червоного Кшижа, где последнее время жил Миколай и, кроме того, арестовало невесту Кубы. Все говорило о том, что арестованные никого не выдают, а немцы просто проверяют адреса, фигурирующие в кеннкартах, лопавших им в руки при аресте.

По-прежнему не было у нас твердой уверенности, не попали ли в руки гестапо наши шифры и успел ли Янек передать мое последнее донесение. Чтобы не допустить дезинформации Центра гитлеровской контрразведкой, я обратился ко всем товарищам и знакомым, имевшим контакты с руководством подпольных организаций, с просьбой уведомить Центр о нашем провале. Вскоре поступило несколько подтверждений, что наше сообщение доведено до Центра через Лондон. Не довольствуясь этим, я направил Анджея Жупанского в Грубешовский повят[27] с задачей разыскать там партизанский отряд и попытаться через партизан еще раз передать о провале. К сожалению, Анджею не удалось установить контакт ни с одним из отрядов.

Я тем временем интенсивно занимался организацией помощи арестованным и в первую очередь подготовкой побега Арцишевского. Для участия в этой акции более всего подходили ребята из Гдыни и отряда Стефана Выробека. Когда я сообщил им об этом, все с радостью согласились участвовать в освобождении Миколай. Гдыньские ребята имели уже опыт в таких делах, и я хорошо их знал. Меньше я знал людей из роты Выробека. Для их проверки я решил провести с группой Конрада Колясинского операцию по разоружению немцев. Таких нападений предполагалось осуществить несколько — помимо всего прочего, нам нужно было оружие и немецкие мундиры. Я планировал организовать похищение Арцишевского из госпиталя, переодевшись в немецкую форму.

Из Павяка поступили новые сведения. Арцишевский по-прежнему отказывался давать показания. Мицкевич и Ирмина поправлялись. В Павяке содержалась также и Гелена Гурницкая. На допросе она заявила, что не знала, кем являлся ее жилец, и комнату ему сдала по объявлению в газете. В тюрьму на Павяке доставили и невесту Кубы, а затем также мать братьев Жупанских. Причем ее дело не связывали с Арцишевским; оно

было связано с провалом в Кракове. Сами братья в связи с нашим провалом скрывались, и гестапо не смогло их арестовать.

В это время в Вильно уезжал по направлению АК мой товарищ по армии Стшемский. На встречу со мной он пришел в немецкой форме. Я вручил ему шифровку о провале с просьбой переслать ее через линию фронта. Вернувшись домой с этой встречи, я узнал от хозяйки, что ко мне приходила какая-то худенькая женщина. Ждать она не могла и просила зайти к пани Зофье. Встревоженный, я тут же направился на Злотую.

Еще в дверях по выражению лица Зофьи Дуллингер я понял, что произошло что-то неприятное.

— У нас плохие вести, — огорченно проговорила она. — Немцы издали приказ, запрещающий вывозить инфекционных больных из Павяка. Теперь их будут содержать в тюремных изоляторах.

Все наши планы рухнули. Отпала последняя реальная возможность спасти Арцишевского. Оставалась, правда, какая-то надежда освободить его под залог или попытаться обменять. Но для этого у нас не было ни денег, ни нужных контактов. И все же следовало попытаться. Я решил собрать людей, наиболее ценивших Арцишевского и имевших вес в подпольных кругах.

Встреча состоялась у Зофьи Дуллингер. Пришли ксендз Ян, Алик и еще несколько человек. Решили, что ксендз и Алик предварительно обсудят этот вопрос с руководством подполья. Алик и Зофья займутся сбором средств, а я подготовлю своих людей к действиям на случай необходимости.

Через несколько дней мне сообщили о намеченной встрече с представителями генерала Ровецкого для более подробной беседы об Арцишевском. От Алика я узнал, что по этому вопросу имелись разногласия, но было принято все-таки положительное решение благодаря позиции, занятой ксендзом Яном, с которым очень считались и который горячо отстаивал Арцишевского.

Встреча состоялась возле кондитерской Лярделли. От АК пришли женщина по фамилии, кажется, Иллякович и мужчина, носивший псевдоним «Альбин». Они расспрашивали меня об Арцишевском: что он за человек, какие у него взгляды. Хотя, как оказалось, они и без меня многое о нем знали. При прощании мои собеседники заверили меня, что кое-какие возможности спасти нашего командира есть, и если уж не освободить, то хотя бы отсрочить исполнение приговора. Следующую встречу мы назначили через четыре дня.

С нетерпением ждал я новых сообщений — ведь гестаповцы в любой момент могли замучить или расстрелять дорогих нам людей. При следующей встрече мне сообщили, что по делу

Арцишевского установлен контакт с одним высокопоставленным немецким чиновником.

Возвращаясь с этой встречи, я обратил в трамвае внимание на хлипкого человечка, который незаметно присматривался ко мне. На первой же остановке я пересел в другой вагон, но этот тип последовал за мной. «Ого, кажется, за мной следят, надо поскорее от него отделаться». Я выскочил из трамвая и тотчас свернул на Злотую. Хлюпик тоже выскочил и последовал за мной. Я мгновенно юркнул во двор, через который знал узкий проход среди развалин на Сенную. Сюда-то он не сунется!

К себе на Маршалковскую я вернулся только к вечеру. Моросил мелкий дождь. В воротах, как всегда, на своем обычном посту стояла дама легкого поведения на этот раз с каким-то мужчиной в сером пиджаке. Проходя мимо, я расслышал тихий шепот:

— Это он!

Не оглядываясь, я пересек двор. Неужели и здесь слежка? Или мне только кажется? Нет, я достаточно четко слышал, хотя это и было сказано шепотом, «это он»… Кроме меня, рядом никого не было…

Я взбежал вверх по лестнице, пулей влетел в свою комнату и стал торопливо переодеваться. Натянул бриджи и сапоги. Мои только что отпущенные и покрашенные в черный цвет усики в одну секунду были сбриты. Потом я снял очки, спрятал под шляпу волосы, надел плащ и вышел из комнаты. В маленькой прихожей стояла хозяйка.

— Кто вы? Что вы здесь делаете?

— Вы меня не узнали?

— Это… вы? Нет, не может быть!

Я обошел ее и бросился вниз по лестнице. Если уж меня не узнала хозяйка квартиры, то те в подворотне и подавно не узнают. Надо только пройти мимо них совершенно спокойно.

Внизу послышался стук открываемой в подъезд входной двери. Навстречу мне поднимались пять молодчиков, похожих обличием на тех, что сидели в засаде на Квятовой. Они пропустили меня. И я невозмутимо прошел мимо. Не торопясь я миновал двор, прошел ворота. Парочка в подворотне не обратила на меня никакого внимания — в плаще, без усов и очков меня никто здесь прежде не видел.

Выйдя на улицу, я облегченно вздохнул. Только теперь я понял, что у меня нет другого выхода, как только хотя бы на время покинуть Варшаву. В то же время нельзя оставлять в беде товарищей. Правда, возможность спасти их практически минимальна, хотя переговоры начались и, вероятно, их следует

довести до конца. Тут я задумался, действительно ли гестапо напало на мой след, не преувеличиваю ли я опасность? Тем не менее по пути я сделал несколько пересадок из трамвая в трамвай и решил организовать за своим домом наблюдение.

Я отправился на улицу Снядецких к одному юноше по имени Метек, недавно принятому в нашу группу, и поручил ему провести наблюдение за домом на Маршалковской. Метек, обрадованный первым поручением, привлек своих друзей Збышека и Юрека, и неразлучные «три мушкетера» принялись обсуждать, как лучше провести эту операцию.

Они придумали оригинальное решение. Метек работал велорикшей — развозил кондитерские изделия. Кто-то из них предложил вытащить из фургона лотки для пирожных, просверлить в боковых стенках дырки, одному залезть внутрь, а фургон оставить возле дома. Этот проект был единодушно принят.

После разговора с ребятами я позвонил Зофье Дуллингер с просьбой передать записку в Павяк. Она сказала, что должна немедленно встретиться со мной. В голосе ее слышалась тревога. Договорились встретиться возле дома братьев Яблковских. Зофья была действительно встревожена. Гестапо арестовало «Альбина», с которым я встречался два дня назад по делу Арцишевского, а сопровождавшую его женщину нашли без сознания с признаками сильного отравления[28].

Возможно, здесь какая-то провокация, поскольку арестованы также знакомые Зофьи, через которых она вышла на связь для ведения переговоров. Сама она тоже едва не попала в засаду, устроенную в квартире этих посредников. И только в самый последний момент, когда она входила уже в подъезд, ее предупредила дворничиха.

В этой ситуации мы не могли больше рассчитывать на чью-либо помощь, и оставалось полагаться только на собственные силы. Однако наши возможности были невелики — у нас не было даже прямой связи с арестованными. Чтобы установить с ними контакт, мы решили попытаться устроить Зофью на работу надзирательницей в Павяк.

Через какое-то время я зашел к «трем мушкетерам» узнать результаты их наблюдений. Фокус их удался. Ребята засекли людей, которые вели наблюдение за домом. Они детально описали их внешность и установили часы смены дежурств.

Я решил на две недели уехать из Варшавы. Вместе со Збышеком Романовским мы отправились в деревню Липки к родственникам Стефана Выробека.

В Липках мы пробыли недолго. Бездеятельность была

невыносима. Я вернулся в Варшаву и остановился у знакомых Выробека. Недели через три после возвращения «мушкетеры» сообщили мне, что немцы сняли наблюдение за домом на Маршалковской. После этого я отправился на старую свою квартиру. Хозяйка была удивлена моим приходом и в тревоге рассказала, как сразу же после моего ухода в квартиру ворвались гестаповцы. Сделали обыск и просидели здесь весь день и ночь. Только теперь я понял, какая опасность мне грозила и как счастливо мне удалось выскользнуть из расставленных сетей.

Вопрос об установлении связи с Центром по-прежнему не давал мне покоя. Я так и не знал, успел ли Янек передать мою шифровку. Курьер, которого мы ждали, до сих пор не появился. Я решил попытаться найти передатчик в Пётркуве. Правда, меня предупредили, что там тоже были аресты, но мне хотелось выяснить обстановку на месте самому. Я знал, что Арцишевский направил в Пётркув вместе с Юзеком Клюфом второго курьера — Цитовича. Нам же по соображениям конспирации поддерживать с ними какие-либо контакты запретил.

Под видом поисков жилья и закупки продовольствия я поехал в Пётркув и Гомулин. Здесь я узнал, что у Коси побывало гестапо, что арестованы Клюф, Квапиш, Михал Згид и еще несколько человек, которых я не знал и даже не предполагал, что они связаны с нашей группой. Итак, след оборвался. Убежденный, что рация тоже попала в руки гестапо, я вернулся в Варшаву. Позже, по рассказам непосредственных свидетелей событий, произошедших в Пётркуве, мне удалось частично восстановить их ход.

Вскоре после приезда в Пётркув Цитович через Эдека Згида познакомился с Косей, которая помогла ему снять комнату и передала «пропавшую» рацию. В это же время Янек через майора Сикорского организовал переброску второй рации в Краков. Здесь для него подыскали две квартиры, одну на улице Любеч, другую на Стшелецкой. Клюф собирал материалы на территории Кракова о передислокации немецких войск, получал информацию и от людей майора Сикорского.

1 июля Клюф приехал в Пётркув навестить свою невесту, жившую на улице Нарубовича. Утром в квартиру вломились гестаповцы. Юзек успел закинуть шифровки за кровать. На него надели наручники и доставили в гестапо. Продержав здесь сутки, перевели затем в тюрьму в Пётркуве. Через знакомого надзирателя Тоболу ему удалось переслать Тадеку Квапишу записку, в которой он сообщал о своем аресте и о том, что гестапо знает о квартире на улице Средней.

Получив эту записку, Тадек по просьбе Коси и Цитовича,

которые поселились у него в Гомулине, выехал в Пётркув изъять передатчик. Однако по улице курсировали патрули, вертелись какие-то подозрительные личности. Он ждал до воскресенья, пока патрули не ушли. Затем пробрался к дому Коси, взял рацию, огородами перенес ее к Коженевской на улицу Лонковую и там спрятал.

Оставалось перевезти вторую рацию, отправленную в Краков. Тадек взял с собой одиннадцатилетнюю дочку своих знакомых и под видом торговца маслом и яйцами поехал в Краков. Забрав здесь рацию, он вернулся в Пётркув. Тут он узнал, что гестаповцы побывали в квартире на Средней, арестовали Бычинскую с дочерью и разыскивали Эдека.

В этой ситуации Тадек взял обе рации с квартиры Коженевских, погрузил чемодан с ними на подводу случайно подвернувшегося крестьянина, ехавшего в сторону Гомулина, а сам поодаль поехал за ним на велосипеде. При въезде в деревню крестьянин остановился, решив осмотреть содержимое чемодана. Поняв, видимо, что за груз попал к нему на телегу, он сбросил чемодан в колосящуюся при дороге рожь и что есть силы стегнул коня. Тадек погрузил опасный груз на велосипед и направился к живущему неподалеку Гемлю. Тот согласился подержать у себя чемодан только до следующего дня, да и то неохотно, поскольку знал, что у Тадека земля горит под ногами. Утром за чемоданом приехал Петр Дрызек и отвез его в Гомулин. Часть радиоаппаратуры Тадек спрятал потом у Романа Сендеровича, органиста гомулинского костела.

В Пётркуве радисту делать больше было нечего. Тадек по просьбе Цитовича организовал переброску одной рации из Гомулина в Жешув. После четырехдневной подготовки он погрузил рацию на телегу Петра Дрызки, и всей группой они двинулись через Пётркув, Сулеев в Радомь. Дрызек, Кося, Цитович и Тадек сидели на телеге, а братья Туховские сопровождали их на велосипедах в качестве охранения.

В пути их подстерегали всякие неудачи. В Пётркуве, на Сулеевской улице, слетело колесо и покатилось по улице на глазах у хохочущих над ними гитлеровцев, Местный кузнец отказался чинить телегу. Тадек решил все-таки добиться своего. Он попросил немцев, которые как раз привезли каток для утрамбовки строящейся дороги, взять их пассажирами в свою машину. За колбасу и водку они согласились довезти их до Радомя. Погрузив чемоданы, все перебрались в грузовик. Старший, хватив изрядную толику водки, уступил даже Косе место в кабине, а сам с автоматом уселся на чемоданах. Так они доехали до Радомя. Подвыпившие немцы сами помогли им

достать билеты на поезд в Жешув.

Утром вся группа была на месте. Рацию поместили у одного механика, знакомого Эдека Згида, на улице Старова, на втором этаже. Вечером того же дня Цитович установил связь с Центром.

Закончив операцию по перевозке передатчика, Тадек выехал на несколько дней разведать укрепления на участке Ясло — Сандомир.

Цитович вел передачи в Центр ежедневно по нескольку часов в сутки. Чтобы не обращать на себя внимание жильцов дома, он никуда не выходил, а Кося перебралась на другую квартиру. Вскоре после переезда Кося заметила, что с ней раскланивается один железнодорожник из Пётркува, подозревавшийся в сотрудничестве с немцами. Старый инвалид Байсе, торговавший папиросами, предупредил Тадека, что и хозяин, у которого снимает комнату Кося, «плохой человек». В тот же день Тадек заметил, что над их домом пролетел самолет, а неподалеку стоит странного вида автомашина с откинутыми бортами. Было принято решение перебазироваться в Краков. Однако у Цитовича накопилось много радиограмм, и они решили задержаться еще на один день.

Во время сеанса передачи — это было около десяти часов вечера — Тадек выглянул в окно и увидел, что два соседних дома окружают гестаповцы, полицейские и солдаты. Передачу мгновенно прервали, Цитович сжег шифр и приготовился к обороне. Наблюдая из окна, Тадек и Цитович видели, как немцы обыскивали соседние дома. Одна группа направилась к их дому, но в квартиру, где находился передатчик, не вошли, так как она принадлежала механику, работавшему на авиазаводе и потому считавшемуся достаточно проверенным. Ничего не обнаружив, немцы готовились уже к отъезду. И в последний момент кто-то из немцев заглянул в кладовку возле дверей их квартиры и обнаружил там радиодетали. Они услышали крик:

— Ко мне! Эти сволочи здесь!

Раздался треск разбиваемой прикладами двери. Ворвавшись, немцы схватили Тадека. Цитович выпрыгнул в окно, но попал прямо в руки гитлеровцев.

Их доставили в гестапо в Жешуве, а потом автомашиной перевезли в Краков. Началось следствие, очные ставки. Через три месяца следствия гестаповцы расстреляли Цитовича. Тадека Квапиша и Юзека Клюфа отправили в концлагерь.

После неудачных попыток разыскать передатчик в Пётркуве я решил собрать собственными силами новый. С помощью Юрека Маринжа и Богдана Крыловича я установил контакт с радиоинженерами Симонисом и Ежи Зюлковским (по странному

стечению обстоятельств моим тезкой), которые занялись сборкой передатчика. Дело это было кропотливое и опасное — немцы грозили расстрелом за укрывание радиодеталей. К тому же не хватало денег, деталей и помещения, где можно было бы монтировать рацию. Сборка затягивалась, мы так ее и не закончили — пришло освобождение.

В январе 1943 года Зофья Дуллингер дала знать из Павяка, что наших заключенных отправляют в Майданек. Были отправлены Игорь и Ирмина. Появилась возможность выкупить их из концлагеря через посредство одного немецкого чиновника в Люблине. Я попросил ее немедленно туда выехать и обстоятельно изучить возможности выкупа. В результате переговоров в Люблине Зофье было обещано выпустить Игоря за 50 тысяч злотых, если в его тюремном деле не окажется каких-либо особых пометок.

Следовало торопиться, используя неразбериху в лагере, связанную с огромным поступлением заключенных. Окончательно переговоры должны были завершиться на следующий день. Я тем временем готовил для Мицкевича временные документы. Оставалось решить, где добыть деньги. Пятьдесят тысяч — сумма довольно большая, а времени в обрез. Зофья предложила обратиться за помощью к своему знакомому Адаму Браницкому, которого в его среде прозвали «красным графом» за либеральные взгляды и просоветскую ориентацию. Тот дал нам нужную сумму на довольно длительный срок.

Но когда Зофья вернулась в Люблин с деньгами и документами, выяснилось, что выкуп невозможен, так как в деле Мицкевича значилось, что он приговорен к смерти. Все наши усилия пошли насмарку, но мы не оставляли своих товарищей и продолжали оказывать им посильную помощь, посылая посылки и деньги.

В это время прошел слух, что Арцишевский тоже переведен в Майданек. Увы, это не соответствовало действительности. Ни Гурницкая, ни мать братьев Жупанских, ни Стефан Выробек, содержавшиеся в Майданеке, этого слуха не подтвердили. Установить контакт с Арцишевским нам так и не удалось.

ЭПИЛОГ

О дальнейшей судьбе арестованных членов группы «Михал» мне удалось узнать только после войны по воспоминаниям тех, кто пережил кошмар тюрем и концлагерей.

Леон Ванат в своих воспоминаниях пишет:

> «28 июля 1942 года в 11 часов утра к Павяку подъехал открытый грузовик. Он не остановился, как обычно, у входа в здание, а свернул налево. В машине, битком набитой до зубов вооруженными гестаповцами, привезли арестованных, которых сразу же поместили в тюремную больницу. Мицкевич был без сознания. У него оказался простреленным череп, но мозг задет не был. Крупович была ранена в печень и находилась в таком тяжелом состоянии, что ее не стали даже оперировать. Арцишевского, раненного в бедро, перевели вскоре в 1-й отдел и содержали в карцере…
>
> Всех троих сразу же стали допрашивать. Их истязали, мучили, потом попытались сломить посулами, обещая интернировать как офицеров, если они дадут показания.
>
> Ирмину Крупович, когда она почувствовала себя лучше, из больницы тоже перевели в 1-й отдел, в карцер, где она просидела три месяца. 17 января ее отправили в концлагерь в Майданек. С этой же партией прямо из тюремной больницы в Майданек был отправлен радист Игорь Мицкевич…
>
> Миколай Арцишевский, командир группы парашютистов «Михал», остался в Павяке, в карцере. Его продолжали допрашивать.
>
> Держался он стойко, несмотря на зверские истязания. Гестапо обещало ему после следствия перевести в лагерь для военнопленных. Но он этому не верил.
>
> И вот наступил памятный день 11 мая 1943 года. В тюремную канцелярию вошел офицер гестапо гауптштурмфюрер Пауль Вернер. Со зловещей усмешкой на лице он приказал доставить Арцишевского. Когда того привели, Вернер с помощью переводчика, заключенного Теодора Мюллера, довольно доброжелательно — как всем показалось — беседовал с ним в комнате, соседней с канцелярией. Потом Вернер приказал вывести

Арцишевского в коридор, а сопровождавшему его конвоиру крикнул:

— Расстрелять!

Это прозвучало как гром среди ясного неба.

Вернер ушел, а конвоир и Арцишевский зашли еще и канцелярию. Миколай, видимо, понимал, что это конец. Мы попрощались взглядом.

В сопровождении конвоира, державшего в руке пистолет, Михал шел к воротам. Шел выпрямившись, без пиджака, с непокрытой головой…

Издали до меня донеслось глухое эхо выстрела»[29].

О судьбе Мицкевича мы узнали из письма В. Хоффмана, которое он направил 10 марта 1947 года Ирмине Крупович.

«Письмо от 3 марта я получил только сегодня и сразу спешу сообщить все, что знаю об Игоре. Нерадостные это сведения и неутешительные, но лучше знать правду, чем жить в неведении. С Игорем мы сидели вместе в Павяке (в разных камерах, но в одно и то же время), потом я видел его в Майданеке, затем нас вместе перевели в Бухенвальд. Там мы жили вместе в бараке 37, в одном крыле. Сидели за разными столами, но виделись и разговаривали ежедневно. Игорь работал на заводе на территории лагеря. Так продолжалось до весны 1944 года, когда в один из дней его вызвали в политический отдел лагеря. Я точно не могу вспомнить дату, он был вызван внезапно перед обедом прямо с работы и после этого бесследно исчез. Спустя много времени мы узнали от товарищей по заключению, обслуживавших крематорий, что Игорь был расстрелян, а тело его сожгли в крематории».

Ирмину Крупович из Майданека перевели в Равенсбрюк, а затем в Бухенвальд, откуда ей удалось бежать с подругой за две недели до освобождения лагеря.

Только после войны узнал я, что наш шифр в руки немцев все-таки не попал. Когда началась перестрелка, Арцишевский отдал шифр и радиограммы Ирмине, и она их сожгла. Едва успела она бросить их в огонь, как в комнату вломились гестаповцы, и она была тяжело ранена.

Тоже после войны узнал я от полковника Медарда Конечного, которого планировалось направить в нашу группу в качестве курьера, что Янек передал в Центр мою шифровку о провале и новый адрес, по которому должен был явиться курьер. Но

выброска курьера так и не состоялась, вероятно, потому, что связь с Янеком внезапно оборвалась.

По-разному сложились судьбы связанных с нашей группой товарищей. Погибли в тюрьмах, никого не выдав, Михал Згид, Юрек Маринж, Элеонора Левинская (Кося), Карпович и большинство его ребят. В Варшавском восстании погибли Лоссов-Немоевский и Конопка. В партизанском отряде при переходе через болота погиб Богуслав Копка (Куба). Пережили лагеря: Гелена Гурницкая, Тадеуш Квапиш, Юзеф Клюф, Стефан Выробек, Гжегож Залевский. Остальных членов нашей группы и тех, кто сотрудничал с нами, немцам схватить не удалось.

После освобождения все, кто остался в живых, активно участвовали в восстановлении разрушенной страны. Они разъехались в разные концы Польши. Збышек Романовский в течение многих лет был председателем аэроклуба в Бялостоке; Станислав Винский живет и работает в Турке; братья Жупанские — известные химики: Анджей — технический директор на заводе в Тархомине, Тадек — главный технолог на сахарном заводе в Мелине под Грудзендзом; Стефан Выробек с головой ушел в коллекционирование; Тадек Квапиш поселился в Люблине; Юзеф Клюф живет в Лодзи; Зигмунд Енджеевский — заместитель директора автомобильного управления; Дональд Стейер — профессор, историк; его брат Влодек — сотрудник экспортного бюро; автор этих воспоминаний остался верен своей юношеской привязанности — авиации.

Занятые повседневными делами, захлестнутые потоком всяких житейских проблем и хлопот, мы не часто встречаемся. Но если такая возможность появляется, мы вспоминаем пережитые дни и наших товарищей, которые не увидели своей освобожденной родины. Перед нашими глазами встают как живые образы дорогих наших соратников по совместной борьбе. Они достойны не только нашей памяти, но и памяти всего народа, за свободу которого отдали свои юные жизни.

В день тридцатилетней годовщины выброски нашей группы мы с волнением участвовали в открытии мемориальных досок в деревне Зофьювке и в Пётркуве, откуда впервые пошли в эфир позывные нашей радиостанции.

ПОДВИГ ПРОЗРЕВШИХ
Послесловие

Польша 1920—1939 годов… Трагическая по своим последствиям страница в истории Польского государства. Драматическая, к счастью, давно и безвозвратно закрытая страница в истории советско-польских отношений.

В предисловии к польскому изданию книги «Группа «Михал» радирует» Вацлав Потеранский пишет:

> «Польско-советские отношения в период Второй Польской республики были отягчены в течение двадцати лет антикоммунистической и антисоветской пропагандой. Немало усилий было направлено к тому, чтобы всю польскую армию, и в первую очередь ее офицерский и подофицерский корпус, воспитать в духе неминуемого будущего столкновения с «красными».

Это хотя и грустное, но очень откровенное признание нашего польского друга полностью соответствует действительности.

И чтобы, прочитав книгу Ежи Зюлковского, полнее осмыслить величие подвига Миколая Арцишевского и его товарищей по борьбе, нужно вспомнить, что являла собой в те годы Польша, так называемая Вторая Польская республика.

В январе 1939 года министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек во время встречи с министром иностранных дел Германии фон Риббентропом в Мюнхене заявил, что Польша стремится «жить в дружественных и добрососедских отношениях с Германией и укреплять эти отношения». Он заверял Риббентропа, что Польша сделает все для сотрудничества с немцами в вопросах борьбы против Коминтерна…

Несколькими месяцами раньше, 1 октября 1938 года, посол Польши в гитлеровской Германии Юзеф Липский доносил Беку, что на вопрос, заданный германскому послу в Польше фон Мольтке о том, может ли Польша рассчитывать на доброжелательную позицию рейха в случае вооруженного конфликта Польши с Советами, Липский получил совершенно недвусмысленный ответ от генерал-фельдмаршала Геринга.

> «Геринг, — сообщал Липский, — особенно подчеркнул, что в случае советско-польского конфликта польское правительство может рассчитывать на помощь

со стороны германского правительства…» «Совершенно невероятно, чтобы рейх мог не помочь Польше в ее борьбе с Советами».

Эти факты уже сами по себе достаточно красноречиво говорят об истинном отношении правящей клики тогдашней Польши к Советскому Союзу. Ослепленные классовой ненавистью к социализму, к СССР, правители Польши, лелеявшие планы захвата советских земель, продолжали строить планы походов против СССР совместно с фашистской Германией[30].

Но как же могло случиться, что Польша, получившая свою свободу и независимость в 1918 году благодаря политике Советского государства[31], встала на путь, открыто враждебный по отношению к СССР, сомкнувшись в этой политике со злейшим врагом человечества — фашистской Германией? Исчерпывающий ответ на этот вопрос, конечно, прерогатива историков. Однако во многом свет на это может пролить и знакомство — даже самое общее — с личностями тех, кого польская буржуазия и шляхта, опираясь на помощь реакционных сил Запада, поставила у кормила государственной власти Второй Польской республики.

Пилсудский, Рыдз-Смиглы, Бек…

Юзеф Пилсудский, глава Польского государства, его первый маршал, в 1926 году осуществил государственный переворот, утвердив в стране диктатуру и став фактически полновластным диктатором. Еще в годы, предшествующие первой мировой войне, на территории Австрии Пилсудский под патронатом австрийской военной разведки «Хаупт-Кундшафтштелле» готовил кадры будущих польских разведчиков против России. В их составе, в кадрах так называемой «Первой бригады», студент Львовского политехнического института Юзеф Бек, будущий министр иностранных дел буржуазной Польши (кстати, обменявшийся дружескими рукопожатиями с Адольфом Гитлером в Бертехсгадене накануне гитлеровского нападения на Польшу), начинал свою политическую карьеру как шпион-диверсант против молодой Страны Советов. В 1917 году Юзеф Бек по приказу Пилсудского направляется под псевдонимом «гражданин Галицкий» в глубь революционной России. Тогда он добрался до Украины, затем до Москвы и до Орла, собирал разведывательные данные, организовывал группы диверсантов и саботажников, устанавливал контакты с русскими и украинскими контрреволюционерами. В Орле его наконец разоблачили органы Советской власти. И агент Пилсудского «гражданин Галицкий» бежал в Киев, где возглавил киевскую разведывательную группу немецкой разведки КНЗ. Но в это время из Германии приходят

тревожные вести. Революционные моряки в Кёльне поднимают на флагштоках своих кораблей красные флаги. Монархия Гогенцоллернов разваливается на глазах, кайзер Вильгельм бежит за границу. Охваченная страхом революции в России и Германии, польская буржуазия поручает бывшему австрийскому разведчику Юзефу Пилсудскому «спасать» молодое Польское государство и прежде всего свои имения и фабрики от большевизма. Пилсудский бросает клич своей агентуре, навербованной из бывших легионистов «Первой бригады», прибыть в Варшаву. Туда же рвутся польские разведчики Шатцель, Матушевский, Медзинский, Лис-Куля и апробировавший себя на ряде антисоветских акций… «гражданин Галицкий» — Юзеф Бек, агент австрийской разведки «Хаупт-Кундшафтштелле» и полуконспиративной «Польской организации военной» — ПОВ. Поздней осенью 1918 года Беку удается достичь Люблина, и здесь он представляется местному военному начальнику. Им является не кто иной, как другой легионист, полковник… Рыдз-Смиглы. Происходит трогательная встреча двух будущих губителей независимости Второй Польской республики, главных виновников сентябрьской катастрофы Польши 1939 года.

Юзефа Бека с еще большим гостеприимством встречает в Бельведере «комендант» и первый маршал Юзеф Пилсудский. Ему известны деяния Бека против молодой Советской республики, и он поручает своему бывшему агенту возглавить Второй отдел Польского генерального штаба. Перед недоучившимся студентом Львовского института открываются широкие перспективы. Он набирает кадры будущих шпионов, разведчиков, диверсантов, нацеливая их прежде всего на молодую Советскую республику. Кого только нет в этом паноптикуме антисоветских лазутчиков! От махрового контрабандиста, шпиона, диверсанта Сергиуша Пясецкого до бывшего воспитанника Пажеского корпуса в Петербурге штабс-капитана царской армии Франца Стшалковского, чью откровенную исповедь о действиях «двуйки» тех лет автор этих строк имел возможность слышать летом 1942 года в Архангельске!

Все бывшие и действующие разведчики, «двуйкажи», оставались навечно с их биографиями и весьма нелицеприятными делами на учете во Втором отделе Польского генерального штаба. Оставался там и Сергиуш Пясецкий. Вот почему, когда над ним нависла угроза смертной казни за грабежи и убийства, Пилсудский, Бек и другие соратники его грязных дел спешат на помощь, спасая его от расстрела. Лучшие же люди Польши в это время томятся в страшных застенках — Свентего Кшижа, на горе Лисица, в Келецком воеводстве, одной из самых страшных тюрем

досентябрьской Польши. Мне удалось однажды осмотреть эту тюрьму, сооруженную из «плачонцэго камня» — из плачущего камня, который покрывается капельками росы, когда гора Лисица обволакивается облаками густого тумана; я видел камеры, в которых содержались польские коммунисты. Я спускался в подземные тюремные камеры, куда даже в солнечные дни не проникал свет. Да, это была страшная тюрьма! Тюрьмы в Польше тех лет ждали всякого, кто выступал против режима Пилсудского, кто выражал симпатии к Советскому Союзу.

Для поддержки и обоснования своей антинародной, антисоветской и профашистской политики правители Польши использовали громадный пропагандистский аппарат, радио, кино, прессу, литературу и искусство, стремясь дезориентировать народ, запугать его затасканным жупелом «большевистской угрозы». Под черные знамена махрового антисоветизма было собрано все отребье общества, начиная от матерых шпионов и профессиональных убийц до продажных писак и псевдолитераторов. Что являли собой эти идеологические апологеты «великих» идей пилсудчины, легко себе представить, познакомившись с некоторыми биографическими подробностями автора широко разрекламированного в Польше тридцатых годов бестселлера «Любовник Большой Медведицы» Сергиуша Пясецкого. Этот «писатель», гимназист-недоучка из Покрова под Минском, как говорится, начал рано. Еще в конце двадцатых годов он участвовал в антисоветской организации «Зеленый Дуб». Вместе с польскими войсками, занявшими было Минск, бежал затем в Польшу, где закончил школу подхоронжих в Варшаве и в 1921 году вместе с бандами Булак-Балаховичей и генерала Перемыкина, сформированными небезызвестным Борисом Савинковым, разбойничал на советской земле, принимал участие в рейде на Мозырь. Как известно, и этот рейд закончился полным провалом. Пясецкий предлагает свои услуги разведке Польского генерального штаба. Однако в конце концов даже польский суд, несмотря на высокое покровительство, за убийства и грабежи вынужден упрятать его за решетку. И вот здесь, получив из рук католического писателя и руководителя издательства «Рой», добродушного мецената Мельхиора Ваньковича вместо ножа и кастета другую «бронь» (оружие): вечное перо, флакон чернил и бумагу, Пясецкий под руководством опытных наставников из «двуйки» начинает кропать свои антисоветские опусы. Если «Любовник Большой Медведицы» была книгой бульварного характера, то в новых книгах Пясецкого — «Пятый этаж» и «Равные богам ночи» — появляется оголтелая антисоветская пропаганда, сдобренная описаниями шпионских похождений,

пьяных оргий и сексом.

Вероятно, ни сам Пясецкий, ни его «творения» не заслуживали бы никакого внимания, если бы не являли собой яркого примера литературы отравителей, состряпанной приверженцами Пилсудского, в течение двадцати с лишним лет стремившихся вести страну по антисоветскому фарватеру. Такая духовная пища была крайне выгодна тем, кто хотел одурманить народ, нацелить солдатский, офицерский и подофицерский состав польской армии на войну с Советским Союзом, отвратив взгляды отравленных шовинистической, антисоветской пропагандой поляков, одетых в военные мундиры и конфедератки, от фашистской угрозы. Книг, подобных «твореньям» Пясецкого, выходило в довоенной Польше много, не говоря уже о писаниях соратника барона Унгерна — Оссендовского, издателей «Просто з мосту», краковского «ИКЦ» — «Иллюстрированного Курьера Цодзеннэго» и других.

Но было бы крайне ошибочным представлять довоенную литературную продукцию Польши книгами, подобными трилогии Сергиуша Пясецкого, о которых трезвые, мыслящие люди говорили с презрением: «шмата» («грязная тряпка») или «бруковка», то есть «бульварная литература». Сквозь все цензурные преграды санационного профашистского режима, сквозь полицейские провокации, подобные сфабрикованному делу о взрыве Варшавской цитадели, к широкому польскому читателю прорывалась правдивая литература о действительном трагическом положении Польши, правда о Советском Союзе.

Еще в те далекие двадцатые годы, когда к власти безудержно рвались эндеки, фашистская тайная организация «Скорая помощь патриотов польских», «Пяст», пилсудчики и другие правые группировки, равнявшиеся на Муссолини и Гитлера, происходило полевение и прозрение даже той части интеллигенции, которая некогда была связана с легионами, с «Первой бригадой», с кликой полковников и генералов из окружения Пилсудского.

Рыкает, пугает, сверкает крестами
Каждый генералище с ожиревшей рожею.
Хватит! Не притворяйтесь львами!
Знайте: здесь генералы мы сами,
ы сами, задумчивые прохожие, —

пишет, обличая реакционную военщину, известный польский поэт Юлиан Тувим, не боясь оголтелых нападок националистической печати, которая назвала это стихотворение «беспримерным по своей большевистской наглости хулиганским

рекордом Тувима». А каким обличением польского мещанства — «колтунерии», на которое ориентировались все правые партии, звучат другие стихи Тувима — «Мещанам»:

Страшны дома их, страшны квартиры,
Страшною жизнью страшны мещане.
В их помещениях тускло и сыро,
Плесень да копоть, мрак умиранья.
Утром проснувшись, брюзжат с досадой
На то, на это, бродя по дому.
Сперва походят, потом присядут,
Как привидения, как фантомы.
Поправят галстук, часы проверят,
Возьмут бумажник, сочтут наличность
И в мир выходят, захлопнув двери, —
В свой мир округлый, такой привычный…

Какое убийственное определение польского мещанства, в среде которого еще в те далекие двадцатые годы размножались бациллы антисоветизма!

Были в довоенной Польше и люди, подобные герою документальной повести «Группа «Михал» радирует» — Миколаю Арцишевскому и его боевым товарищам, которые еще до гитлеровского нападения на Польшу находили в себе мужество идти против течения, постепенно прозревая и понимая, что Советское государство на Востоке с его идеалами ближе им по духу, чем всякие западные шулера от большой политики и предатели польского народа, подобные Юзефу Беку и другим. Еще тогда духовному прозрению наиболее мыслящих людей Польши помогали вдохновенные строки поэзии Владислава Броневского:

Кланяюсь русской Революции
Шапкой до земли, по-польски,
Делу всенародному,
Советскому, могучему,
Пролетариям, крестьянам, войску!
Только шляпа в поклоне не вельможная:
Над околышем нет перышка цапли!
Это ссыльная, польская, острожная,
Шлиссельбуржца Варынского шапка…

И когда Миколаю Арцишевскому и его единомышленникам

довелось очутиться на советской земле, осмыслить трагедию Польши, наступило окончательное прозрение. Был сделан решительный шаг, протянуты руки для дружеского рукопожатия советскому командованию, и наш военный самолет вместе с первой десантной группой поляков взмыл в небо, держа курс в глубь оккупированной Польши. Обо всем этом точно и правдиво рассказано в настоящей книге.

Нет надобности пересказывать здесь ее содержание. Хочется только задать вопрос: единичен, исключителен ли этот беспримерный подвиг? Конечно, нет!

Еще задолго до появления этой книги в нашей советской документальной литературе мы могли найти множество фактов о сотрудничестве польских патриотов с нашими партизанами и разведчиками. Достаточно назвать хотя бы такие книги, как «Боевые спутники мои» Героя Советского Союза полковника Антона Бринского, «Люди с чистой совестью» Петра Вершигоры, «У нас — особое задание» Ивана Юркина, «Подпольный обком действует» Алексея Федорова (Черниговского), «Прыжок в легенду» Николая Гнидюка. А сколько теплых слов по адресу польских патриотов, помогавших отряду особого назначения «Победители», сказано в книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Медведева «Сильные духом»!

Мне довелось присутствовать на процессе над гауляйтером Эрихом Кохом в Варшаве, я видел, как вздрогнул этот матерый фашист, один из самых приближенных соратников Гитлера, когда стал давать показания медведевский партизан-разведчик поляк Курьята. Он смотрел с презрением и гневом в глаза Эриха Коха, и мне казалось, что это вся Польша, освобожденная совместными действиями Советской Армии и Войска Польского, обвиняет палача № 1 и весь фашистский строй.

За последние годы появилось в Польше немало книг, продолжающих тематику настоящей повести. Это прежде всего интересная публикация бывшего партизана-разведчика, доктора исторических наук Рышарда Назаревича «Поляки-парашютисты-разведчики на тылах Восточного фронта», это сборник «Подпольный фронт у Одера», это повести партизана-разведчика, впоследствии адмирала польского флота Юзефа Собесяка «Земля горит», «Бригада «Грюнвальд», автор которых действовал в самом тесном контакте и под командованием Героя Советского Союза Антона Бринского. Очень интересно работает в этом направлении, отыскивая новые и новые факты сотрудничества поляков с советской военной разведкой, писатель Александр Омельянович, живущий в Белостоке. Его книги «Приговор» и «Уничтожая тени» содержат много интересных примеров

сотрудничества польских патриотов с советским военным командованием в Августовских лесах, поблизости Сувалок и Белостока.

Интересные публикации можно найти в книгах «Военно-исторического обозрения», которые выходят регулярно в братской нам Польше. Вся эта литература очищает сознание читателей старшего поколения, которых пробовали было отравить книгами Пясецкого пропагандисты из клики Пилсудского, и воспитывает молодого польского читателя в духе дружбы с советским народом. Эту же цель преследует настоящая книга, и отнюдь не случаен выход ее именно в издательстве «Молодая гвардия». Повесть с удовольствием прочитают тысячи читателей нашей страны. Все ее содержание, близкое по своей тематике таким, скажем, книгам, как «Удар мечом» и «Схватка с ненавистью» Льва Константинова (Л. Корнешова), будет служить воспитанию в сердцах читателей благородного чувства пролетарского интернационализма.

Владимир БЕЛЯЕВ

notes

Примечания

1

Подхоронжий — воинское звание в польской армии, соответствующее примерно воинскому званию «прапорщик» в Советской Армии. *(Прим. перев.)*

2

Чалленджи — международные авиационные соревнования, проводившиеся в 1928—1934 годах, на которых Польша неоднократно занимала призовые места. *(Прим. перев.)*

3

Имеется в виду маршал Рыдз-Смиглы — преемник Пилсудского, один из лидеров реакционной клики, правившей Польшей в 1926—1939 годах. Будучи главнокомандующим, после разгрома польской армии Германией бежал за границу. *(Прим. перев.)*

4

Эндеками называли (по начальным буквам наименования партии) членов национал-демократической партии Польши, наиболее реакционной буржуазной партии, фактически поддерживавшей режим Пилсудского. *(Прим. перев.)*

5

Падеревский Игнацы Ян — польский пианист, композитор, политический деятель. *(Прим. перев.)*

6

Генеральная Губерния — часть территории оккупированной Польши без западных воеводств, отторгнутых фашистской Германией и присоединенных к рейху. (*Прим. перев.)*

Позднее все погибли в воздушных боях в Англии. Когут погиб в последний день войны. *(Прим. перев.)*

8

ZWZ — Союз вооруженной борьбы — военная националистическая подпольная организация. *(Прим. перев.)*

9

Позже я узнал, что разведпункт в Колюшках возглавлял путеец Стефан Квятковский, создавший группу из железнодорожников, взявших под наблюдение весь узел. Эта группа доставляла ценные сведения о воинских эшелонах, направлявшихся через Колюшки на фронт, как в направлении на Варшаву, так и на Скаржиско и дальше. Один из членов этой организации, дежурный станционного поста, собирал сведения настолько тщательно, что под разными предлогами даже задерживал у светофоров воинские эшелоны особого назначения, шедшие по «зеленой улице» и обычно не останавливавшиеся в Колюшках, с тем чтобы ознакомиться с надписями на вагонах и взглянуть, что скрывается под брезентом.

10

Зигмунд Вальтер — «Янке» — начальник штаба Лодзинского округа АК писал в своем отчете: «…донесение получил начальник округа подполковник Юшакевич (сейчас пребывает в Лондоне), который вызвал меня и поручил разобраться в этой истории и установить связь с парашютистами. О том, что начальник округа придавал делу значение, свидетельствует тот факт, что это задание он поручал лично начальнику штаба округа. Это говорило за то, что дело это носило исключительный характер. Руководствуясь сведениями, содержащимися в донесении, я выехал на место. В Зофьювке отыскал начальника местной группы и получил у него ряд дополнительных данных. Естественно, нас прежде всего интересовали цели выброски. Известие о десанте вызвало сенсацию в штабе округа и заинтересовало, видимо, Главное командование (речь идет о командовании Армии Крайовой. — *Прим. перев.*), которое также было проинформировано об этом событии…»

11

Раус! — Вон! Выходи! *(Нем. — Прим. перев.)*

12

Здесь и далее вместо Ежи может употребляться соответствующее ему имя Юрек. *(Прим. перев.)*

13

Nur für Deutsche — Только для немцев. *(Нем. — Прим. перев.)*.

14

Aussteigen! — Выходи! *(Нем. — Прим. перев.)*

15

Арцишевский пользовался документами на имя Валеры́ Скшинского. Имя это стало, по существу, его псевдонимом. И даже когда позднее он менял фамилию, все продолжали звать его Валеры.

16

«Шарые Шереги» — название юношеских подпольных групп, занимавшихся так называемым малым саботажем и образованных в оккупированной Польше из бывших харцерских отрядов. *(Прим. перев.)*

17

Павяк — тюрьма в Варшаве на Павьей улице. *(Прим. перев.)*

Остбан — восточные железные дороги. *(Нем. — Прим. перев.)*

19

NOW — Народова организация войскова, позднее вошла в состав АК. *(Прим. перев.)*

Зетвузетовцы — члены организации ZWZ. *(Прим. перев.)*

21

В официальных советских источниках отмечается: «…полнее и шире, чем другие, освещал переброски немецких войск через Польшу. В этой области «Михал» оказался важнейшим источником, данные которого принимались за основу при оценке передислокации войск». *(Прим. автора.)*

22

В 1942 году по требованию эмигрантского польского правительства в Лондоне, проводившего в это время открыто враждебную к СССР политику, с территории Советского Союза генералом В. Андерсом была выведена в Иран польская армия, сформированная на территории нашей страны с помощью и при содействии Советского Союза. *(Прим. перев.)*

23

Копка был студентом подпольного мединститута.

24

После войны мне стало известно, что эту операцию по приказу немцев сделал ему тюремный врач Лот. *(Прим. автора.)*

25

В то время командующий Варшавским округом АК. *(Прим. перев.)*

26

Позднее из архивных документов стало известно, что тело Янека, пронзенное тремя пулями, 31 июля 1942 года было доставлено в морг на ул. Очки. Немцам удалось установить, что под именем Бутка (Мариана Василевского) скрывался Мейер, связанный с разведчиком Мицкевичем, арестованным в Юзефове. *(Прим. автора.)*

27

Повят — единица административного деления Польши, равная примерно району в СССР. *(Прим. перев.)*

28

Вскоре она была арестована гестапо и погибла в концлагере. *(Прим. авт.)*

Л. Ванат. За стенами Павяка. Варшава, 1960.

«СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». Документы и материалы. М., Издательство политической литературы, 1971.

31

В ноябре 1918 года Советское правительство признало за польским народом право на свободное самоопределение и аннулировало все договоры царского правительства о разделах Польши. *(Прим. автора.)*